

Улан
БЕРЕСОВ
МИРАЖИ

Виктор остался один — развелся, разошелся с любовницей.

Новые чувства к женщине пугают, но и одиночество страшит.

Что перевесит?

Окажется ли решимость найти ту самую, единственную сильнее страха разочарования и потери?

Виктор позволяет себе прогулку с девушкой-попутчицей, они вместе ехали из Москвы, едва знакомы и это хорошо.

Он не хочет надежд.

Пусть будет только "сегодня"

В тексте есть: мужской взгляд на любовь, сильные чувства и мечта, разница в возрасте

Ограничение: 18+

- [Миражи](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
-

Была осень. Снова осень, а сколько всего произошло, словно вторая жизнь случилась. Сумбурная, беспокойная, похожая на Риту. Неужели теперь так и будет — в постоянном сравнении: “здесь мы встретились, здесь поцеловались, а вот тут поссорились...”

Не стоило из Германии возвращаться.

Не стоило позволять себе прогулку с Вероникой. Ведь он бессовестно перекладывает груз собственных проблем на неё. Чужого человека, не обязанного все это нести.

Но она же не узнает? Просто несколько часов вместе, чтобы отогнать одиночество. Чтобы не дать прошлому ввергнуть в беспросветное уныние и без того пасмурный, питерский день.

Через полчаса Виктор уже был на Васильевском. Он остановился у дома Татьяны, припарковался около арки во внутренний двор и позвонил Веронике.

— Да, — прозвучало в мобильном немного насторожено.

— Ника? Это Виктор, ещё раз добрый день. Если вы можете спуститься прямо сейчас, то я уже внизу.

— Иду, — последовал короткий ответ и соединение прервалось.

Виктор улыбнулся. Ждала... Утренние заботы и напряжение, которое держало его в офисе отпустило. Вяземский глубоко вздохнул, стряхивая остатки рабочих проблем. Сейчас он хотел отключиться от них и позволить себе отдохнуть. До понедельника. Вероника уедет и тогда... тогда он снова будет один, но до это ещё три дня. Всего три... или целых три... сейчас он не знал. Он вспомнил ночь в поезде, глаза девушки, её волосы...

В проёме арки показалась Вероника. Она снова была в тёмных брюках и строгом удлинённом пиджаке из какой то плотной, но мягкой ткани, из-под пиджака виднелась чёрная шелковая блуза. Волосы Ники свободно рассыпались по плечам, только две небольшие заколки удерживали золотистые пряди у висков.

Вот, вышла из арки и хмурый день показался Виктору солнечным от сияния её волос. Какой-то парень засмотрелся на Нику и толкнул женщину, которая шла ему навстречу, Вероника даже не заметила.

Виктор тоже смотрел на неё. Полминуты... минуту... Ника искала его глазами и выражение её лица менялось. Сначала лёгкое беспокойство, она нервничала, потом увидела машину и улыбнулась. Улыбка родилась в глазах, скользнула по губам, рука поднялась в приветственном жесте, но Ника смутилась и пальцы её только коснулись щеки. Девушка поправила волосы, быстрым движением откинула их за спину и решительно зашагала к машине.

Виктор вышел из джипа, открыл для Вероники переднюю дверцу.

— И снова здравствуйте! Я задержался сегодня, простите, — теперь он говорил с ней совсем не так, как из офиса, — не смог отменить деловую встречу, а потом ещё в пробке

постоял на Невском. Вы из-за меня потеряли целое утро.

— Вовсе нет, я ещё и не дошила платье.

— Платье... да... — он вспомнил, что она говорила ему вчера про какое-то костюмированное собрание, вроде карнавала, — и кем вы будете в том платье?

— Эовин, Роханской принцессой.

Он не сразу сообразил, что в таких играх география вымышленная и попытался представить себе где находится Рохан, потом вспомнил, что в Средиземье у Толкина. Думать ему мешали волосы Ники, он хотел бы дотронуться до них, узнать какие они? Мягкие? Послушные? Да о чём он! С какой стати? Вероника поводов не давала, он обещал показать ей город и только.

— Хотел бы я посмотреть... Ну что ж, Ваше Высочество, прошу садиться, — Виктор церемонно повёл рукой в сторону джипа.

Она рассмеялась, села в машину, Виктор прикрыл дверцу. Когда вернулся на водительское сиденье, то почувствовал, что салон автомобиля наполнился чистым лёгким ароматом. Розовое масло. Без примесей каких либо других запахов. В поезде от неё пахло также.

— Вероника...

Она вопросительно, с некоторым беспокойством взглянула на него. Участие? Да нет, показалось... Они не настолько знакомы. С другой стороны, почему бы и нет? Виктора обрадовал ее взгляд, Вяземский душой потянулся к этой девушке. До понедельника, так до понедельника...

— Не будет ли с моей стороны слишком большой смелостью пригласить вас пообедать со мной? — спросил Виктор. — А вторую половину дня мы прогуляемся по центру. За город сегодня ехать поздновато, не хочется показывать вам окрестности наспех, а вот завтра с утра мы могли бы отправиться в Пушкин, Петергоф, Павловск, Гатчину — куда захотите.

— Да, я бы хотела в Павловск, — кивнула она.

И снова тихая радость согрела его. Она выбрала именно Павловск — место, с которым у него было связано так много воспоминаний.

— Так поедем подкрепиться тут поблизости? Если честно, то я и не завтракал толком, — признался он.

— Трудный был день? — спросила Ника

Не показалось. Виктор посмотрел в её зеленовато-серые глаза и ответил.

— Да, не лёгкий.

— Может быть... Виктор Владимирович...

— Просто Виктор, — попросил он и на мгновение накрыл её руку своей.

Как ни удивительно, именно Ника оказалась первой до кого ему хотелось дотронуться с тех пор как... не важно. Он прогнал воспоминания. До понедельника — никаких воспоминаний. Сегодняшний день он проведёт с этой милой девушкой и завтра тоже...

Виктор чувствовал в Нике нечто светлое, рядом с ней было спокойно. Ещё вчера, когда она говорила с ним по телефону, он слушал её голос и успокаивался.

— Хорошо, Виктор, — она не стала жеманничать, назвала его по имени, уверенно и просто. — Так вот, я хотела сказать, может быть вам не очень хочется после трудного дня бродить по городу? Наверное, лучше было отдохнуть...

— Да, отдохнуть... с вами, — улыбнулся он, и Ника улыбнулась в ответ.

Виктор повернул ключ зажигания. Зарокотал мотор, машина медленно стронулась с

места и вошла в поток.

Виктор доехал по Среднему до Детской улицы, свернул, через два перекрёстка на Большой проспект и еще раз направо к Гавани. Знакомая дорога. Он столько лет прожил на Васильевском, знал тут каждый переулок.

Остров изменился, потерял свою обособленность, превратился в часть города. Не лучшую часть, а когда Виктор жил тут, он любил в Васильевском именно эту неуловимую отстраненность. Что-то особенное было в острове и василеостровцах. И весна приходила сюда раньше, и капель пела звонче, солнце яркое, небо синее. Но солнце редко выглядывает в Питере, а и в дождь тоже хорошо. Близость Финского Залива делала Васильевский более туманным и влажным в пасмурную погоду. Но не мрачным, скорее загадочным. Теперь загадочность исчезла, еще один городской район, активно строящийся вверх. Большой, как всегда перекопан — это как раз осталось, объезд...

А может быть это сам Виктор изменился? Десять лет не малый срок...

Как бы то ни было, остров показался Вяземскому унылым и грязным, улицы потеряли свою несколько «провинциальную» индивидуальность, особая василеостровская архитектура первых линий не составляла теперь единого стиля, приземистые фасады с плавно изогнутыми портиками и круглыми окнами петровского барокко, словно заплатками, были загромождены несуразными рекламными щитами. Как и весь Питер, впрочем.

Но Вероника смотрела на остров иначе.

— Как тут красиво, — повторяла она, прильнув к окну, — особенно там около дома Тани.

— Да, там самая старая часть васильевского — ещё немцы при Петре Первом строили, тут тоже была немецкая слобода, как в Москве. Вот мы походим потом пешком по Первой линии и по Шестой, я вам дома интересные покажу. Собор красивый там, около рынка на Большом проспекте, наверно видели уже.

— Да! Он так мне понравился! И часовня...

— На Васильевском много церквей, лютеранская есть и костёл, а на Смоленском кладбище часовня Блаженной Ксении, некоторые верят, что она эта Питерская Святая помогает просителям.

— А вы?

— Я? Думаю, что нет... у меня сложные отношения с Богом, — усмехнулся Виктор.

Вероятно, Ника подумала что он атеист и не стала спрашивать. Виктора это вполне устраивало, она была тактична и больше молчала, чем говорила — это подкупало Виктора. Более всего не терпел он в женщинах вульгарную назойливость и бестактность, а если Ника и спрашивала о чём-то личном, то очень осторожно, не раздражая. В душу не лезла.

— А вот там что? Ещё одна церковь? — показала она на массивный купол, который поднимался над длинным каменным трёхметровым забором.

— Нет, военная часть. Отряд Подводного Плавания. У них на территории тоже собор, но не действующий, по моему один купол только от церкви и остался, а само здание перестроено. Вот мы и приехали, — добавил он, заворачивая на узкую улицу, и остановил машину у рекламной тумбы небольшого ресторана. — Почти в гавани. — Виктор наклонился и через стекло со стороны Ники взглянул на надпись над дверью. — Название сменилось, раньше это заведение называлось «У причала». — Рекламный щит гласил: “Континенталь”. Виктор усмехнулся, — ну, будем надеяться, что изменения здесь произошли в лучшую сторону.

— А вы часто бывали тут?

— Случалось... я жил на Васильевском, дочь у меня тут родилась, сын учился в Мореходном училище...

— А теперь почему... — Ника не закончила и прикусила губу, понятно стало — она не хотела спрашивать, само вырвалось.

— Почему... — Виктор вздохнул и нахмурился.

Ника перехватила тот же его взгляд, что в поезде, когда он прочёл то СМС.

— Почему, — повторил он, а потом неожиданно легко признался ей в том, о чём сам себе сказать не решался весь этот год. — Не знаю почему...

— Извините, не надо было спрашивать, — пробормотала она едва слышно и опустила голову, нервно сцепила пальцы.

— Спасибо, что спросили, сам я... боялся... Ладно, давайте посмотрим, что стало с этим ресторанчиком. Раньше тут кормили очень прилично, — сказал Виктор, закрывая нежелательную для них обоим тему.

Он не собирался откровенничать с этой девочкой, изливать душу, жаловаться по примеру стареющих холостяков. Покажет ей город, ничего больше. А с понедельника начнёт разбираться «почему».

В гардеробе Виктор помог Нике снять пиджак, разделся сам, потом прошёл вместе с девушкой в обеденный зал.

Внутри ресторан выглядел иначе, чем Виктор помнил его, но всё было опрятно и чисто, белые скатерти на столиках, оформление безликое, но хотя бы не аляповатое. Все окна зала выходили на Большой проспект, закрытые зелеными жалюзи, они не пропускали внутрь обыденность улицы. На каждом столике стояла небольшая лампа под матовым абажуром, расписанным цветами в пастельных тонах. Такого же «цветочного оформления» были и панно на светло-зеленых стенах. В целом зал производил впечатление чего-то лесного, или скорее лугового.

Посетителей не было, официанты скучали у полураскрытого окна в конце зала около небольшой концертной эстрады.

Метрдотель проводил Веронику и Виктора к столику в центре зала, подал меню и предоставил им самим делать выбор.

— Что бы вы хотели на обед? — спросил Виктор.

— Не знаю, — Ника пожала плечами и смущенно улыбнулась, она не привыкла ходить по ресторанам и не очень представляла, как следует обойтись с этим заказом. — На ваше усмотрение, Виктор Владимирович.

Виктор укоризненно посмотрел на неё и покачал головой.

— Я привыкну, — с улыбкой пообещала она, — не сразу, конечно...

— Неужели я произвожу такое впечатление, что у вас язык не поворачивается назвать меня просто по имени.

— Нет, впечатление очень хорошее, но... мне это не привычно.

— Хорошо, я не буду настаивать, подождём пока привыкните, у нас ещё есть для этого время. Так что же с нашим обедом? Мясо, рыбу, птицу? Что на закуску?

— Какой-нибудь салат, наверно, мяса не надо, лучше бы что-то лёгкое.

— Вы не едите мяса?

— Ем, но сейчас не хочется.

— А рыбу?

— Пожалуй, да.

— Прекрасно... а что вы будете пить? Немного вина? — Ника отрицательно покачала головой, — ну, а я за рулём, так что напиться нам сегодня не светит, значит сок? — Она кивнула. — Какой? — уточнил Вяземский.

— Не очень кислый.

— Персик?

— Да...

— Ладно, а кофе и пирожные выберем потом.

Виктор заказал несколько различных салатов и форель с гарниром на горячее, персиковый сок, минеральную воду, позже кофе и пирожные со взбитыми сливками и фруктами, и ещё шоколад.

Обслужили их очень быстро, хоть официант и не был в восторге от скромного, безалкогольного заказа.

— Куда же мы направим стопы наши после обеда? — спросил Виктор, когда они добрались до кофе и пирожных. До этого оба ели молча и избегали смотреть друг на друга. Неловкости не было, скорее странное ощущение обычности происходящего, как будто они давно уже ходят обедать вместе.

— Нет... все-таки ресторан хорош вечером, — сказал Виктор, отставляя тарелку с горячим, — тогда тут представление и народу много, да и вообще обстановка другая. А так, почти столовая. Никакой экзотики. Помню времена, когда обедать мы бегали в пельменную, не здесь, не на Васильевском, конечно, а когда я учился. Хотя и тут на углу была раньше пельменная, и вечно в обед огромная очередь.

— У меня мама хорошо пельмени готовит, — сказала Вероника

— Не удивительно, в Сибири наверно все умеют их делать.

— Умеют.

— Так куда мы поедем? Скажите, вот так просто, не задумываясь, что в первую очередь вам приходит на ум, когда вы произносите Петербург.

— Нева... Финский Залив. Я была там сегодня утром, на берегу.

— Правда?

— Да, — Ника вспомнила о своих мыслях и спросила, — а вы любите Финский Залив?

— Да... очень, — ответил Виктор совсем другим тоном, чем он говорил до этого. — Очень, — повторил он и посмотрел на Нику. Некоторое время они молчали, думая каждый о своём, потом Виктор спросил, — и как вам Залив?

— Ему плохо в городе, душно, — отвечала она, — он здесь болеет.

— Болеет? Вы говорите о нём, как о живом.

— Да я так и думаю о нём. Я всегда хотела сравнить их — Байкал и Финский Залив, а ещё думала о северных народах, когда была на берегу, о тех мореплавателях... об их кораблях... ведь когда-то их морские пути проходили тут.

— Залив лучше смотреть не в городе, здесь он и правда болен, но есть места, где он живёт и дышит полной грудью.

— Наверно далеко? — грустно спросила Вероника.

— Не так далеко, может мы и туда доберёмся, но всё же вы не ответили на мой вопрос. Что для вас прежде всего Петербург?

— Сейчас... я скажу... — она на полминуты прикрыла глаза и улыбалась чему-то своему. Виктор ждал. Он смотрел на её золотистые ресницы. Они были темнее чем волосы и

такие длинные, пушистые, тень от них падала на щёки.

“Когда она спит, глаза её так же прикрыты”, — подумал Виктор, а больше он ничего не успел подумать потому, что Ника открыла глаза и, встретив его взгляд сказала,

— Летний сад.

Город

Виктор припарковал машину за Академией Культуры со стороны Лебяжьей канавки, и в Летний сад они с Никой пошли по набережной.

— Давайте посмотрим на реку, — попросила девушка.

Они перешли проезжую часть, встали у парапета, любясь панорамой. Поднялся ветер — крепко задувал с Невы, но Вероника только улыбалась и подставляла ему лицо, она ловила упругие порывистые волны глубокими вдохами и смотрела на противоположный берег.

— Я и представить не могла, что это так красиво! Нет, удивительно, невероятно! Река в гранитных берегах и мосты! Петропавловская Крепость! Сто раз видела это на фото по телевизору, в сети но... — она обратила к Виктору счастливое, изумленное лицо, не находя слов. — Я пробуду здесь ещё несколько дней, так мало, но точно знаю, что жизнь моя переменится, потому что я была здесь, видела этот город. Он никогда не станет моим, но и не отпустит меня, как и всех, кто ходил по его улицам, касался этих камней.

Она дотронулась до гранитного парапета бережно и осторожно, словно до живого. В первый момент Виктор не нашел, что сказать. Он улыбнулся ей в ответ и вдруг увидел Троицкий и Неву как в первый раз, это оказалось для Вяземского так же удивительно и невероятно, как стоять сейчас с незнакомой девочкой и чувствовать себя счастливым лишь потому, что крепкий невиский ветер играл ее прекрасными волосами.

Картина потрясающей широты и свободы реки, обрамленной гранитными берегами, стальная рябь на воде, низкое величавое небо, простор — вот что открылось. И ветер, ветер! Он забирал все дурное, уносил в прошлое. Возможно ли? Да!

Сохраняя в себе это ощущение Виктор медленно шел вдоль гранитного парапета рядом с Вероникой, они поравнялись с воротами Летнего сада. Вяземский остановился, пораженный строгостью и простотой линий, контрастом золотого и чёрного между массивных гранитных колон, изяществом и лаконизмом украшений. Но главное — неотъемлемостью этой красоты от единого целого: Город, Нева, Летний сад. Он увидел их, увидел и понял. Едины и поют, похоже на симфонию ветра, реки, неба, мелодию линий.

Вяземскому хорошо был знаком исторический центр Питера, Виктор мог немало рассказать о домах, улицах, мостах, еще с института, когда всерьез увлекся историей города, он помнил имена и даты, но ему и в голову не приходило, что можно относиться ко всему этому так. Глазами этой странной девушки смотрел он на Петербург и радовался мгновению жизни в здесь и сейчас.

— А если город все-таки станет вашим? Вы бы хотели? — спросил он.

— Раньше я бы сказала — нет. До того как увидела его, а теперь... наверно да. Но это невозможно, разве что чудо совершится.

— Чудеса для тех, кто верит. — Виктор оглянулся на здание Академии Культуры. — А

ведь я тут учился, вон в том доме, он указал рукой на массивный фасад, обращенный к реке, — из окон видел то Петропавловскую крепость, то Летний сад.

— На экономиста учились тут? — удивилась Вероника.

— Нет, на режиссера, — засмеялся Виктор.

— Но как же... вы удивительный и странный.

Он только махнул рукой.

— Это всё так запутанно вышло, диплом понадобился. Рассказывать долго, да и не стал я режиссером, поэтому воспоминания оставим прошлому, в них мало интересного. Разве что всякие забавные моменты. Вот например, видите, там где мост через Лебяжью Канавку? Воооон там, с края место где можно коротким путем проникнуть в сад. Где пики решетки расположены веером — есть щель.

— А почему через ворота нельзя?

— Так ведь лень! Весной мы ходили в сад готовиться к экзаменам, а до ворот далеко, пока туда, пока обратно. Мы через решетку лазали и вот, одна девочка упала в Лебяжью канавку, прямо как Лиза из “Пиковой Дамы”

— Какой ужас, утонула?

— Нет, конечно, её же спасти кинулись.

— Вы?

— Нет, другие девчонки — из парней никто. Да там мелко. Мы их потом всех разом выловили с парашюта, даже ноги не промочили, а они все вымокли.

— Очень по рыцарски. А дальше? Девочки не возмутились?

— Нисколько, наоборот... было смешно... дальше мы пошли кофе пить, девчонки все мокрые ввалились в буфет, а навстречу — декан факультета. И, самое удивительное, что он сразу догадался. Я до сих пор не пойму как, но он сказал, — Виктор сделал строгое лицо и копируя декана наставительно произнес: “Надо пользоваться воротами...”

— Может он сам так лазал? В юности, — Ника засмеялась, но тут же погрузилась, — как это замечательно жить и учиться тут.

Виктору захотелось её утешить и опять это странное желание прикоснуться к ней — взять за руку... Конечно он не стал делать этого, а начал рассказывать о городе, но на самом деле о себе.

— Наверно мы, жители Петербурга, так привыкли к городу, что перестали замечать его. Ходим, ездим: из дома на работу, с работы домой. От мостовых глаз не поднимаем. А ведь он — чудо! В масштабе возраста городов мира наш — юнец. Удивительно представить себе, что триста лет назад на том месте, где мы сейчас стоим, был густой дремучий лес, а берега Невы, топкие и плоские, почти не поднимались над водой. Литейный проспект выглядел просекой от Литейной слободы до “невской перспективы” как называл улицу царь Петр, а за Марсовым полем лежало большое торфяное болото. Не было постоянных мостов, только наплавные. Государь самодержец вообще весьма негативно относился к мостам через Неву — хотел чтобы в новом городе на улицах слышался не стук колёс о мостовую, а скрип вёсел в уключинах — каретам он предпочитал лодки, да и сами улицы собирался заменить каналами. Планы спутала Нева, она же распорядилась по-своему и любимым детищем Петра — Летним садом. Я обрадовался, когда вы назвали именно это место!

— Сама не знаю почему, закрыла глаза и...как будто услышала внутри... Да, Неву без мостов представить трудно, — согласилась Ника.

— Я Троицкий люблю больше всех.

— Почему?

— Не знаю, может, тоже слышу внутри, — Виктор обернулся и ещё раз взглянул на панораму противоположного берега, — А ещё... если пойти и встать над Невой, то с моста в обе стороны открывается Время Города. Старое и Новое... если лицом к Марсову полю на середине моста, то по правую руку у вас окажется Петропавловская крепость, стрелка Васильевского, а по левую — Аврора, Площадь Ленина, вся панорама арсенальной набережной с современными зданиями, как будто мост разделил историю надвое. Он кстати самый протяженный, почти 600 метров, если мне не изменяет память, как застрянешь на нём в пробке в час пик, так и сидишь целый час в машине и любишься Невой.

— А за мостом что?

— Троицкий перекинут к первой площади города. Она и Петровская набережная — самые старые части Петербурга. Когда город только начинался, время военное было, поднимали земляные валы Петропавловской крепости, а под прикрытием цитадели выросло и поселение. Теперь от него ничего не осталось, кроме названия площади, но триста лет тому назад тут был первый порт, административный центр, коллегии, типография, аустерия, как на новый лад именовали трактир. Была и церковь — тоже Троицкая, почему так названа — не знаю, но вероятно это связано со Святой Троицей. А по берегу дома новых вельмож — Меншикова, Зотова, Шафирова. Ни один из домов не уцелел, но чудом сохранился первый дом Петра. Вот там, на Берёзовом острове, между мостом и Авророй, видите, небольшой каменный домик — это футляр в нём спрятан бревенчатый, срубленный солдатами за три дня дом царя. Там он и поселился, после того, как заложил крепость. В доме музей. Если будет время — можно сходить взглянуть на семейный быт Петра Первого.

— Столько всего хочется увидеть! А ведь целый день на игру уйдёт, — сказала Вероника.

— Но игра тоже дело интересное, разве нет?

— Да, очень! Я так ждала её, готовилась, мы почти полгода переписывались с друзьями, а потом я ещё уговаривала папу целый месяц, чтобы он меня отпустил, и ребята меня ждали, представляете! Они не стали играть без меня, всё должно было состояться летом, ещё на каникулах, а сейчас все все учатся, потому и у меня так мало времени. Летом я могла бы хоть месяц жить у Тани.

— Она такая славная, — сказал Виктор.

— Да, она мне как сестра.

— А родных сестёр и братьев нет?

— Нет. Я одна.

— Это не легко — быть единственным ребёнком в семье, — сочувственно улыбнулся Виктор, — но папу вашего можно понять — я бы ни за что вас не пустил.

— Я бы всё равно поехала, потихоньку...

— Да неужели? Сбежали бы из дома?

— Определённо. Я же не могла подвести ребят. Дома мне казалось, что игра — важнее всего, когда я собиралась, думала, что это так, а теперь увидела город и поняла, что есть нечто, ещё более важное... я затрудняюсь сказать... конечно город и... я в нём. Это как будто сделать шаг, как вы говорите, в другое время.

Она прижала руки к груди, смиряя восторг. А он рвался наружу, сиял в удивленных, широко распахнутых глазах, укрывался в смущенной улыбке, готов был пролиться слезами.

Виктор понял о чём она. Это пришло ощущение восторженной свободы в большом

городе. Девочка повзрослела, но ей не надо было сейчас знать об этом, да и узнать она должна была не от кого-то — от самой себя. И рядом с тем, кто ее любит, а не с ним, Виктором Вяземским, случайным попутчиком.

— Мне бы так научиться видеть Питер, — незаметно перевёл он разговор в новое русло.

— Вы и видите! Знаете о нём так много и рассказываете. Откуда Виктор Владимирович?

— Сначала в институте я был увлечён предметом «История Петербурга» у меня в дипломе даже пометка стоит, что могу преподавать его. Но экскурсоводом я не собирался становиться. Люблю читать книги про Время, архитектура — это всегда время, хотя она и скрывает многое. Она та самая цель, которая оправдывает средства. Посмотрите ещё раз на Неву, мосты, набережные — прекрасный и совершенный вид. Не город у реки, а река часть архитектуры города, его определяющая, его пространство, доминанта, его логическое объяснение, соразмерность, стремление, жизнь. Без Невы Петербург выглядел бы мёртвым саркофагом. Но сколько жизней прервалось чтобы он родился! Сейчас вы ужаснётесь тому, что я скажу. Но это правда. Город, как ненасытный стервятник питался прахом, его построили на костях крепостных мужиков. Всё здесь было изменено, весь уклад этих земель. На берегах Невы задолго до появления Петербурга селились люди, но Петра не устраивали деревеньки и посады новгородцев, смешны казались маленькие шведские крепости — не таков был размах государя. Ему нужен был Город. Именно здесь. И всей мощью непререкаемой воли единодержца поднял он новую столицу из болот. Цена значения не имела. Чтобы устроить набережные, Невские берега укрепляли, сначала дубовые деревянные сваи и щебень, потом камень, гранит везли из-под Выборга. Чтобы скорее выстроить тут дома и замостить улицы, Пётр по всей России, представьте только по всей России! запретил на четыре года каменное строительство. Ни одна страна Европы не знала такого произвола. Вперемежку с камнями здесь, в этих набережных, замурованы тысячи душ.

А революция? Когда я в первый раз прочёл дневники Ивана Бунина «Окаянные дни», то понял, чем стал Петербург в девятнадцатом году. Одной большой братской могилой российского дворянства, интеллигенции, культуры, погибло всё — остались только фасады, их мы видим и теперь. У этих стен расстреливали людей, а дождь и Нева смывали кровь. С удивительной повторяемостью всё это ещё раз было уже в годы сталинских репрессий. Город впитывал кровь и оставался всё-таким же равнодушным. А потом снова война, блокада, бомбёжки. Чаще говорят о героизме защитников Ленинграда, но чтобы спасти эти камни сколько ещё понадобилось безымянных костей? А город стоит всё такой же прекрасный и загадочный, кутается в туман белых ночей, и ему нет никакого дела ни до Времени, ни до Смерти. Он вечно молод и вечно жив, он словно вбирает силу всех, кто, как вы говорите «хоть раз прошел по его улицам».

— И всё же, то о чём вы говорите сделали люди, а не Город, — возразила Ника, — разве можно винить его за то, чему он не мог противостоять?

— Вероятно ему следовало рухнуть под бременем человеческих грехов, — усмехнулся

Виктор.

— Он слишком красив, чтобы рухнуть!

— Так по вашему, красота — это оправдание преступления? — Виктор внимательно смотрел на неё и ждал, что она ответит. Ника смутилась.

— Нет, не оправдание, но...

Она замолчала.

— Что же вы сдались так легко? Ведь вы же не согласны со мной.

— Не согласна, — кивнула Вероника, — но с вами трудно спорить. Я не знаю, как доказать правоту. Вы слишком убеждены в своей точке зрения и... горячо убедительны.

— Это только с вами, времени у меня мало, а сказать хочется много, простите, загрузил. А отстаивать свою точку зрения надо до конца. К тому же вы доказали свою правоту а priori, только не заметили. Город не люди, он не совершал преступлений, а лишь был их свидетелем. Но очень приятно, что вы не обратились к избитой истине «Красота спасёт мир».

— Нет, не спасёт, — тихо сказала Ника. — Она посмотрела ещё раз на Неву, потом на решетку Летнего сада и повторила, — не спасёт.

— А что же спасёт?

Виктор ждал чего угодно, но только не того, что сказала она.

— Любовь.

Теперь Виктор замолчал. Он не хотел с ней спорить. Пусть она верит в любовь, так легче жить. Когда-нибудь и в этом сама разберётся.

— Ну что ж... пойдёмте посмотрим Летний Сад, а то мы так и стоим перед оградой, рассуждая на философские темы.

Виктор придержал Нику под локоть, когда пошли через проезжую часть, они снова пересекли набережную и оказались перед чугунной решеткой Летнего Сада.

— Я читала, что какой-то англичанин приехал в Петербург, увидел эту решетку и уехал, сказав, что ничего красивее, всё равно не найдёт во всём городе. Ну не знаю, — пожалала она плечами, — всё же глупый, я бы на его месте раз уж приехал, посмотрела бы и остальное.

— Да что с англичанина возьмешь? Но мы и остальное посмотрим, — заверил Виктор.

Ника остановилась перед полуоткрытой створкой ворот главного входа. — А про Летний сад вы мне тоже расскажете?

— Если вам не наскучило, — улыбнулся Вяземский.

— Нет! Совсем нет, — она положила другую руку на лацкан его куртки, — я очень люблю, когда вот так рассказывают.

Виктор почувствовал необыкновенную лёгкость рядом с этой девушкой. Не надо было одёргивать себя, сокращать объяснения или вежливо отмалчиваться, слушая пустую болтовню собеседницы, отвечать на глупые вопросы. Она очаровала его способностью слышать и понимать, догадываться, вбирать новое, жадной познания, интересом к жизни, открытостью.

При этом Ника оказалась не только благодарной слушательницей, но и равным Вяземскому собеседником, возражения её были интересны и вызвали дальнейшее развитие разговора. Виктор любовался не только внешностью девушки.

— Конечно, я расскажу. Сейчас мы пройдем немного по берегу Лебяжьей канавки, там есть одна скульптура — мне хочется показать её вам. Это моя любимая, а потом пойдём к Большому пруду и посмотрим ту сторону сада, где вход от Инженерного замка, вернёмся уже

вдоль Фонтанки к летнему дворцу Петра, таким образом замкнём круг и осмотрим весь сад. Здесь всё симметрично и ясно, думаю не заблудимся. И промежуточные аллеи тоже посмотрим, если вы захотите.

— Да...да... так будет очень хорошо.

Она взяла Виктора под руку и в этом жесте не было пошлой фамильярности, но удивительная близость.

Вяземский с ужасом понял, что хочет её обнять. Нет... нет... надо было найти предлог, скорее завершить прогулку, извиниться, сказать, что занят на ближайшие дни и закончить их знакомство. Вместо этого Виктор повёл её вперёд и сказал,

— Сейчас я покажу вам любовь воплощенную в мраморе.

Они шли, как и намеревались, от главного входа направо, потом по берегу Лебяжьего Канала к статуе Амур и Психея.

— Что же мне рассказать вам про Летний Сад, — задумчиво произнёс Виктор, — ведь про него целые тома написаны и вы, несомненно, читали. Всё началось с летнего дворца Петра Первого, видно бревенчатого домика оказалось недостаточно, да и не пристало царю жить в избе, хотя по свидетельствам, Пётр Алексеевич любил помещения с низкими потолками. Но престиж требовал хором, да и послов иностранных надо было принимать достойно. Тогда Трезини сочинил для царя небольшой дворец в голландском стиле. Сейчас подойдем ближе. Летний сад и дворец стали для Петра домом, я так думаю. Нет, уверен! Местом, куда хочется возвращаться, он ведь мечтал о Городе на Неве, а начиналось все именно здесь. Как вы сказали: “не отпустит” Петербург не отпустил и своего создателя. В Петропавловском соборе, в крепости он и похоронен. Но не будем о смерти, давайте о любви, которая сильнее, вот она — Амур и Психея. Из всех вариантов расхожего в античности и воплощенного в мраморе сюжета — этот, на мой взгляд, самый целомудренный. Эрос здесь спит и в прямом и в переносном смысле, а преобладает извечное женское любопытство, которое даже любовь победило.

Вероника высвободила руку, медленно обошла статую и оказалась перед Виктором, совсем близко.

— Но разве это плохо? — спросила она, приподняв лицо и глядя на Вяземского глаза в глаза, — разве нельзя хотеть увидеть того, кого любишь?

Виктор тоже смотрел на неё.

У Ники была нежная кожа, светлая, но не бледная, такая бывает только у рыжих. Не мраморная бледность, а жемчужная матовость с легко проявляющимся из под неё румянцем. И прекрасные глаза, больше зелёные, чем серые. Она почти не пользовалась косметикой, пушистые ресницы не были скрыты слоями туши, а губы помадой, только лёгкие штрихи, чтобы подчеркнуть естественность природы.

— Нет... это не плохо, — ответил Виктор, из последних сил борясь с собой, чтобы не дотронуться до ее губ, — не плохо, но есть запреты, которые надо выполнять если любовь ставит их.

— Запреты? — В глазах Ники отразилось непонимание.

— Когда-нибудь я расскажу вам одну легенду о Рыцаре Лебедя. Тогда вы поймёте лучше, — сказал он, стряхивая наваждение ее целомудренного взгляда, — а теперь пошли дальше смотреть сад. Тут есть памятник Крылову. Сегодня погода не люкс, народа не видать, похоже, только статуи да мы двое. Кстати, о лебедях — в большом пруду они плавают. Теперь это два шипуна из зоопарка, а раньше были и чёрные австралийские. Вы любите

лебедей?

— Да, только белых больше.

— Я тоже белых. Тут многое носит название «лебяжий» — два канала верхний и нижний, ещё и мост, — рассказывал Виктор. Так они шли к Инженерному Замку, но уже не под руку, а просто рядом. Вяземский не решился, он сам себе не доверял, боялся потревожить девочку.

Справа от них был город, Марсово поле с шумной магистралью, с другой задумчивый, пустынный Летний сад в том просветлении осени, когда ещё нет унылости голых ветвей, мелкого холодного дождя, гнетущей тяжести неба, а только прозрачность, ажурное золото прореженной листвы и лёгкая грусть о лете.

Лебедей на пруду не оказалось, зато, деловито побрякивая, плавали утки. Они заметили Нику с Виктором, сразу же бодро заработали лапками и, рассекая воду длинными полосами ряби, поплыли к людям, сегодня птиц никто ещё не кормил и они были весьма недовольны этим фактом.

Когда уткам стало ясно, что ничего стоящего у посетителей нет, они потеряли к ним всякий интерес, принялись нырять и совать голову в прибрежный ил.

— Наверно, тут был и лебяжий домик, — предположил Виктор, — как во многих садах, но точно я не знаю. Вообще, царь Пётр любил это имперское «вынь да положь» захотел сад — заказал книги по устройству садов и парков, выписал всё необходимое из-за границы, и вот, пожалуйста, — он обвел жестом пространство Большого пруда, — надо отдать ему должное — делал царь-батюшка всё основательно. Учился сам, учил других.

Просто осень...

Виктор говорил и говорил, чтобы остановить стремительное обрушение преград между собой и Никой, в молчании они исчезали, а это было недопустимо. Она уедет — он забудет. Конечно нет! Кого он обманывает? Забыть эти глаза, улыбку? Голос, который спас его вчера от темноты отчаяния.

— Сад разбили быстро и всю жизнь царь заботился о нём. Выписывал скульптуры из Италии, сажал редкие деревья. Тут были и фонтаны, Летний Сад выглядел совсем иначе, чем теперь — как регулярный французский парк со стриженными в виде разных фигур деревьями, с беседками, гротами и фонтанами. Почему и река, из которой подавалась сюда вода, стала называться Фонтанкой, вернее в те времена Фонтанной рекой, а до этого она была Безымянный ерик. Фонтанка стала естественной границей города. У истока и построили Петру дворец, ещё до того как строительство было закончено, в саду уже высаживали деревья, разбивали цветники, Пётр хотел при дворце парк и непременно с фонтанами. Любил Пётр Алексеевич воду, хоть и родился далеко от моря. Впрочем, Москва-река тоже не мала, но с Невой ей не сравниться. Нева и смела все садовые затеи Петра страшным наводнением, отомстила за то, что в берега замкнул. Но до восемнадцатого века фонтаны просуществовали. Потом их уже не восстанавливали. Деревья при Петре постригали согласно моде, честно признаться, я не помню когда именно это делать перестали, и сад принял тот вид, что во времена Пушкина, да и в наши дни он не так уж изменился. Есть проект восстановить, как было при Петре, но когда это осуществят, сейчас России не до садов, да... А вот, я подумал — не будь фонтанов летнего сада, могло и Петергофа не быть. Наперекор Неве царь свою идею ещё лучше воплотил. Умел работать, умел и отдыхать, веселиться, а вот подданным не до веселья стало. Здесь же в саду в петровское время происходили ассамблеи, повергавшие в ужас московских обывателей, насильно перемещенных в эти края. Можете представить себе почтенных бояр и боярынь с семьями, которые всем домом были вынуждены подниматься с насиженных мест, ехать сюда. В сырость, неустроенность, да ещё и наводнения донимали. Города как такового не было — лишь несколько пятен начальных застроек, в первую голову верфи, несколько домов вельмож, а Нева всё противилась и безжалостно сносила труды рук человеческих паводками и осенними разливами.

Виктор замолчал, он всё же боялся утомить Нику, но вместе с тем ему хотелось говорить для нее. Стыдно признаться, но он хотел ей понравиться! А Вероника еще и подбадривала:

— В этих подробностях живой город, а не картинки Невской Перспективы с сайта, из красочного буклета или «волшебного фонаря». Расскажите ещё, Виктор Вл... — она рассмеялась, махнула рукой и поправилась, — Виктор!

— Ну... тогда слушайте дальше. Теперь Питер вырос, растянулся по берегам Невы и её

притоков, а тогда, в самом начале, я бы сказал во младенчестве, Фонтанка была его южной границей. Берег Невы весь разделился на частные владения, обширные загородные усадьбы ближайших сподвижников Петра, первой такой усадьбой стал царский Летний Дворец с Летним Садам.

Только когда город перешел на ту сторону Фонтанной реки, а произошло это уже во второй половине восемнадцатого века в царствование Екатерины Великой, тогда вдоль берегов проложили набережные, облицевали их гранитом, усадьбы сменились дворцами, через Фонтанку здесь, над её истоком, построили каменный мост, а поскольку на том берегу располагался прачечный двор, то и мост называли Прачечным.

Виктор с Никой уже прошли от пруда весь сад и теперь стояли на берегу той самой реки, о которой Вяземский рассказывал.

Вода в Фонтанке поднялась, ветер гнал по поверхности крупную рябь.

— Пётр Первый был одержим идеей создания флота, и потому в Петербурге в первую очередь строили верфи, их возводили раньше, чем прокладывали улицы. Первым создателем плана города были сам Пётр и Доминико Трезини. Именно ему мы обязаны простотой симметрией и строгостью планировки главных улиц и площадей. Петербург геометричен. Он похож на Венецию, Амстердам, Париж и вместе с тем, не похож ни на один город мира. Он — Санкт-Петербург. — Виктор сказал это без пафоса, но с гордостью и встретил восхищенный взгляд Ники.

— Да, он Санкт-Петербург! Для меня, наверно, самый красивый город мира! Петр хотел, чтобы стало так, причем, в самые сжатые сроки. И повелел независимо от назначения домов строить их «чтобы глазу было приятно», потому и явились все эти прекрасные ансамбли. И верфи, и казармы, и здания коллегий, все административные постройки скрыли своё истинное лицо за благородством фасадов. Спонтанное строительство было запрещено, всё лишнее безжалостно сносилось. Да, так вот, улиц поначалу не было, зато сама Нева и её протоки являлись настоящими улицами, потому требовалось много судов, лодок, всего, что могло плавать. Царь мостов наводить не велел, а для жителей города, как раз здесь напортив Сада и устроили Партикулярную верфь. От неё сохранилось одно здание, вон купол — это Пантелеймоновская церковь, — Виктор показал направление рукой, потом опять облокотился об ограждение набережной. — Позже на территории верфи разместили склады соли и вина, и всё это место стало называться Соляной Городок. Место тут особое...

От Невского с его толпою чинной

Я уйду к Неве, прозрачным льдом

Окованной: люблю гранит пустынный

И Летний Сад в безмолвии ночном...

— Мережковский, — узнала Ника.

— Да, — обрадовался её знанию Виктор, — его символизм родился в зыбких туманах белых ночей.

— Вот уж не сказала бы, что вы экономист... Григ, Мережковский, — сказала Ника задумчиво.

— Не всегда мы выбираем путь, который хотим, чаще, который необходим, — отшутился Виктор, не собиравшись становиться экономистом, Судьба Злодейка так решила.

— А если бы...

— Без «если бы» Ника, не признаю я сослагательного наклонения, терпеть его не могу. Нет никакого «если бы» — есть жизнь человека. Есть сегодня, а вчера... оно неизменяемое

прошное. Константа.

Ника снова заметила печаль в его глазах. Виктор настойчиво пытался закрыться от прошлого, она чувствовала это.

— Ладно, Мережковский от Невского уходил, а нам стоит славную петровскую «перспективу» обозреть. Вчера мы не успели, но сегодня у нас на это ещё есть время. Когда стемнеет зажгут городское освещение, и вы посмотрите на Невский во всей красе, а потом Дворцовую, мосты, Петропавловскую Крепость — всё это сейчас так подсвечивают, что рассказывать безнадёжное дело. Надо увидеть.

— Жаль! Так жаль уходить из сада... вышло, что именно он первым встретил меня здесь.

— Мы не уходим ещё, — Виктор позабыл про свои запреты и взял её за руку, — погуляем ещё, ведь я не рассказал вам про дворец. Торопиться некуда. Но пока не стемнело, просто пройдите по аллеям и посмотрите, как падают листья. Листопад останавливает время. Он не прошное и не будущее — он просто Осень.

— Осень, — повторила она нараспев, — осень, осень, осень...

Рука её мягко высвободилась из ладони Виктора, и Ника сделала несколько быстрых шагов вперёд по алее, потом побежала, закружилась, засмеялась. — Хочу стать кленовым листом и полететь... далеко-далеко от своего дерева...

— Порой настолько их полёт неспешен, что кажется весь этот сад парит на нитях солнечных подвешен, — пробормотал Виктор, следя за ней.

— Как это удивительно, — Вероника остановилась посреди усыпанной листьями дорожки. — Быть тут сейчас, а слушать про «тогда», вы так чудесно рассказываете, никогда не слышала ничего подобного. Ничуть не похоже на экскурсовода.

Виктор тоже рассмеялся, потом смутился и почувствовал, что краснеет. С этим своим пороком он с юности ничего не мог поделать.

— Да, экскурсовод из меня никудышный, я часто отвлекаюсь и перескакиваю на другие темы, вместо того, чтобы следовать по намеченному маршруту.

За шуткой он пытался скрыть смущение.

— А мне нравятся эти подробности, — сказала Ника.

Она запрокинула голову, подняла глаза к небу и смотрела наверх сквозь раскидистые кроны с редким убором осенней листвы. Потом протянула к ним руки и медленно поворачиваясь вокруг себя сказала.

— Здравствуй, Летний Сад, я тебя знаю...

Виктору захотелось осыпать её листвой, а потом обнять, закружить, но не настолько близко они были знакомы, чтобы он мог позволить себе такую вольность.

Без единого дуновения ветра желтые листья тихо слетали с ветвей, парили в воздухе и ложились на землю. Это плавное движение завораживало, заставляло остановиться, замолчать, прислушаться.

Виктор ждал в некотором отдалении, давая Нике время побыть наедине с Садам. Смотрел, как она наклоняется, собирает с дорожки листья, прикасается к стволам деревьев, улыбается чему-то, любит сад через осенний букет.

Ника была счастлива и щедро делилась своим счастьем с Виктором.

Они успели еще осмотреть Дворец Петра, потом ходили по Невскому и совсем уже вечером — по Дворцовой набережной.

Домой Виктор привез Нику за полночь и не был уверен, что она захочет завтра

повторить прогулку, но девушка обрадовалась его приглашению. Распрощались они у дома Тани, но потом Вяземский довел Нику до самой парадной, не мог допустить, чтобы шла одна через темную арку.

— Завтра я заеду пораньше, — предупредил Виктор, — раз вы выбрали Павловск, давайте посвятим ему целый день. Поверьте, он того стоит.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась Вероника и протянула Вяземскому руку. Он осторожно взял её пальцы, наклонился, поцеловал узкое запястье и сразу же отпустил.

— Благодарю за прекрасный день и вечер, — сказал он и, не дожидаясь ответа, развернулся, пошел к машине.

Виктору казалось, что если он задержится ещё хоть на минуту, то что-то будет в этом дне лишнее, слово, взгляд... А Вяземский хотел оставить все именно таким, незавершенным, с надеждой на новую встречу.

Виктор доехал до своего дома, припарковал машину снаружи на гостевой площадке у ворот и, не дожидаясь пока Игорь откроет, ушел на берег. Мысли о Нике все не давали ему покоя. После дня, проведенного с ней, он не захотел возвращаться в мотель, опасаясь холодности казенного жилья и вчерашней черной пустоты воспоминаний. Но и домой, где все было наполнено ими, идти не мог, там все еще жила Рита. Вяземский оказался между ними двумя: Маргарита и Вероника, его прошлое и... будущее? Да нет, куда там, ему рядом с этой девочкой места нет и быть не может... Что же происходит? Виктор не был наивным юношей, он все понимал, и себя, и ее. Еще в поезде все началось, с первого взгляда, но продолжения не будет. У него достаточно благоразумия и силы воли, чтобы уберечь её от того, что стремительно возросло между ними сегодня. Это все осень, Летний сад, волшебство листопада.

А здесь берег мрачен, темен и сыр. В этом месте до Залива надо было пройти с километр, мимо ограды и потом, если напрямки, то через рябинник, вдоль русла ручья сквозь заросли вербы и ольхи, тогда уж открывались дюны, покрытые низкорослым шиповником. Было так темно, что и тропинки не видно, Виктор хотел достать ключи с брелоком-фонариком, чтобы осветить под ноги, но замер на месте. Слева, выше по ручью, он услышал треск и бормотание, кто-то грузный продирался через кусты.

Медведь? Мелькнула первая дурацкая мысль. Лось? Виктор завел руку за спину, взялся за рукоять "Вальтера", но был ослеплен лучом мощного фонаря. Невольно он закрылся от света рукой с пистолетом и тут же услышал высокий женской голос,

— Взять его, Кусач! Взять...помогите! Маньяк!

Следом за этим рычание и крепкий удар когтистыми лапами в грудь. Зубы лязгнули у лица, захватили воротник, куртка с треском порвалась, Виктор развернулся к собаке плечом и нечаянно нажал на курок. Прогредел выстрел, собака прынула в сторону, женщина за пределами светового пятна истошно завизжала

— Ратуйте люди! Убивают!

— Свет уберите! — крикнул Виктор, — собаку отзовите! Пристрелю!

Рычащая зверюга снова изготавилась прыгать, Виктор слышал первую команду и как мог тверже приказал:

— Кусач, сидеть!

— Господи! Милиция! — призывала женщина все возможные варианты помощи.

— Милиции с одиннадцатого года нет! Полицейских зовите! И что вы кричите? Не трону я вас! Назад, Кусач, сидеть!

— А ты не командуй тут, что по кустам-то с пистолем шарисься? Вор что ли?

— Фонарь уберите!

Луч отполз с лица Вяземского, женщина повесила фонарь на сук, пятно света

расширилось, тут Виктор рассмотрел и кудлатого пса, и толстую старуху с выбившимися из-под платка волосами и разорванным мешком в руках. Тропинка у нее под ногами была усыпана крупными картофелинами. Пес стоял между Вяземским и старухой и, щеря клыки, злобно брехал на Виктора.

— Тише, Кусач, — прикрикнула старуха, — ты смотри, что делается! Все рассыпала...

— Ничего, сейчас я соберу, дайте мешок.

Виктор сунул пистолет за пояс и протянул руку к старухе, пес вздыбил шерсть и снова приготовился к прыжку.

— Кусач! Кому сказала? Свои...

— Уже и свои, а то говорили “маньяк”, — засмеялся Виктор, — извините, пожалуйста, не хотел пугать вас.

— Да откуда ты взялся? Здесь и днем никто не ходит.

— На берег шел, напрямки. Давайте мешок...

— Так порвался, погоди, свяжу.

Виктор собирал картофелины в реанимированный мешок, а Кусач мешался, толкался, и вилял хвостом, позабыв о том, что пять минут назад остервенело бросался на этого человека. Старуха стояла руки в боки и смотрела на них.

Когда все было собрано, Виктор приподнял мешок, утрясая картошку и попытался завязать.

— Давай-ка я, — она подошла и легко справилась с задачей, руки у нее были жилистые, сильные, с узлами вен, — ну, иди дальше своей дорогой, а я своей...

Она взялась за мешок покрепче.

— Постойте, давайте я вам помогу, как вы такую тяжесть тащили.

— А кто же мне потащит? Ну... помоги, а я вот... воротник тебе зашью, порвал Кусач-то.

Идем, тут не далеко, — она сняла фонарь с дерева, — я посвечу. — Кусач, фюить... домой...

Виктор закинул мешок на плечо и пошел за старухой.

Они углубились в прибрежные заросли, туда ответвлялась еще более узкая, почти незаметная тропка. Метров через тридцать уткнулись в забор. Кусач не стал ждать, пока старуха откроет калитку, просочился в подкопанную подворотню и встретил их во дворе радостным визгом и неистовым вилянием хвоста, как будто ждал тут один.

— Вот малахольный! А без него как тут жить? Он дом сторожит, Пеструху мою. Иди в будку, Кусач, не мешайся, — отогнала его хозяйка

Подтверждая её слова из глубины двора послышалось протяжное “Мууууу...”

— Корова у вас? — удивился Виктор

— Да, а что ж, все прожить легче, творожок, сметану на рынок снесу, вот и прибавка к пенсии. Соседи из богатых домов, куркули эти прибрежные за молоком присылают, тоже доход. И сама кашу не на воде хлебаю. Картоха ей на болтушку, Пеструхе моей, она любит. Ты в дом занеси мешок, проходи, проходи, вон туда, а я ворота замкну. Ведь я что так испугалась: в новостях говорили, маньяк из Пней сбежал, по лесу тут бродит.

— Откуда сбежал?

— Из психушки зеленогорской — психоневрологическая, мы так и зовем “пни”. Вот я, грешным делом, и подумала, что ты и есть. А что, говорили мужчина, высокий, сорок лет, возможно в куртке...

— Понятно.

— А ты проходи, раздевайся, мешок в сених поставь, я потом в погребке раскатаю, куртку мне дашь. Как звать тебя?

— Виктор.

— А меня Наталья Андреевна.

— Очень приятно.

— Ишь ты, вежливый, а что ж по кустам с пистолем прячешься?

— Да не прятался я, гулял, на берег выйти хотел, посмотреть.

— И чего там смотреть? Может ты из органов? Или следователь?

— Да нет!

— Ну, нет, так нет, не стой, в дом иди...

Постоялец

Наталья Андреевна и куртку зашила, и самовар раздула, на стол собрала. Виктор как вошел к ней в дом, как будто к бабушке снова попал, даже шторы похожие, черно-белые. И обстановка — буфет пузатый, стол деревянный с балясинами, стулья венские. На стенах фотографии, над столом абажур с бахромой... Полы деревянные крашеные, иконы в красном углу, вышиванки везде, у окна станок со швейной машинкой. Зингер, древность какая!

— Как вы одна с хозяйством управляетесь? — спросил Вяземский после второй чашки душистого на травах чая.

— В этот год тяжелее стало, а то, как молодая бегала туда-сюда. Еще и огород у меня, а картошка на насыпи, давно там участок, еще Коля копал. Сейчас запретят наверно, поезда скоростные пустили, загородили насыпь.

— Коля это муж?

— Нет, сынок мой, я сейчас покажу! — Наталья Андреевна пошла рыться в платяном шкафу, достала с верхней полки большой альбом в картонных дерматиновых корочках с тиснением, и начались пространные рассказы про сына. Как родился, как учился, как женился. В этом месте Наталья Андреевна помрачнела.

— Кабы не развод, он в армию и не вернулся бы, придумал с контрактом этим.

— Служит он у вас?

— Служит. Писем давно нет, я все молюсь Богородице, чтобы оборонила, — она перекрестилась. Виктор подумал, что не такая уж Наталья Андреевна и старая, седая только, а глаза живые и голос молодой. — И что я тебя заболтала, а время позднее, ты бы ночевать что ли оставался, вон Николашина комната свободна, кровать там хорошая, белье я чистое постелю. И все-таки, что ты тут делал ночью? На берегу?

Виктор совсем было решился сказать ей “я ваш сосед” но вспомнил про “прибрежных куркулей” и осекся, вместо этого вдруг спросил:

— А вы бы мне комнату не сдали пожить?

— Так ты приезжий? — снова насторожилась Наталья Андреевна.

— Нет, прописка питерская, я вот и паспорт покажу.

— А дома что не живешь. Паспорт давай, посмотрю, очки возьму только, — она пошла

к швейной машинке.

Виктор достал из нагрудного кармана портмоне, вытащил паспорт и положил на стол. Наталья Андреевна, водрузив на нос очки, вернулась к столу, снова уселась, перелистала паспорт.

— Верно все, прописка здешняя, так что дома-то не ладно?

— Развелся недавно.

— Вон что! Жена не хороша была? А детки есть?

— Двое, — вздохнул Виктор, — да взрослые уже. А с женой...ну...так вышло.

— В каждой избушке свои погремушки, — изрекла Наталья Андреевна и ничего больше обсуждать не стала. — В комнату тебя пушу, живи. Дорого не возьму, но если Николаша вернется, тогда придется тебе Виктор...как по батюшке?

— Владимирович.

— Мужа моего покойного Володей звали, так вот придется тебе, Виктор Владимирович съезжать. А пока свободно — живи. Тебе на какой срок, перекантоваться, или надолго требуется?

— Наверно надолго, — ответил Вяземский, а если честно — он и сам не знал. Привычный, с таким трудом уравновешенный мир его снова трещал по швам, рыжие косы и зеленые глаза Ники не давали покоя.

— Так по этому поводу я наливочки достану, в чай хорошо и нервы успокаивает. Спать будешь, как дитя, а то пошел по берегу бродить, еще и стрелить вздумал...а ну как милицию...полицию бы кто вызвал? Вот и потащили бы в участок, а при тебе вон, пистоль.

— Так у меня разрешение есть, а выстрелил случайно, Кусач-то кинулся.

— А ты его быстро приструнил, — одобрила Наталья. — И все же темнишь ты, Виктор, не иначе, как следователь.

— Нет, — засмеялся Вяземский, — но от наливочки не откажусь.

— И варенье я сейчас достану, у меня свежее есть, этого года, вишневое. На работу тебя к сколько поднимать?

— Завтра рано надо, — Виктор вспомнил о предстоящей прогулке с Никой, и на сердце потеплело. Да и в доме у Натальи Андреевны было хорошо.

— Тогда засиживаться не будем, по рюмочке, да еще по чашке чая и спать, — сказала она и полезла в буфет за вареньем, — я как встану Пеструху доить и тебя разбуду, не сомневайся, не проспешь.

Ходики в комнате Натальи Андреевны приглушенно тикали, за окном шумел прибор — поднялся сильный ветер. Виктор оглядел свое новое спартанское жилище. Стол, стул, кровать, у двери вешалка, прикрытая шторкой. В углу круглая железная печка до потолка поднимается. Занавески в пол-окна, на подоконнике пышная герань. У кровати половик лоскутный. На стене коврик с оленями. Славно!

Вяземский не торопясь разделся, пристроил одежду на стул.

Чистые простыни пахли свежестью, такой аромат бывает только у высушенного на солнце белья. Виктор с удовольствием вдохнул его, вытянулся на узковатой кровати, заложил руки за голову, приготовился к бессоннице, но уснул сразу и крепко, не заметил как ночь прошла. Разбудила его не Наталья Андреевна, а протяжное Пеструхино “Муууу...”

Словно выполняя невысказанную просьбу, утро следующего дня улыбнулось в окна чистым небом и золотистым восходом. Как будто время отступило на месяц назад и вернулось к ясным дням бабьего лета, с его ласковым теплом и нежными красками.

Вяземский явился под окна Татьяны немного раньше назначенного времени. Он не хотел опаздывать и выехал из мотеля в семь утра, помня о пробках. Но дорога оказалась свободной и, вопреки ожиданиям, Виктор не стоял ни на въезде в город, ни на Ушаковском, ни на Кантемировском мостах. Через Петроградскую сторону он перебрался на Васильевский остров не больше чем за десять минут, и около восьми уже был на месте.

Погода продолжала радовать — ничто не предвещало дождь.

Из кожаного футляра на поясе Виктор достал мобильник, открыл и уже собирался звонить Веронике, как телефон мигнул и высветился знакомый теперь номер. Ника звонила сама.

«Сейчас откажется» — почему-то подумал Виктор и приготовился выслушать причины, по которым она не может поехать с ним. Вчера он ушел слишком быстро — она, вероятно, обиделась. Или ещё что-то не так. Просто ей надоело, да мало ли что он мог сказать или сделать бестактно. Такой неуверенности Виктор давно не чувствовал.

Поэтому его «слушаю» прозвучало довольно тускло.

— Виктор Владимирович! А я вас вижу! — услышал он в трубке её голос и понял, что она улыбается, — Танечке на работу, так что мы уже и позавтракали, и кофе выпили, только жаль, что вас не дождались. Но, может, подниметесь? На чай?

— Спасибо, Ника, я тоже позавтракал в мотеле. Если вы все дела дома завершили, то спускайтесь и поедem пока дорога по городу посвободнее.

— Хорошо, иду.

Вышла она из арки очень скоро. Одета была почти так же, как вчера, только вместо пиджака в кожаную куртку, расцветкой напоминавшую пегую шкуру какого-то диковинного животного — песочно-терракотовые пятна на более тёмном коричневом фоне, и лёгкий шарф — тоже цветной в тон куртке, но с преобладанием песочного.

Виктор отметил, что она тщательно подбирает цвета одежды: и туфли на высокой танкетке и сумка через плечо — были красно-кирпичными и подходили к куртке. Жаль только, что волосы заплела в косу, а спереди подобрала под кожаную кепку с козырьком.

Но, даже туго заплетённые, они блестели в складках шарфа и притягивали к себе взгляд Виктора. Наваждение какое-то, вот уж действительно Русалка, Лорелея — очаровывает его волосами.

Как и вчера, Виктор вышел из машины, чтобы усадить Веронику.

— Здравствуйте, — улыбнулась она.

— Доброе утро, — сказал Виктор.

Они произнесли это одновременно и рассмеялись без всякой причины. Был погожий день, и оба радовались встрече.

— Поехали, — сказал Виктор, защёлкивая водительскую дверь, — очень я рад, что вы именно Павловск выбрали, больше других пригородов люблю его.

— Почему? — Ника удобно устроилась в широком салоне, но сумка ей всё-таки мешала.

— Красиво там... давайте я назад положу. Можно? — Виктор протянул руку, взялся за сумку.

— Да конечно, в ней ничего нет, кроме цифровика, орехов и семечек.

— Орехов? — переспросил Виктор.

— Да, Таня сказала, что там птицы и белки совсем ручные, вот я и решила проверить.

— Ручные, нахальные попрошайки, — подтвердил Виктор, вырulingая на Большой проспект.

Как он ни торопился, а всё же на мосту Лейтенанта Шмидта они встали в пробке. Нику это несколько не расстроило, она смотрела на Неву.

— Что за река! Такая красивая...если бы вы знали Виктор Владимирович, как я мечтала увидеть всё это. Неву, мосты, корабли...

Виктор кивнул, не отрывая взгляд от впереди идущей машины. Водитель её дёргался и елозил из ряда в ряд. Наверно женщина за рулём. Того и гляди подставится. Так хотелось посигналить ей, но Виктор не стал, он бы отвлёк Нику от осмотра. Какая же всё-таки славная девушка, звала его на чай. Если бы не надо было спешить, обязательно согласился бы. Интересно, кто её родители? Учителя наверно...

Только после Пулковских Высот ехать стало свободнее. В город машины шли потоком, а в Пушкин совсем их было мало.

— Мы через Царское Село махнём, — сказал Виктор, — проездом взглянете, что за городок, а потом в Павловск.

— Вы часто в нем бываете? — Вероника оглянулась на Пулковскую Гору, — а там что?

— Обсерватория, телескопы, — ответил он сначала на второй её вопрос, а потом на первый, — теперь нет, раньше часто бывал, я жил тут... давно.

Ника не стала спрашивать, она притихла и смотрела теперь не в окно, а на руки Виктора. На то, как он переключает скорость и снова берётся за руль.

Вообще-то Вяземский не любил, когда за ним наблюдают когда он ведёт машину, ездил Виктор быстро, пассажиров это нервировало, они напрягались, вжимались в сиденье, цеплялись за ремни и затравленно смотрели на сливающуюся в сплошную полосу обочину или на мельканье фонарей и разлиновку трассы. Но Вероника не обращала на скорость никакого внимания, и Виктор почему-то не раздражался, что она смотрит на него.

Проехали кладбище, новостройки, потом Египетские ворота, джип пролетел мимо заправки, вписался в крутой поворот Дворцовой улицы.

— Сейчас налево будет дача Китаевой — дом, где Пушкин жил одно лето с молодой женой, потом костёл, направо Александровский Дворец и парк, опять направо, после поворота, Лицейский сад, в глубине церковь, где молились лицеисты, за церковью Лицей, а это Екатерининский дворец, — говорил Виктор, почти не подтормаживая на поворотах.

Ника переводила взгляд от одного окна к другому, но потом отчаялась.

— Ну, всё... на такой скорости я ничего не усваиваю, — засмеялась она и откинулась на сиденье, — вы так здорово водите машину.

— А вы так часто меня хвалите — я возгоржусь, — отвечал Виктор. — Ну вот ещё посмотрите направо, там в парке ворота, Александр Первый приказал построить и начертать на них «Любезным моим сослуживцам» — тем кто был с ним в военной компании восемьсот двенадцатого года, а налево — Запасный Дворец, да только он сгорел, а был хороший концертный зал. Ну, вроде всё в Пушкине посмотрели.

— Шутите! Я вообще ничего не поняла, кроме дачи Пушкина и лицейского сада.

— И то хорошо, а теперь прямиком в Павловск, — сказал Виктор и нажал на газ. Машина рванулась вперёд по пустынной трассе.

До Павловска долетели за восемь минут. Виктор затормозил и остановился на светофоре у вокзала. Старушка с болонкой медленно переходила улицу от парка к станции.

— Ну вот, мы почти приехали, — сказал Вяземский, — налево парк, направо Павловский вокзал. Тот самый, царский.

— Я думала он больше, — Ника, пользуясь остановкой, рассматривала здание.

— Его перестраивали. В начале он, кажется, был деревянным, к сожалению про сам вокзал я не много знаю — только с того времени, как в нём устроили концертный зал и здесь играли все знаменитые гастролёры. Штраус несколько лет руководил тут оркестром. Было много музыки. Это место считалось престижным для дачного отдыха, а ещё рядом — в Царском селе был ипподром, царские конюшни, жизнь кипела. Жаль, что скачек теперь нет. Ни в Петербурге, ни в пригородах ни одного ипподрома не осталось, только конные клубы. Вы любите лошадей?

— Да очень.

— Я тоже. — Джип снова двинулся вперёд. — Здесь мы останавливаться не будем, парковка плохая и до дворца далеко.

— Как вы скажете, полностью полагаюсь на вас, как на лучшего гида, Виктор...

— Стоп! Без Владимировича, — вовремя успел сказать он, — только на этих условиях пойду к вам в гиды.

— Договорились, — кивнула Ника.

И всё же ей трудно было привыкнуть называть его только по имени. Трудно, но приятно. Ей вообще нравилось быть с ним. Она в глубине души уже поняла, что с ней происходит, но отмахивалась от этого... ничего не будет потом, но эти несколько дней они проведут вместе, а дальше... дальше у неё останутся прекрасные воспоминания об этом городе и о Викторе. Сейчас Ника про будущие воспоминания думать не хотела, она была с Виктором, ехала в его машине, разговаривала с ним и всё это волновало её. Не потому, что Вяземский водил «Круизер» с тёмными стёклами, а не выдавшую виды «Жигули», хотя ехать в красивой машине тоже было приятно, но не это определяло её настроение. Ника отмечала про себя, что Виктору идёт эта машина, именно такая, с мощным двигателем, массивная, высокая и просторная. Вяземский и без машины производил впечатление большого человека. Не только из-за роста, а он... он был большим. Она невольно улыбнулась и бросила взгляд на его лицо. Он тут же почувствовал это и посмотрел на неё.

— Что?

— Нет... ничего, — она не знала, что сказать и, продолжая улыбаться, пожала плечами.

— Всё хорошо?

— Да... очень... странно немного. Вот я... ехала в Петербург и... не думала, что встречу вас.

— Да как же вы могли про это думать, если мы вообще в Москве встретились.

— Правда... в Москве, — Ника засмеялась, она чувствовала настроение Виктора — лёгкое и весёлое, совсем не такое, как в поезде, или вчера в Летнем саду. Что-то изменилось.

Павловск

Они всё ехали вдоль ограды парка, обогнули триумфальную арку.

— Вот так же сюда и цари въезжали, на обратной дороге прямо под аркой пройдем, она мне нравится даже больше, чем египетские ворота, — сказал Виктор.

Ника прильнула к окну и смотрела на парк — за оградой и деревьями на холме видна была круглая колоннада Аполлона, потом крутой спуск к реке, парк открывался с дороги живописным ландшафтом.

Они миновали мост через Славянку, в том месте, где река выходила за пределы парка, так же на возвышении стоял чудесный павильон с портиком и колоннами. Ника восторженно ахнула, когда увидела внутри беседки трёх мраморных граций.

— Мы посмотрим на них поближе, когда в парк войдем, — сказал Виктор, — они стоят в так называемом собственном садике. Правда сейчас цветники не так хороши, как летом, но всё равно интересно.

— Конечно интересно! Мне всё интересно! — воскликнула Ника.

— Тогда берите свой фотоаппарат, семечки, орехи, — Виктор резко повернул руль и затормозил, чтобы встать в ряд с машинами, которые выстроились у светлой ограды. — Приехали, — сообщил он и заглушил мотор.

Павловск. Он неизменно ждал Виктора. Песочно-желтые стены дворца, тонкие копыта чугунной ограды, выкрашенные белым. Светлый и тихий, мечтательный, с нежной улыбкой очарованием северной природы, с лугами и холмами, изгибами реки Славянки, темными елями и стройными берёзами. Виктор никого не допускал сюда, в свой Павловск, но Веронику с радостью привёз, потому что прошло слишком много лет и... он боялся войти сюда один. Нельзя возвратиться в юность, а если и можно, то, как правило — это больно.

За последний год Виктор испытал много боли и думал, что научился терпеть, чувствительность притупилась, но здесь, перед знакомыми воротами парка, понял — всё так же уязвим.

Итак, он привёл сюда девушку, с которой едва знаком, именно ей решил довериться. Почему? Может потому, что она смотрела на мир иначе?

Ещё вчера, находясь рядом с ней, Виктор увидел город, не просто знакомые улицы и дома, а Город. Не будь Вероники рядом, он и не вспомнил бы, когда в последний раз так любовался Невой.

После их прогулки воспоминания юности теснились перед ним всю ночь, в то далёкое время Петербург был для него временем надежд, а теперь? Что теперь? От этих мыслей он и не смог остаться в мотеле, пошел бродить по берегу и встретил Наталью Андреевну с её псом...

В эту ночь он принял для себя решение, самое важное быть может за весь этот год. Всё что произошло с ним, обратного хода не имеет, нельзя ему возвратиться к Нине и детям, да и

ни к чему — Нина счастлива с Питером, а дети... они выросли и больше не нуждаются в опеке. У них своя жизнь, пора их отпустить, присматривать издали, оберегать, но не вмешиваться, не диктовать.

И вот, он один, но всё ли так плохо? Разве его жизнь кончилась?

Почему он думал об этом? Наверно потому, что провёл вечер с девушкой, которая смотрела в будущее. Ждала, надеялась, верила в лучшее. Так почему же он перестал верить во всё это? Перестал ждать счастья...

Удивительным образом всё складывалось так, что обстоятельства настойчиво возвращали его к чему-то дорогому, о чём он забыл неволью или намеренно, забыл ради покоя, ради того, что называют повседневной жизнью.

А это оказывается никуда не ушло, оно терпеливо ожидало его здесь, за воротами Павловского парка.

Нет, так не пойдёт! Он же дал себе слово, что четыре дня полный отдых, никаких воспоминаний. Надо слово выполнять. Только... стоило ему пройти рядом с Никой под гулкой аркой, обогнуть левое крыло дворца и увидеть приземистый фасад в форме подковы словно обнимающий площадь, лёгкие галереи, купол с античными колоннами, каменных львов у входа, и воспоминания шквалом обрушились на Виктора, сметая его решимость закрыться от прошлого.

Вслух же он сказал только:

— Как давно я тут не был.

Ника опустила цифровик, направленный на памятник Павлу Первому, обернулась к Виктору. В глазах её была тревога. И она повторила его же слова, сказанные им в машине, но повторила совсем иначе...

— Всё хорошо Виктор Вл..., — она запнулась на отчестве, но потом повторила уже легко, по-женски, — Виктор?

— Да всё хорошо.

“Почему она спросила, как догадалась, — подумал Виктор, — ведь старался ничем не выдать себя, или все-таки заметно со стороны, как он незащищен перед воспоминаниями?”

Осень выдалась теплая, не дождливая, а этот день и вовсе походил бы на летний, если бы не другие краски. Под синим высоким небом стоял Павловский дворец, окруженный парком, осень вошла в свои права и царствовала, блистая великолепием многоцветного наряда, но не было здесь ничего имперского, великодержавного, дворец не подавлял природу мощью, как в Царском Селе, а сам был частью природы, логическим завершением рукотворного ландшафта. И веяло вокруг такой светлой печалью, так было тихо и спокойно, что обособленным от всего мира казался этот уголок.

— Пойдёмте сначала в музей, а потом я покажу вам и парк, — сказал Виктор, — снимайте для истории государя императора, — кивнул он в сторону памятника, — и пошли, пока туристы не понаехали. Хорошо, что мы в будний день сюда выбрались, а то в выходные их после двенадцати толпами привозят.

Ника сфотографировала памятник и фасад, ей очень хотелось снять Виктора, но не решилась просить об этом.

— Пойдите, давайте теперь вас снимем, на память, — предложил он, — идём поближе к входу, там есть львы.

Павловские львы лежали по обе стороны небольших лестниц, что вели в боковые флигеля дворца, львы были добродушные, с круглыми головами и большими глазами. Ника

встала около одного и обняла его за каменную шею. Виктор поймал её улыбку, когда девушка собиралась что-то сказать и снял без предупреждения.

— Ой, я и не приготовилась даже.

— А вам и не надо, вы и так красивая, смотрите сами, — он протянул ей аппарат, где на экране отображалось фото. Вероника смутилась но посмотрела охотно.

— Да, правда хорошо получилось, вы замечательно снимаете...

— Хотите чтобы у меня крылья выросли? Нет бы сказать для разнообразия — вы ужасный фотограф, — рассмеялся Виктор, первое пронзительное ощущения возвращения в Павловск стало проходить и уступать место лёгкой радости от того, что он снова здесь.

— Но ведь я не выдумываю, правда хорошо.

— Какая натура — такое и фото, моей заслуги тут нет, но раз вы говорите, что я не совсем уж безнадежен как фотограф, то так и быть — поверю. Сейчас надо билеты взять, здесь касса на улице.

Они пошли к кассе и Вяземский купил билеты, и Нику это не смутило, хоть и была она патологически щепетильна. Любому из питерских друзей она бы не позволила, но с Виктором нельзя было иначе. Он... не то чтобы ухаживал за ней. Вероятно, он вёл себя как обычно, с теми правилами и привычками человека, который умеет производить впечатление на окружающих, делает это непринужденно и с удовольствием. И в его поведении не было ни позёрства, ни нарочитого желания пустить пыль в глаза. Он был, а не представлялся, и потому все его действия воспринимались естественно, ведь Виктор был уверен в них, а потому убедителен для окружающих.

Ника доверилась этому человеку. Не потому, что он был старше, нет, но что-то говорило ей — Виктор всё сделает правильно, хорошо, и она позволила ему определять границы отношений.

Вчера, когда прощались, он поцеловал ей руку. В первый раз в жизни мужчина прикоснулся к ней так. С уважением и... по-взрослому. Она, смутилась, но и это приняла от Виктора, как должное.

Потом, ничего не рассказывая Тане, ушла к себе в комнату, легла, но долго не могла уснуть, перебирая воспоминания о вечере, проведённом с ним, его рассказы о Летнем Саде, их разговор на мосту. Как будто сохраняла надёжнее, дальше, навсегда, чтобы оставить в сердце вместе с воспоминаниями о Городе. Ника поняла, что Виктор и Петербург будут для неё неразделимы. С тем и уснула и видела легкие, радостные сны. А утром они снова встретились. Все это было похоже на волшебную сказку Осени.

Они ещё стояли у кассы, Ника всё смотрела на дворец, на обрамленную липами главную аллею, которая широкой полосой уходила далеко-далеко, с обеих сторон основной аллеи, параллельно ей шли более узкие — это создавало впечатление простора и неторопливого движения вперёд.

— Да, глаз здесь отдыхает, — сказал Виктор, следя за её взглядом, повторил то, о чем она подумала, — и такой простор! Из окон главного корпуса аллея выглядит ещё красивее, она отходит от площади, слева от неё большие круги партерных цветников, там регулярный парк, но не такой замкнутый, как в Царском селе, в Екатерининском парке, здесь регулярный парк сливается с ландшафтом английского свободного парка, плавно переходит в лес Старой Сильвии. Справа от аллеи небольшой пруд, птичник и за ним лабиринт, мы всё посмотрим.

— Какая прелесть... Старая Сильвия, — повторила Ника мечтательно.

— Да, названия поэтичны. Всем этим местам давала имена замечательная женщина, она пережила тут пору безоблачного счастья и долгие годы вдовства — я говорю о жене Павла Первого Марии Фёдоровне. Только звали её на самом деле не Мария, а София-Доротея-Августа-Луиза фон Вюртенберг. Несмотря на классические формы в Павловске живёт дух немецкого романтизма... но я всё вперёд забегаю... — он вздохнул, но не с сожалением, а с улыбкой, словно вспоминая о далёком друге, и продолжал говорить, — Павловск для меня не просто достопримечательность, императорский пригород — это скорее состояние души, поэтому и не обращайтесь внимания на приступы ностальгической сентиментальности, здесь прошла моя юность. То есть, я, конечно, не местный житель, мы с мамой жили на Московском проспекте, но я часто бывал в парке, ехать от нас было удобно — на метро до Купчино, потом на поезд и сразу в парк. Зимой ездил на каток, он там со стороны вокзала, — Виктор показал рукой за дворец, — отличный был каток, с хорошим освещением, скамейками, музыкой, с павильоном, где можно было купить горячий чай и булочку с глазурью, такие были маленькие круглые булочки за три копейки, ну максимум за пять.

Ника рассмеялась.

— Да, вот представьте, такие были цены на хлеб, — заверил её Виктор с самым серьёзным видом, но она всё равно по глазам видела, что он шутит, — ну всё, пошли осмотрим дворец, а сколько сил останется — потратим на парк.

Они пересекли площадь перед дворцом и вошли в левое крыло. Осенью, да ещё и в будний день в музее было пустынно.

Им сразу же предложили услуги экскурсовода, но Виктор поблагодарил и отказался.

— Лучше я сам, — тихо сказал он Нике, когда помогал ей снять куртку, — они будут торопиться и не дадут посмотреть всё обстоятельно.

— Конечно лучше вы, — прошептала в ответ Ника.

Пока она надевала поверх туфель музейные войлочные тапки, Виктор отошел к стенду с сувенирами, он купил два буклета — один по залам дворца, второй по парку, диск с фильмом о Павловске и забавный сувенир вроде пресс-папье со стеклянным шаром-навершием, в который был заключен макет Исаакиевского собора, если игрушку встряхнуть, то внутри шара поднимался вихрь из блёсток, похожий на метель.

— Это вам на память о нашей экскурсии, — сказал Виктор протягивая ей диск и шар, — а буклеты отдам потом, вдруг я что-то позабыл, буду подсматривать, — улыбнулся он.

На самом деле он знал эти залы, годы которые прошли со времени его последней встречи с дворцом, ничего не стёрли из его памяти.

Разве что открылись новые — реставрация шла активно. Но расположение комнат, имена архитекторов и художников, всё это Виктор знал так же хорошо, как и пятнадцать лет назад.

Ему странно было осознавать, что столько времени прошло, а он как будто вернулся, вошел в прошлое и картины, и статуи, часы, люстры, живописные плафоны потолков, пилястры и лепные карнизы, наборный паркет, виды из окон — всё это волшебная музыкальная шкатулка. Множество часов идут, вызывают незатейливые мелодии и пока не кончился завод, серебристо-тонко смеются колокольчики, а время стремительно отматывается назад.

Девушка рядом с ним ничего не знала об удивительных превращениях Времени, но она и не мешала им. Ника была потрясающе тактична, ещё в поезде Виктор заметил это и был благодарен ей больше за молчание, чем за слова.

Ему нужен был сейчас кто-то рядом, чтобы избыть одиночество души. Но не любой «кто-то». Вернее он никого не мог представить себе вместо Вероники, теперь уже не мог, а все еще отмахивался от очевидного. Четыре дня осени, а потом они расстанутся и Ника все забудет. Она — да, он — нет. Никогда...

Павловск оказался единственным исцеляющим средством, только это и способно было оживить душу, пробудить её, заставить дышать.

И всё же Виктор ни за что не приехал бы сюда сам, духу не хватило бы, побоялся. Он хранил эти воспоминания в самом потаённом уголке души и очень давно не обращался к ним.

Павловск был для Виктора отражением другого мира, полного надежд, устремлений, музыки, мечтаний о большой сцене. Именно этот мир, а не совершенные в своей лаконичности и простоте ландшафты парка видел сейчас Виктор сквозь полукруглые окна дворца.

Виктор бережно отстранил свои воспоминания и вернулся к реальности, он протянул Нике руку приглашая её подняться со скамьи и идти за ним.

— Ну что ж будем следовать рекомендациям создателей экспозиции, — сказал он, бросив беглый взгляд на буклет, — поднимемся на второй этаж, хотя мне всегда казалось, что начинать лучше с первого, там остались не тронутыми несколько комнат, спроектированных Чарльзом Камероном, именно он «провидел» Павловск в необычайном соединении французской регулярности, немецкого романтизма и английской свободы ландшафтов, привитых к природе русского севера, к ее пастельным краскам неба, долгим закатам.

— Так пойдёмте прежде на первый, как вы говорите, — попросила Вероника, но не

встала, она засмотрелась на вихрь блёсток в шаре, — спасибо! Какая прелесть. Сразу вспоминается зима и Рождество. Дома я буду смотреть и вспоминать Петербург и Павловск, и... вас. — В голосе её послышалось сожаление и Виктор понял, что и он разделяет печаль будущего расставания с этой милой девушкой.

— Что же раньше времени вздыхать, — попробовал сгладить это он, — пока вы ещё и в Питере, и в Павловске. Начнём тогда прямо отсюда.

Начало осмотра

Ника встала. Виктор обвёл жестом гардероб и яркие витрины с сувенирами, которые разместились по стенам и в нишах.

— Вот сейчас мы стоим прямо под центральным парадным залом — итальянским. Должно быть и на первом этаже первоначально планировалось какое то общее помещение, но теперь тут вестибюль музея. Всё что мы увидим тут воссоздано после войны.

Сейчас в это трудно поверить, но когда в сорок четвертом Павловск был освобождён от оккупантов — здесь ничего не осталось, ни парка, ни дворца, только обгорелые кирпичные стены, да пни вокруг. Дерево нужно было немецким частям для оборонительных сооружений, а ценности те, что не сумели эвакуировать, отправились в Германию. А до немцев была ещё и революция... При всём своём великолепии нынешний Павловск — это лишь тень, отражение на воде того, что было здесь создано при его первой хозяйке. Но даже тень этого былого величия поражает нас волшебством красок и совершенством форм.

Ника молча кивнула и пошла за Виктором. Он открыл застеклённую дверь и пропустил её вперёд.

Из гардероба они попали сначала в египетский вестибюль. И сразу же лубочная яркость сувенирных лотков, типовые заграждения, вешалки, скамейки, разговоры скучающих гардеробщиц сменились спокойным молчанием первого зала дворца. Контраст был неожиданным, Ника замерла. Подобно всем, кто оказывался тут, она остановилась не столько пораженная красотой, сколько ощущая смену и смещение времени.

Они с Виктором входили в другой мир.

Двенадцать египетских статуй из чёрного камня на лаконичных белых постаментах возвышались на фоне однотонных, пересеченных поперечными полосами стен. Две статуи обрамляли арку за которой начиналась серая мраморная лестница в два пролёта, остальные попарно застыли у полукруглых зеркальных дверей. Над каждой фигурой в белом лепном медальоне на голубом фоне помещались двенадцать аллегорических изображений — знаки зодиака.

С покрытого росписью потолка спускались фонари из стекла и бронзы, большие, но настолько тонкой работы и соразмерные, что казались очень лёгкими. Стекланные подвески были закреплены на обручах и создавали зрительный эффект падающих капель. Лепной фриз соединял лаконичность стен и насыщенную роспись потолка многократным повторением правильных окружностей медальонов меньшего размера и разнообразием вертикальных и горизонтальных линий, собранных и расположенных не броско, но и не монотонно.

Глаз всё время находил новую красоту в этой линейности, но при этом не уставал, а прочитывал рисунок, как бы пропуская через себя неслышимый, но ощутимый ритм. Чёрный мраморный пол служил фоном всей картины, а зеркальные двери, которые имели характерный вид «Павловских» дверей и окон Чарльза Камерона, с широким полукругом верхней рамы и симметричными лучами переплётов, создавали устойчивость и завершенность.

Зеркальные стёкла дверей преломляли и бесконечно увеличивали пространство, повторяли и множили чёрные статуи и голубые медальоны. Отражали свет и сами фонари. Круги и линии... линии и круги... и над всем этим властвовал покой.

— Павловск на редкость симметричен, это сразу ощущаешь, когда смотришь на здание дворца с центра площади, — тихо сказал Вяземский, — но он совсем не скучен, то же самое впечатление захватывает вас накрепко и здесь, при входе.

Ника только кивнула. Она стояла и осматривала вестибюль. Виктор не торопил её, он знал, что очарование этого перехода в мир Времени Дворца надо прочувствовать.

На лестнице мелодично прозвонили часы.

Вяземский ещё раз порадовался, что в музей они приехали в будний день, когда посетителей совсем мало. В египетском вестибюле были только он с Вероникой, да старушка смотритель у входа в личные комнаты императрицы.

— Особое значение в Павловске имеют светильники, а так же потолки, — продолжал вполголоса Виктор, — роспись, плафоны, лепка, оформление карнизов, по ширине и насыщенности лепнины и по рисунку свода можно сразу определить к какому периоду строительства дворца относится тот или иной зал. Например, этот вестибюль сильно пострадал во время пожара, восстанавливал его Воронихин, но изначально проектировал Чарльз Камерон. Именно Камерона можно назвать «отцом» Павловска, архитектору сделали заказ цесаревич с молодой женой, после того, как некоторое время жили тут в летних дворцах. Хотя Камерон мог бы и больше построить тут, но Екатерина, то благоволила сыну, то упрекала Павла с женой в неумеренной расточительности.

— Так до Павловского дворца тут уже было что-то построено? — так же тихо, словно боясь спугнуть что-то, спросила Вероника.

— Да, два небольших дворца. Всё это имение Павел с женой получили после рождения старшего сына Александра, долгожданного внука Екатерины Второй. Место это так и называлось Павловское, в то время, а это было в семидесятых годах восемнадцатого века, на берегах реки Славянки шумел густой лес, охотничьи угодья окружали два первых дворца Паулюст и Мариенталь, около дворцов были устроены небольшие партерные сады, а так — кругом всё лес и лес.

Нельзя сказать, чтобы Екатерина поощряла Павла на большие траты по строительству, она вообще весьма стесняла его в средствах. Судьба Павла — это особый разговор, думаю, что мы ещё вернёмся к нему, но на момент постройки первых дворцов, Павел был молод — чуть более двадцати, полон надежд, прекрасно образован, красив, весел, общителен и без памяти влюблен в свою жену. Он был невысок, а его жена, ей едва исполнилось семнадцать, так вот — принцесса Вюртембергская была выше его на голову, что не мешало страстной взаимной любви супругов. Вообще не будь Софии-Доротеи, Павловск не стал бы таким, она до конца дней своих заботилась о дворце и парке, всё здесь несёт на себе отпечаток её особого романтического видения мира в сочетании с немецкой логикой и соразмерностью.

Ника уже не смотрела по сторонам, она смотрела на Виктора и внимательно слушала

его рассказ. Вяземский понял, что она и час так простоит, не сходя с места.

Роханская принцесса

— В общем история Павловска накрепко связана с историей семьи императора, но прежде в течение сорока трёх лет цесаревича Павла Петровича, второго представителя новой ветви дома Романовых, и это длинная история, — заключил он.

— Расскажите!

— В процессе осмотра, а сейчас вернёмся к нашим египтянам, смотрите вверх, по лепке потолка сразу можно отличить Бренну от Камерона, хотя в интерьере они на первый взгляд бывают похожи. Вы потом сможете ещё и ещё сравнить их и, я уверен, так же легко будете распознавать. Они отличаются друг от друга так же, как античные традиции от стиля ампир. И всё же надо отдать должное тем архитекторам, которые расширяли и перестраивали Павловский Дворец, они бережно отнеслись к замыслу Камерона и не нарушили стилистического единства. Если вы насмотрелись уже на этих фараонообразных, то можем идти дальше. Кстати вы кто по гороскопу?

— Лев.

— А... так вот ваш медальон, — Виктор указал на изображение льва в синем круге над статуей августа, — а мой вот здесь.

— Рыбы? — уточнила Ника.

— Да, не очень похоже? Я стараюсь подавить в себе многие рыбы склонности.

Она на мгновение задумалась, глядя на Виктора, потом покачала головой и улыбнулась.

— Всё-таки похоже.

— Ну, значит, я не слишком преуспел. Вот сюда под лестницу, — указал он путь рукой, — мы начнём с малиновой гостиной. Она названа так по цвету мебели и портьер. Весьма скромное убранство. Однотонные стены, скучновато было бы, если бы не картины и часы. Картины в Павловском Дворце в большинстве своём оригиналы и собрание здесь, хоть и не многочисленно, но ценно.

— Да, очень красиво, — согласилась Ника, ближе подходя к напольным часам с фигурой Аполлона.

— Сейчас мы пройдем в так называемый общий кабинет. Удивительно, что у семьи цесаревича был один на всех кабинет, но это так. Марии Фёдоровне даже платья приходилось донашивать после первой жены Павла. Павловск не сразу обрёл ту завершенность и привлекательность, о которой упоминают современники. Давайте посмотрим на семейный портрет.

Слева направо, — начал описание Вяземский, — два молодых человека внушительного роста и телосложения — великие князья Александр и Константин, они погодки, около Марии Федоровны ещё один сын — Николай, и дочери Екатерина и Мария, за Марией бюст умершей в возрасте трёх лет Ольги, у коленей отца великая княгиня Анна Павловна, у кресла Павла, на полу, самый младший сын Павла — Михаил и, наконец, две красавицы в желтом и

серо-голубом — его дочери Александра и Елена, обе в замужестве стали герцогинями. А в центре и сам Павел первый, его вы конечно узнали. Сложное имя императрицы я уже упоминал, она в девичестве была не только герцогиней Вюртембергской, а ещё и принцессой Монбельярдской. Павел Петрович с лёгкой руки Екатерины, весьма успешно продолжил традицию своих предков по заключению браков с европейскими династиями. Следует сказать, что Августа Доротея и так далее... была второй женой двадцатилетнего Павла — первая его жена принцесса Вильгельмина Дармштадская умерла при родах. Павел любил жену и казался безутешен, но в том же году женился второй раз.

По мере того, как Виктор рассказывал, около них скопилось человек пять посетителей музея. Они остановились, смотрели на портрет и слушали, вероятно, принимая Вяземского за экскурсовода. Когда Виктор отвлёкся от портрета и обернулся к Веронике, то тень недовольства промелькнула в его глазах. Уединение их было бессовестно нарушено, но Виктор не собирался мириться с этим. Вежливо, но безапелляционно, он обратился ко всем и ни к кому в отдельности:

— Извините, дамы и господа, но экскурсия исключительно для этой леди, которая является дальним потомком ветви великой княгини Анны Павловны, в замужестве кронпринцессы Оранской и Королевы Нидерландов.

Одна из любопытствующих женщин ахнула, другая круглыми глазами уставилась на Веронику, молодой человек направил на девушку объектив цифрового фотоаппарата, но Виктор быстро перекрыл Нику от приткого фотографа. — Съёмка запрещена, господа, прошу вас продолжить свой осмотр, а мы продолжим свой, — решительно заключил Виктор.

Когда непрощенные экскурсанты отошли на почтительное расстояние, Вероника перевела дух и зашептала:

— Вы с ума сошли, Виктор Владимирович! Какой королевский дом?

— А что же было делать, ведь иначе не отстали бы, увязались за нами, как в сказке про Золотого Гуся и ходили бы по всему дворцу. А так — проявили уважение к августейшей фамилии.

— Ну а если они кому-то из музейных скажут?

— Да и пусть, а мы скажем, что вы прибыли с неофициальным визитом из Рохана, разве я сказал кронпринцессы Оранской? Какая оплошность, конечно Роханской...

Ника не выдержала и прыснула со смеху совсем неподобающим для «потомка ветви великой княгини» образом.

— Ну, что ещё нам посмотреть тут? — вслух размышлял Виктор, — мебель пожалуй, особенно впечатляет вон тот столик, как и многое тут сделан в мастерской Гамбса. Смотрите, такое ещё встретится — было модно украшать письменные столы балюстрадай. Не могу сказать, что я в восторге от этой традиции, стол занят не функционально, столько места пропадает. Нет бы сканер поставить.

— Ну Виктор... — Ника уже не могла больше сдерживаться и громко рассмеялась.

Старушка смотритель укоризненно посмотрела на них.

— Хорошо, хорошо, не буду больше, — пообещал Виктор, — смотрите теперь ещё на потолок. В этом интерьере совместили свои усилия и Камерон, и Бренна, и Воронихин. Но даже тут Камерона можно узнать, как и в Царском Селе, и в Эрмитаже

— Вы так хорошо рассказываете про Павловск и Петербург, — в который раз повторила Вероника.

Она была смущена и вместе с тем обрадована их неожиданным знакомством и тем, что

Виктор уделяет ей так много внимания. Ника ещё не поняла, что он за человек, но одно ощутила со всей ясностью — она хочет слушать его. Пространные, но так не похожие на заученные экскурсоводами рассказы, его шутки, голос. Ей нравились плавные, но собранные и уверенные жесты Виктора, его несколько тяжелый пристальный взгляд. А когда в музее посторонние люди обратили на них внимание ей стало приятно, что это именно она с Виктором, и для неё он говорит.

Он был не похож на тех взрослых мужчин, которых Ника встречала в окружении своего отца. Их семья вначале жила в районном центре, сибирском поселке Казачинское на берегу реки Киренги.

Сколько Ника помнила себя, столько и эту реку, и густой лес по берегам, она помнила дом и людей, которые бывали у них. Часто в доме становилось шумно и тесно от громкоголосых, похожих на охотников мужчин в меховых шапках, высоких сапогах, с ружьями. Это всё были руководители отделов здравоохранения и поселковых больниц. Отец Вероники долгое время оставался на посту заведующего райздравотделом.

Его подчиненные бывало, собравшись на очередное совещание, засиживались допоздна, а то и оставались ночевать. Не все могли добраться домой — посёлки были разбросаны по району, и дом отца Вероники и был тем административным центром, где собирались для совещаний и оставались для дружеских бесед. Нику брали на руки, дарили ей подарки, она видела, как эти люди уважают её отца, даже почитают. Его мнение всегда было решающим, даже в семье. Девочка гордилась отцом, хотя в общении Сергей Иванович был крут, но жили они хорошо.

Когда Ника закончила шестой класс, семья переехала в Ангарск. Сергей Иванович хотел, чтобы его дочь получила хорошее базовое образование, у девочки с раннего детства была склонность к музыке и языкам, но отец определил иностранные языки как более перспективное направление, тем более, что и мама Ники преподавала английский в школе, и на первых порах проблемы с языком не было.

Правда в Ангарске маме пришлось работать не по специальности, а потом и совсем уйти и сидеть дома, один год Вероника долго болела. Но к одиннадцатому классу всё наладилось и она закончила школу с золотой медалью, потом, как и хотел папа, поступила в институт — Иркутский Государственный Лингвистический Университет. Жила в общежитии, и прежняя поселковая жизнь не казалась уже такой интересной. Но разве мог Иркутск сравниться с Петербургом, а папины подчиненные с Виктором.

Никто из них не умел так рассказывать!

— Пусть вас не удивляют мои познания, — улыбнулся Виктор. — Я не историк и не искусствовед, мои знания основаны на интересе и только. А ещё первым вариантом моего диплома были увеселительные мероприятия в концертном зале Павловского императорского вокзала, и гулянья на берегах реки Славянки. Вот я и взялся изучать Павловск основательно, а для этого пришлось поближе познакомиться и с семейством Романовых. Если честно, я люблю русскую историю меньше, чем западную.

— Почему?

— Несколько причин, во всяком случае рыцари мне гораздо ближе, чем витязи по менталитету, впрочем ни тех, ни других уже нет в природе. Вымерли, как класс...

— Ну да, а вот я люблю славян, язычников.

— Тогда можно сказать, что вы попали на их исконные земли. Задолго до Петра Первого здесь селились финские племена, а позже вся территория по реке и дальше через озеро Нево, так называлось тогда Ладога, частью пути из варяг в греки. Только после ливонских войн земли были потеряны для Руси и перешли к шведам, с большим трудом вернул их России славнейший представитель рода Романовых государь Пётр Алексеевич, известный в мировой истории, как император Пётр Великий. Если вы интересуетесь славянами, то знаете всё это не хуже меня.

Ну что ж, идёмте дальше, а то так и простоим перед августейшими особами до закрытия музея.

Сейчас мы увидим несколько комнат, — сказал Виктор, пропуская Нику вперёд, — с которых и начинается дворец. Самая красивая на мой взгляд Белая столовая всё того же Чарльза Камерона. Об этом человеке стоило бы рассказать подробнее.

— Расскажите! — обернулась к нему Вероника так быстро, что Виктор чуть не натолкнулся на неё. Она смутилась под его взглядом. — Если конечно вам не трудно.

— Мне приятно, не часто выдаётся поговорить так подробно о Павловске. Это место... оно для меня не только музей и парк, а состояние души, я кажется повторяюсь, — Виктор тоже был смущен и не сумел скрыть этого. Или не захотел скрывать от Ники?

— Да, я понимаю вас. Здесь так красиво и всё это...

Она не могла подобрать слов. Виктор улыбнулся ей и кивнул.

— Именно так.

Они прошли ещё один кабинет, украшенный гравюрами с изображением фресок Рафаэля, потом угловую гостиную в стиле ампир.

— А здесь всё сделано по проекту и рисункам Карла Росси, даже мебель и люстра. И совсем другой ритм орнамента на фризе, — рассказывал Виктор, — после этой комнаты Белая Столовая будет контрастом. Несколько вычурный ампир и снова строгий классицизм. И опять я про потолок, — улыбнулся он. — Но вот давайте рассмотрим его здесь подробнее.

— Давайте.

— Рискую вас утомить, но всё же начну от печки, вернее от антаблемента, термин сугубо архитектурный, так что требует расшифровки. Если вы знаете, то скажите, чтобы я не повторялся.

— Очень примерно. Что-то читала. — сказала Ника, — она нисколько не стеснялась своего незнания и проявляла очевидную готовность выслушать объяснения Вяземского.

— Постараюсь покороче, — пообещал он. — Для большинства слово антаблемент мало что значит, а потолки в Павловском дворце различаются по более или менее насыщенной лепке верхней части стены и линиям членения пространства потолка, если они есть. В принципе, можно прожить и без этих знаний, но человек склонный к анализу всегда стремится проникнуть в суть, а понимание общих законов, в данном случае архитектурных, даёт нам возможность раскрыть замысел создателя.

Это всё равно, что слушать музыку просто так, или, имея представление о законах гармонии, улавливать красоту в музыкальных темах, определять характерные для того или иного композитора гармонические последовательности консонансов и диссонансов.

— Про это я точно не знаю, — засмеялась Вероника, — и безнадежно развела руками, — я не музыкант, а лингвист.

— Извините, попробую привести пример, используя близкие вам категории, хоть я и не

силён в лингвистике и языках, но, вот это, как если бы вы знали не просто разговорный язык на уровне обычного понимания смысла речи, а особенности построения предложений в конкретном языке, и отметили бы красоту и необычность, или характерность, или особый стиль речи человека, или стиль какого-то автора, ведь вы читаете Толкиена в оригинале.

— Да! Это так...

— Я рад, что вы поняли меня! Вот так и я, когда разобрался с основой, то восхитился красотой узора. Антаблемент — это элемент здания, он венчает стену или колоннаду, состоит из архитрава, фриза и карниза. Слова знакомые конечно, но толку от этого нам мало — надо зрительно представить, идите сюда.

Антаблемент

Виктор достал из кармана маленький блокнот и карандаш. Он быстро перевернул занятый лист, но Ника заметила, что там был рисунок, какое-то дерево. На свободном листе Виктор несколькими чёткими линиями обозначил угол портика.

— Смотрите, всё не так страшно, — Вероника наклонилась к рисунку и следила за карандашом, — Архитрав — нижняя часть антаблемента, — Виктор обвёл область, о которой рассказывал, а потом острый грифель пошел по линии основания, — это просто балка, основная балка, которая перекрывает пролёт между двумя смежными колоннами, она может быть целой, тогда говорят, что это «архитравное перекрытие», характерно для дорического и тосканского ордера, а вот ионический и коринфский имеют ещё и горизонтальное членение, скорее всего изначально это было связано с разной длиной строевого леса, а потом вошло в ордерную систему, как характерный признак. Про ордера скажу позже, — Ника кивнула, не отрывая глаз от кончика карандаша.

— Дальше идёт фриз — самая широкая часть антаблемента, — продолжал Вяземский, — в переводе с французского фриз — украшение, это средняя горизонтальная часть расположена между архитравом и карнизом, она так же различается в разных порядках: в дорическом членится, а в ионическом и коринфском заполняется сплошной лентой рельефов или оставляется пустым. И, наконец, верхняя часть антаблемента — карниз, от греческого «кривой», он имеет функциональное значение — защищает стену от дождя, потому выступает.

Карниз самый сложный элемент, хотя он не так бросается в глаза, как, например, фриз. Состоит карниз из нескольких деталей. Всегда делится на три части: поддерживающую, вот она, — Виктор выделил на рисунке жирнее, — свешивающуюся и венчающую. Основная — свешивающаяся, её ещё называют выносной или слезниковой плитой, на её нижней поверхности делали выемку, чтобы прервать поток дождевой воды, когда вода стекала по карнизу и встречалась с этой выемкой то собиралась в каплю в виде слезы, потому так и стали называть.

Слезниковая плита заметно выступает, и снизу поддерживается так называемым модульоном, от слова модуль, по латыни модулюс — мера, поскольку в архитектуре всё соразмерно, то и вынос карниза составляет один модуль, в разных порядках он рассчитывается по разному, но чаще принимают за модуль нижний диаметр колонны, а дальше уже для измерения более мелких членений служат части модуля. Модульон бывает фигурный, вот такой завиток, — Виктор пририсовал к выступу деталь.

— Действительно такие штучки есть, — обрадовалась Ника.

— Они разные бывают, теперь вы просто будете обращать на это внимание, потому что знаете. Ну, а это у нас желоб, — Виктор опять выделил жирнее, — он на самом верху карниза, по желобу шли отверстия, которые имели вид львиных голов или цветочных

розеток. Вот так, через разные промежутки. Это я вам расписал полный карниз, он завершает здания снаружи, поддерживает кровлю, — карандаш обозначил угол портика и оторвался от бумаги.

Ника посмотрела на Виктора, и он увидел что в глазах её светится радость. Это было необычно, что она восприняла его объяснения именно так, но и хотел бы от её такой реакции, потому, что объяснял ей с такой же радостью.

Процесс передачи знания всегда увлекал его. Когда на чистом листе памяти в сознании человека отпечатывались образы, они складывались в некую систему, приобретали форму, ассоциировались с чем-то уже знакомым, расширяли восприятие пониманием и оставались навсегда. Вероника была удивительно восприимчива. Она впитывала в себя новое с жадностью, и от этого хотелось передать ей как можно больше.

— Если бы все мои студенты слушали так как вы, — сказал Виктор.

— Если бы я могла стать вашей студенткой, — покачала головой Ника.

— Значит не утомил?

— Нет, нет! Что вы, я только начала разбираться, и это так замечательно.

— Знакомое чувство, когда я в первый раз обложился книгами и, наконец, разобрался в красивом и загадочном слове «антаблемент», то испытал восторг.

— А почему вам надо было знать это?

— Когда-то давно, ещё до экономического ВУЗа, был у меня в гуманитарном такой предмет как сценография, оформление сцены декорациями. А декорация часто воспроизводит архитектурные сооружения, вот я и заинтересовался, встретив незнакомое слово.

— Вы всегда интересуетесь так глубоко?

— Должен признать, что всегда. Я не люблю не понимать чего-то, незнакомое слово в тексте раздражает и тормозит моё восприятие целого. Не самое лучшее качество, бывает, что я очень подолгу разбираюсь в сути. Да и вообще. Вот мы бы уже полмузея обошли за то время, пока я вам тут объяснял.

— А разве главное обойти?

— Хорошо, что вы так думаете, очень хорошо. Ладно, объяснений осталось уже не так много. Итак мы рассмотрели полный антаблемент, во внутреннем горизонтальном членении стен он воспроизводится частично. Это моё собственное наблюдение, и я не ручаюсь, что оно академическое, и всё-таки теперь смотрите на потолок белой гостиной. Над пилястрами, которые имитируют колонны, мы видим не что иное, как фриз, а над ним карниз, пропущена только нижняя часть — несущая балка, и карниз стоит непосредственно на капителях — верхних частях колонн. Но сам он, как и положено, трехчастный: поддерживающая нам почти не видна, она за модульоном, который мы видим тянется лепной полосой под небольшим выносом, а дальше желоб, он как бы и часть потолочного лепного фриза и окончание антаблемента. Кстати излюбленной капителью Камерона была ионическая.

— Вы обещали про это.

— Это совсем просто. Ордер — то есть система. Она существовала и в древнейшие времена, иначе, как же было строить, но канон сформировался в Греции. Совокупность несущих и несомых частей. Тут надо смотреть на колонну-капитель и на антаблемент вместе, — Виктор опять перекинул лист блокнота и принялся рисовать, — мы сейчас рассмотрим только классические ордеры, они своё название получили от тех областей

Греции, где формировались — дорический, ионический и коринфский. Дорический самый древний, он массивный, несколько приземлённый, его колонна очень проста, без излишеств — круглая подушка-эхин и верхняя плита-абак у капители, а сами колонны расширяются книзу, они не гладкие, а в рубчик — этот желобок называется каннелюр, и он так же различается в ордерах. В дорической их всего двадцать, и они примыкают плотно одна к другой. База — то есть основание, на чём стоит колонна, отсутствует. В здании колонны располагаются близко друг к другу, ближе чем требует конструкция. Антаблемент делится на архитрав, фриз и карниз, фриз разбит на триглифы и метопа — выпуклые и вдвинутые части. Триглиф в свою очередь разбит продольными бороздками, он соответствует модульону и всегда расположен под ним, а метопа — это либо гладкий промежуток, или украшенный рельефом, реже росписью.

Наброски один за другим появлялись на бумаге, Вероника снова следила за карандашом.

— Теперь смотрим ионическую колонну — капитель более сложная, она с валютами — завитками, похожими на папирус перехваченный завязкой, эхин и абак часто украшены орнаментом, явно чувствуется восточное влияние. Основание колонны состоит из плинта — квадратной плиты и двух валов, архитрав ступенчатый из трёх полочек, фриз гладкий или со скульптурным орнаментом, или надписями, карниз в основании членится на несколько выступающих одна над другой декоративных полос и потому даёт значительный вынос. Сама колонна обработана каннелюрами, которые отделяются друг от друга дорожками, в ионической колонне двадцать четыре каннелюры, в разрезе это выглядит вот так, — Виктор нарисовал окружность, а потом провёл по краю фигурную полосу очертания колонны, — сравните с дорической, осязаемая разница, да? — Он нарисовал вторую окружность и другую полосу по краю, — на мой взгляд, ионический — самый стройный и совершенный ордер в архитектуре.

Теперь коринфский — он самый поздний, в Греции использовался редко, а вот в Риме получил своё развитие. Коринфский ордер более декоративен, то есть вот как раз такая, — Виктор указал на ближайшую пилястру, — капитель с двумя рядами листьев аканта, такое растение в средиземноморье, оно дало название орнаменту, самому распространённому в античности. Коринфская капитель похожа на чашу, она расширяется кверху, край характерно вогнутый, угол абаки срезан. Обязательны завитки, которые поддерживают углы абаки. Колонна как и ионическая имеет двадцать четыре каннелюры, архитрав так же схож, да и основание колонны тоже. Собственно это модифицированная в сторону декоративности ионическая колонна. Ну как?

— Да... здорово! А можно мне эти картинки, — попросила Ника. — Виктор протянул ей блокнот. — Спасибо, — сказала она и почему-то покраснела.

— Вот теперь, когда мы будем говорить о Камероне, то вам всё станет ясно. Он был равнодушен к Риму и потому в решении его интерьеров мы заметим характерные черты коринфского ордера. Пожалуй самым ярким примером будет Греческий Зал в парадных покоях второго этажа. Я потому так подробно расписывал вам это, чтобы там на втором этаже вы не просто смотрели, а узнавали, — Виктор сделал ударение на последнем слове, — это гораздо увлекательнее, и тогда ясно ощущаешь связь времён. Непрерывную связь, она есть стержень нашей цивилизации. Такие связи можно отыскать везде — в литературе, поэзии, в живописи, эстетических и социальных нормах общества, военном деле, юриспруденции, системе образования, и даже в экономике. Главное не лениться искать. Кажется я увлёкся.

Вернёмся к Белой Столовой, Что мы видим? Пилястры с капителями коринфского

ордера, лепной фриз. А как вам сервис?

— Восхитительно!

— Это подарок Николая Первого матери.

Виктор подошел к окну и смотрел на на павильон Трёх Граций, который возвышался в конце центральной аллеи собственного садика Марии Фёдоровны. Из Пилястрового кабинета был устроен сход с небольшим балконом, балюстрадой и мраморными статуями кентавров по краям лестницы, которая плавно переходила в чудесный партерный цветник, за цветником начинался сам садик. Между деревьев виднелась статуя Амура, скамейки с деревянным переплётом вместо сидений и спинки стояли под кустами шиповника. Редкие растения были снабжены небольшими табличками с описанием.

— Во времена Марии Фёдоровны собственный садик наверно представлял уникальное собрание растений. Императрица разбиралась в ботанике, знала латынь, она была первоклассным садоводом и цветоводом, что свойственно немкам, — Виктор вспомнил фразу Фабль и её ферму — милый sentimentalный уголок на зелёной террасе одного из трирских холмов, — на этих комнатах вдовствующей императрицы лежит флёр печали. Мария Фёдоровна и всегда-то была склонна к мрамору греческих и римских урн и изваяний, ей нравились надгробные памятники. Тишина, покой, уединение. Но при жизни Павла она не могла позволить себе так много тишины, как потом, когда осталась одна и выросли дети и не стало мужа. Она любила его и трагическая смерть, и то, что в смерти этой обвиняли их первенца, наследника престола цесаревича Александра, вероятно легло тяжким бременем на плечи этой замечательной женщины. Возможно, она обвиняла себя в чём-то, думала, что могла остановить, не допустить.

И всё-таки надо было жить. У неё оставался ещё её Павловск. До конца дней она не переставала заботиться о нём, украшать, и теперь, несмотря на то, что так мало оставила нам история, что во время Второй мировой всё здесь было уничтожено, незримое присутствие Марии Фёдоровны каким-то образом сохранилось. Может быть всё это из области фантастики, но, сначала ведь было решено вообще не поднимать Павловск из руин. Ленинграду было не до Павловска, и всё же именно с этого пригорода началось возрождение, Павловск стал первым музеем, который открылся для посетителей. Многие здесь утеряно навсегда, и не только война — была ещё и революция. Тогда Павловск принадлежал великому князю Константину, он не считался царской резиденцией и сначала не так пострадал. Но и отсюда забирали мебель и шторы для детских домов, игрушки царских детей. А потом спустя десятилетия уникальные вещи приобретённые Павлом Петровичем и Марией Фёдоровной в их заграничном путешествии распродавались с аукционов, потому что Советской России нужны были деньги для различных нужд, например укрепления органов государственной безопасности. Так при Молотове, кажется, продали гобелены из спальни царицы, они теперь в Америке.

— Да, это всё не правильно, — сказала Ника.

— Много, что было сделано неправильно, иногда мне кажется, что я монархист.

— Правда!? Вы бы служили царю?

— Думаю что да, — подтвердил Виктор, — вернее России, но, поскольку такой возможности у меня нет, я пытаюсь служить российской экономике.

— Получается? — спросила Вероника Она посмотрела на него серьёзно, и Виктор поразился, какой взрослой она может быть. Ника — не ребёнок...

— Иногда получается, — ушел он от прямого ответа, но взгляда не отвёл, ему так

нравились её зеленоватые глаза. — Иногда, — повторил он, — а случается, что и своя рубашка ближе к телу, никуда от этого не денешься.

— Это понятно.

— Чем занимается ваш отец? — вдруг без всякого перехода спросил Виктор.

— Он хирург, профессор, главный врач города, — улыбнулась Вероника, — управляет отделом здравоохранения.

— Впечатляет. Очень строгий?

— Очень, но справедливый. Он никогда не наказывал меня, даже пальцем ни разу не тронул.

— Разве отец может наказать дочь?

— Может, у меня есть подруги, которым не так повезло с родителями, как мне.

— Да, конечно, случается всякое, и всё же — наказывать девочку? Я тоже не... — Вяземский замялся, ну зачем он про это? — не обижал свою, — свернул он тему.

Виктор подошел к окну и смотрел на реку, которая огибала холм, разливалась широкой заводью и снова несла вперед тёмные глинистые воды.

— Славянка такой разной может быть — весной как наполнится талыми снегами, соберёт в себя ручьи — забурлит, потечёт шумно, заторопится вперёд к перекату и дальше к мостам. А летом мелеет, чуть ли не пересыхает, становится ленивой. Осенью опять переполняется уже дождями и так до первого льда. Потом замерзают её притоки, и дети, и взрослые катаются с холмов на санках, далеко выезжают на лёд. Но есть тут и полыньи, родники пробиваются и зимой, так что надо места знать — где кататься, а где можно и искупаться.

Ника рассмеялась.

— А вон там и ваш Аполлон.

— Почему это мой?

— А вы им так восхищались с дороги.

— Говорят, что колоннаду обрушила гроза, но мне кажется — это замысел архитектора. Слишком правильно, простовато смотрелась беседка в этом романтическом пейзаже, да и дублировала Храм дружбы, а так — антик чистой воды. От колоннады ещё и водопад был устроен, до самой Славянки, теперь всё заросло травой, и остались только ступени.

— Люблю смотреть на воду, — сказала Ника, — и реки люблю. У нас красивая река Лена.

— Никогда не был в ваших краях... хотел бы я знать почему так называли реку?

— К стыду своему не знаю, я не умею так обстоятельно задаваться вопросами истории. Языки — другое дело. Но теперь буду! Вернусь домой, обложусь книгами.

— Да Гугла достаточно, Интернет многие проблемы решает. Таак... опять народ собирается, посмотреть на наследницу Роханского престола, идём, а то ещё два этажа впереди, а время уже к обеду приближается. Вы ещё не проголодались?

— Нет! Пока всё не осматрю, не уйду отсюда!

— Даже под угрозой мук голода?

— Именно так!

Они оба шутили и глаза их смеялись. И так было легко в этом мире, сохранённом Дворцом, в настоящем и в прошлом одновременно, да, было легко, и близость возникала естественно, несмотря на то, что Виктор и Ника едва знали друг друга. Разницы в возрасте они не чувствовали.

— В таком случае, после осмотра дворца и парка я осмелюсь пригласить ваше высочество поужинать со мной, — церемонно произнёс Вяземский с лёгким поклоном.

Вероника улыбнулась и опустила глаза.

Виктор понял, что молчание в данном случае означает согласие.

— Но продолжим наш осмотр, — перешел он к оставленной теме, — да, после Петра Первого судьбу России стали определять женщины, из которых Екатерина Вторая была самой достойной. Конечно это не оправдывает её средств для достижения цели. Впрочем, пример дворцового переворота был на памяти приближенных молодой царицы. Вопрос отдавала ли она приказ убить своего супруга Петра Третьего, или ретивые царедворцы перестарались и превысили полномочия до сих пор остаётся открытым, но правда в том, что хоронить императора пришлось поспешно, отпевать в закрытом гробу, чтобы подданные при прощании не заметили его синяков и ссадин, а по некоторым сведениям — недостатка пальцев на руке. По этим свидетельствам выходит, что император был не только отравлен, но и убит.

— Какой ужас!

— Да, бедный Петр и еще более несчастный в своем ожидании престола Павел. Сама Екатерина писала в своих мемуарах, что супруг её скончался от желудочных колик. Вся эта история в царской семье с удивительной точностью воспроизводила ситуацию описанную Шекспиром в Гамлете. Павел Петрович стремился узнать подробности смерти отца. Он ненавидел графа Орлова, не исключено, что романтически настроенный цесаревич сравнивал себя с принцем Датским, мать — с Гертрудой, а фаворита императрицы, графа Орлова, соответственно, с Клавдием.

У Екатерины с сыном были сложные отношения. По закону утверждённому Петром Великим, государь мог назначать себе преемника, любого достойного, независимо от родства. Вот Екатерина и решила передать корону не сыну, а внуку Александру. Опять я вперёд забежал. Этому внуку прежде следовало появиться на свет. Когда это произошло, Павел и Мария получили щедрые подарки в виде земель, а внука императрица забрала себе. В её покоях он жил и воспитывался. Сторонница новых методик, Екатерина не позволяла его пеленать, брать на руки и соблюдать рядом с колыбелью тишину. Говорят, что Александр был глуховат, потому что бабушка приказывала стрелять из пушек, чтобы приучить его к этим звукам. Может это сказки историков, но сама Екатерина писала, что Александр рос мальчиком здоровым, весёлым, не страдал простудами. Он вообще не болел. Вероятно, бабушка уделяла внимание его закаливанию.

А Павел всё ждал и ждал когда же мать уступит ему трон. Характер цесаревича испортился. Он и раньше страдал приступами нервного возбуждения и неумеренного гнева, а от долгих лет ожидания стал ещё и подозрителен. Все больше проводил времени в Гатчине, где занимался чем-то вроде «потешных» полков. Он боготворил своего прадеда — Петра Великого.

— При других обстоятельствах он мог бы стать хорошим правителем?

— Уверен в этом. Знаете, когда Павел с женой поехали за границу в большое путешествие, то даже сама Екатерина вынуждена была изменить своё отношение к сыну. До этого она его ни во что ни ставила, а тут от многих людей, к мнению которых она прислушивалась, стали доходить до неё сведения, что Павел Петрович показал себя наилучшим образом и во французском обществе, и при дворе короля Сардинии, да во всех тех местах, где цесаревич побывал, о нём сложилось самое хорошее мнение. Он был прекрасно образован, знал несколько языков, остроумен, доброжелателен, а с женщинами безупречный кавалер. Согласитесь, что характеристика не подходит для угрюмого психопата. Выходит, что от рождения Павел не был таким. Жизнь сделала его подозрительным, нервным. Единственное, чем он страдал ещё и в молодости — приступы

гнева. Но кто из русских царей этим не страдал? Разве что Николай Второй, да может быть государь Алексей Михайлович, прозванный тишайший за кроткий нрав. Некоторые историки ставят под сомнение принадлежность Павла к фамилии Романовых, но мне кажется, что если бы Екатерина родила не от ненавистного мужа, а от фаворита, то она не относилась бы к ребёнку с такой неприязнью. Явно прослеживается не одно только нежелание отдавать трон, было что-то ещё. Отношения сына и матери штука сложная, кто теперь скажет любила ли она его, или ненавидела? А вот цесаревич чтит и уважал мать, первое, что он сделал, когда женился — это написал для Марии Фёдоровны нечто вроде правил поведения. И в них было обязательным — уважительное отношение к Екатерине, и строжайше запрещено было хоть в чём то спорить с ней, или на что-то жаловаться.

Зеркальный коридор

— Чудесный всё-таки вид, — сказал Виктор, он всё ещё смотрел в окно, Вероника стояла рядом с ним и скользила глазами по глубокой перспективе, уходящей вдаль аллеи. Ей нравился Павловск, но и в любом другом месте она была бы беспричинно счастлива рядом с Виктором. Главным оказалось не место, а он.

Она ничего не знала о любви, в семье Нику учили другому: уважению, целеустремленности, честности, взаимопомощи, верности, патриотизму, но любовь? Было страшно, и хорошо, и горячо под его взглядом, и дышать трудно. И надо было как-то скрывать это, а не хотелось. Вот, если бы он обнял ее так, как друзья отца в детстве. Нет, пусть бы по-другому, как в кино...ой, что за глупости! Ника заставила себя не только слушать голос Виктора, но и вникать в смысл сказанного.

— Да, у архитекторов было время, — продолжал Вяземский, — владельцы, сделав заказ, уехали в путешествие по Европе. Павел Петрович и Мария Фёдоровна посетили Польшу, Священную Римскую Империю, Нидерланды, Францию, итальянские княжества. И всюду их принимали радушно, осыпали подарками. Этот вояж длился четырнадцать месяцев. Но где бы ни бывали молодожены, всюду помнили они о Павловске и приобретали для своего нового дворца картины, мебель, скульптуру. Они ходили по лавкам антикваров, мастерским художников. Вот, например, мы проходили кабинет с копиями фресок Рафаэля — так это тоже подарок художника, хозяина мастерской высоким гостям. А во Франции на Севрской мануфактуре цесаревич с супругой приобрели фарфоровых изделий на сумму триста тысяч франков. Можете себе представить? Даже для царской четы это было слишком, так что Екатерину как не понять. Ей надо было строить свой дворец, а тут такие расточительные детки.

Ладно, идём дальше.

Они покинули место у окна и перешли в следующий зал анфилады.

— Вот бильярдная, — рассказывал Виктор, — и снова Камерон и античность.

— Да, теперь я могу сама, — обрадовалась Вероника, глядя на лепной фриз, — какой чудесный орнамент.

— Да, видите никаких отступлений от ордера, сначала членение фриза поперечными полосами и розетками, а над этим — полоска так называемых «иоников», круглые похожие на яйцо фрагменты чередуются с острыми листьями. Только здесь нет карниза, как такового, но очертания его заменены лепными полосами совсем, узкими и пошире. Это мы встретим здесь часто. И как много света, белые стены, как фон для барельефов, и всего несколько картин. И легко, ненавязчиво расширяет нам пространство перекрытие свода, прямые углы стен перебиты плавными линиями над фризом и нарядным, но не броским, кругом лепнины на потолке. А на углах комнаты, там, где стены переходят в потолок Камерон, как бы «цитируют» нам арку, не явно, но заметно. Так... теперь закройте глаза, нет, сначала дайте

мне руку, и не подсматривать.

Ника, улыбаясь, исполнила просьбу Виктора, и он осторожно перевёл девушку в следующую комнату. Поставил лицом к окнам, завешанным белой французской маркизой, светло-золотой парчой и вышитым ламбрекеном с подбором и кистями. Между окнами возвышалось зеркало в золоченой раме, с фигурной золочёной же консолью. На консоли стояли часы изумительной работы, украшенные скульптурой отдыхающей Дианы и два канделябра в виде спутниц Дианы, часы и канделябры составляли композицию, чёрные скульптуры контрастировали с золотом рамы и парчи, шелковой пеной маркизы, светлой стеной и зеркальным коридором, в котором бесконечное количество раз отражалось зеркало, поставленное строго напротив у противоположной стены. Так же отражалась там и многократно повторяемая люстра с хрустальными подвесками. По бокам золотой рамы были закреплены два светильника в виде подсвечников, и они множили своё отражение в зеркалах

— Allez, можете смотреть.

— Ах... — выдохнула Ника, когда открыла глаза. Она стояла перед зеркалом в чудесной уютной гостиной.

Пол устилал ковёр в песочно-коричневых тонах. Рисунок ковра был необычен — в центре восьмилепестковая розетка в окружении больших завитков цветочных гирлянд. Розетка и цветы были тёмными, а фон золотисто-песочный. По краю центральной части ковра шли полосы бордюров, к ним присоединялись боковые ромбовидные части, так же ограниченные бордюрами, а в центре — узорами.

Оконные проёмы обрамляли белые рамы с позолотой, более тонкой полоской чем у рамы зеркала. Белый фриз завершался золотыми иониками, теперь Вероника уже знала этот орнамент, а выше тянулась ещё одна полоса из золотых листьев.

Из мебели в гостиной был трёхногий столик с перламутровой столешницей, ещё один стол, уже прямоугольный, на нём были разложены перламутровые квадратные фишки или что-то вроде того, вероятно настольная игра, и кресла, вышитые цветами. В целом всё создавало атмосферу уюта и разительно отличалось от того, что видела Ника в предыдущих комнатах.

— Ещё один шедевр Чарльза Камерона, — сказал Виктор, когда почувствовал, что восхищение Ники перешло в стадию осознания. — И такое впечатление, что отсюда только что вышли хозяева, правда?

— Да, это именно так.

— Все остальные комнаты утратили свой жилой вид, а эта — нет. Думаю, что причина в вышивке. Ручная работа и ковёр, и мебель — всё изделия французских мастеров. Мебель уникальная, была заказана Павлом и Марией Фёдоровной во время путешествия — мастерская Жакоба, а обивка шедевр Лионских вышивальщиц. Часы на зеркале, также из Парижа, при жизни Павла Первого они стояли в его тронной зале в Михайловском замке.

— Да откуда вы всё это знаете? — не скрывая восхищения воскликнула Ника.

— Ну вот знаю... читал... а смотрите на шторы. Какие благородные цвета. Не вульгарное золото, а чуть зеленоватый оттенок, приглушенный у ламбрекена, и его вышивка оттеняется гладкими без рисунка шторами, почти серебряная парча, гораздо светлее, чем позолота мебели. Теперь можете смотреть на противоположную стену, она испорчена музейными витринами, хотя конечно и это мебель, серванты, а не просто стеллажи, но уже не то. За стеклом на полках размещен какой-то туалетный набор из перламутра, чем он примечателен, и где его взяли Павел и Мария, я не знаю, но очень красиво.

— А на столе, что это там? Лото?

— Думаю, что триктрак, вот и этого тоже не знаю, а вы говорите...

— А наверху там вторая полоса позолоты?

— А, это знаю, орнамент пошире иоников — пальметта, тоже очень распространённый и любимый Камероном. Он вообще любил сочетать белое с позолотой, и ещё любил зелёное всех оттенков в интерьерах. В Пушкине в Екатерининском дворце есть столовая, она вот вся зелёная и сугубо античная, но без строгости, интимная... Я тоже люблю зелёный цвет. Если вы налюбовались зеркалами, то идём дальше.

— Бесконечная анфилада, — прошептала Вероника, засмотревшись в прямоугольники удалявшихся зеркал, над которыми сияли свечами люстры.

— Да, если войти, то обратно можно не вернуться...

Ника думала, что Виктор шутит, но когда посмотрела на него, то увидела совершенно серьёзное выражение его лица.

— Вы верите в параллельный мир?

— Даже иногда бываю там, — улыбнулся он.

Девушка поняла, что это запретная зона. Спрашивать было бесполезно. Он всё равно бы не ответил. А как же ей хотелось узнать, что там в его мирах, и похожи ли его миры на её собственные...

Запретная зона

— Следующий зал танцевальный, — ушел от нежелательной темы Виктор, — он вполне соответствует своему назначению. Просторный, несколько официальный. Снова строгий классицизм Камерона. Здесь особенно хороши двери, а верхняя часть дверной коробки всё тот же наш антаблемент, узнаете?

— Да!

— Он снова и снова в разных вариантах будет повторяться тут ещё много раз. Четыре большие картины заказаны Павлом Петровичем во время заграничного путешествия. Тогда он ещё всецело был предан душою Павловску. Позже, мать подарила ему и Гатчину, цесаревич стал украшать другой дворец — Гатчинский, многое из того, что предназначалось для Павловска, отправилось туда. Не думаю, что Мария Фёдоровна была довольна этим, но она очень любила мужа и скорее всего не спорила. У них была прекрасная семья. С другой стороны, не отдались сам Павел от этого дворца, быть может Павловск не получил бы того неповторимого облика, в котором незримо присутствует нежная женская рука и сердце. А картинная галерея здесь есть на втором этаже, и ещё немного в покоях Марии Фёдоровны, когда она стала вдовствующей императрицей. Собрание картин Павловска впечатляет. Здесь почти нет копий — в основном оригиналы: западная живопись и русская.

Это мы обошли с вами первый этаж главного центрального корпуса, вот смотрите, — Виктор открыл буклет и показал Нике план, — а сейчас идём вот сюда в комнаты Вдовствующей императрицы. После смерти Павла она много времени проводила в этом дворце, продолжала лелеять и украшать своё любимое детище Павловск, место, где была счастлива с мужем детьми. Несмотря на то, что Екатерина отобрала у неё двух старших сыновей, у Марии Фёдоровны оставались Николай и девочки. Она сама занималась их воспитанием. И все они выросли незаурядным личностями. Каким изысканным вкусом обладала хозяйка Павловска, можно судить по этому дворцу и парку. Хоть здесь и присутствует в ландшафтах немного немецкой сентиментальности, но она так к месту для северной природы.

Покои Марии Федоровны осмотрели мельком, Виктор хотел оставить время и для прогулки по парку, который так и притягивал живописными ландшафтами. К тому же по сравнению с парадными залами, комнаты вдовствующей императрицы казались печальными.

— Как она жила потом? — спросила или подумала вслух Ника, — если знала, что Павла убили и, возможно, их сын причастен.

— Жила прошлым, вероятно. Никто не знает правды, но можно предположить, что вначале они были счастливой семьей. Такие прекрасные дети, она жила ради них и ради добрых дел. Удивительная была женщина. Любила розы, здесь есть в парке Розовый павильон, вокруг цветники. Летом это царство роз.

— Теперь уже отцвели, — вздохнула Вероника.

— Да, но будет новое лето, приедете еще и увидите их.

— Правда? — она спросила так, будто от Виктора зависело исполнится это или нет.

Он ответил не сразу, смотрел на нее и хотел увести из печальных воспоминаний Марии Федоровны, которые все еще витали здесь, среди множества вещей, принадлежащих вдовствующей императрице.

— Я надеюсь...

Ника ждала, что он еще скажет, но в анфиладу вошла группа туристов и монотонный голос женщины-экскурсовода уничтожил все очарование момента.

— Идемте лучше посмотрим картинную галерею и третий этаж, там по-настоящему жилые комнаты, — предложил Виктор.

— Да, я люблю картины, у меня мама увлекается и хорошо разбирается.

— Я тоже люблю, но на уровне нравится — не нравится, понимаю в этом мало, могу сказать только что мое, а что нет.

— И что нет?

— Купание красного коня, например, — засмеялся он, — не понимаю этого.

Вероника только головой покачала. Опять шутит? Или...

Посмотрела на Виктора, да куда там, не понять, на вид серьезен, а глаза такие странные, Ника боялась даже мысленно произнести — счастливые, но было именно так. Конечно не потому, что она рядом, это невозможно. Тогда... Неужели Павловск настолько важен? И Виктор разделил это с ней.

Они без всяких сожалений покинули экспозицию личных покоев, поднялись на второй этаж, посмотрели картины, но больше необычайной красоты плафон. Потолок превращал светлый, вытянутый в длину циркульный зал в особое пространство, открытое небу, но снова органично, без помпезности. Дворец и в сияющем великолепии императорской резиденции все равно оставался “домашним”, может быть потому, что в убранстве было так много дерева, или по другой необъяснимой причине.

Он был наполнен живым временем, которое звучало в мелодичном перезвоне многочисленных часов. Напольные, каминные, настенные, большие и малые — они шли, шли, отмеряли секунды, минуты, годы... И где-то в далеком “тогда” отражалось то, что было теперь. Бесконечный зеркальный коридор Времени показывал других Нику и Виктора, которые уже были и еще будут, повторяя пройденное. Они видели себя, как в театре, со стороны, в удивительных декорациях Павловска. Парадные залы сменялись один за другим. Но вот все они пройдены. “Ваше время истекло, кончайте разговор” — вспомнила она любимый фильм детства.

Ника была потрясена, наполнена впечатлениями и новым чувством, неужели возможно еще что-то? Но Виктор повел ее за собой наверх.

Лестница на третий этаж поскрипывала под ногами, простые перила, крашеные деревянные ступени, небольшие пролеты, не было похоже, что это музей, скорее дом. Гостеприимный, теплый. И он как будто всегда ждал их.

На третьем этаже потолки низкие, как в обычных жилых комнатах. Если бы не шнуры, натянутые между стоек в качестве ограждения, можно было подумать, что это не выставка “истории дворянского быта”, как гласил буклет, а кабинеты и гостинные ненадолго оставленные хозяевами. Сейчас они вернутся, рассядутся по привычным местам и продолжат прерванный разговор.

— Смотрите, какой уголок за ширмой, — воскликнула Вероника, — ковер и кресла. Прелесть какая! И рояль...

Она хотела посмотреть ближе, неосторожно пересекла запретную черту, коснулась шнура, и тут же запищала сигнализация. Вероника от неожиданности вздрогнула и отпрянула, она искала защиты у Виктора. Прежде, чем подумать, что он делает, Вяземский обнял ее, прижал к себе. Так они стояли несколько мгновений, и в это самое время зазвонили часы. Одни, другие, третьи — по всей анфиладе.

Виктор не хотел отпускать ее из рук. То, что происходило было правильно и предопределено, натянулась и задрожала внутри невидимая струна. Прикосновения его были осторожными и нежными. И искрой пробило Виктора сознание, что это Она, все встречи до нее случайны. Но тут же отозвалось болью и страхом прежнее знание, он уже сейчас предугадывал, как тяжело будет потерять ее, расстаться. И не было сил разомкнуть руки, сделать шаг в сторону. Он обнял Нику теснее и почувствовал не телом, всем собой, как она прильнула. Доверчиво и жадно, точно также стремясь удержать его. Здесь, сейчас, в волшебном пространстве дворца это было возможно.

До свидания, Павловск!

Часы отзвенели по залам и затихли. Все они показывали разное время, и ни одни — настоящее.

— Ну что вы, Ника, это только видеонаблюдение нас поймало. Сейчас посвистит и замолкнет, — наклонился к ее уху Виктор и закрыл глаза.

Сейчас он отпустит...сейчас...

К ним уже шла из соседнего зала старушка, охранница зала. Вид у нее был по королевски чопорный и сердитый.

— Молодые люди, экспонаты смотрим на расстоянии, за барьеры не заходить! И поторопитесь с осмотром, через полчаса мы закрываем.

“Значит, половина шестого вечера” — подумал Вяземский.

— Извините, мы нечаянно задели, Скажите, пожалуйста, а рояль в рабочем состоянии? На нем играть можно?

— Нет, рояль не настраивали очень давно, а концерты у нас в греческом зале.

— В греческом зале, в греческом зале, — процитировал Вяземский и почувствовал, как Вероника беззвучно смеется уткнувшись в его грудь. — Вы тоже Райкина вспомнили? — спросил он.

— Да, папа его обожает!

Она не смутилась... по неопытности, или... провидя главное, правильность всего, неизбежность их встречи?

Нехотя, с большим сожалением, Виктор отпустил ее.

Страх лишь коснулся его чувств темным крылом и отлетел, истаял. Сейчас Виктор прислушивался к другому, главному, что совершалось между ними.

— Пойдемте в парк, Ника, вы хотели взглянуть на собственный садик императрицы, а его закроют вместе с музеем, но в парке можно гулять допоздна.

Ника следила за Виктором, про себя она свободно называла его по имени и ощущала гораздо ближе, чем он позволял себе это. Неожиданно взрослым женским чутьем провидела она в подробных рассказах о Павловске, пусть интересных и живых, стремление укрыться от того, что происходило между ними. Он говорил, чтобы не молчать, не смотреть, не касаться — а хотел-то именно этого! И она тоже. Но нельзя было, и потому Ника только слушала голос. Красивый...

И не только голос ей нравился! Статный уверенный в себе мужчина. Не мальчик, взрослый, густые волосы уже с седыми прядями, черты лица благородные, но не жесткие. Глаза серые, как воды залива в пасмурную погоду. А губы добрые. Улыбка ласковая. Только редко улыбается, чаще хмурится, тогда глубокая морщина залегает между бровей. Руки красивые...А выправка как у папы — армейская. Наверно спортом занимался много. Ника поняла, что бессовестно разглядывает Виктора, а он стоит и ждет, даже не противится

этому. Но ведь понимает!

Ей стало неловко и она опустила голову, стала смотреть под ноги — на дорожку. Но долго так не выдержала и снова обернулась к Вяземскому. Улыбнулась, засмеялась, поймала его ответную улыбку и почувствовала себя беспричинно счастливой. Просто потому, что этот человек сейчас рядом!

В парке было еще светло, длинные вечерние тени ложились косыми темными полосами на газоны и дорожки. Сухая золотистая листва шуршала под ногами. И хотелось идти, идти... не нарушая пугливой тишины.

Парк оказался огромным! Ника не видела ничего подобного: старые могучие деревья, плавные изгибы реки, быстрины на перекатах, мосты, павильоны, скульптуры.

Вероника думала, что Виктор и о них расскажет, но он молчал. А взгляд его все теплел, и печальная улыбка часто трогала губы.

Ника шла рядом с ним, все дальше углубляясь в осенний мир парка. От центральной аллеи они забрали влево, посмотрели с высоты дворцового холма на Славянку и вернулись к собственному садику. Кое-где на клумбах еще пестрели осенние цветы, но в основном покачивались коробочки с семенами, а рядом торчали таблички с латинскими названиями растений. Листья с кустарников осыпались, “собственный садик” выглядел взъерошенным.

— Все же здесь летом гораздо лучше, — вздохнул с сожалением Виктор, оглядывая партерный цветник, — идем к трем грациям. Их Марии Федоровне на день ангела подарили.

— Правда? Удивительно, такой большой подарок, представляю упаковку с ленточками, — засмеялась Ника и пошла вперед, а Вяземский за ней. Она слышала его шаги, шорох листвы под ногами, так хотелось обернуться, и...

Она не знала что! Обнять? Да! Но как возможно? В музее это случайно вышло, Ника даже не поняла, как оказалась в его руках. И почему он стал молчалив? Словно отвечая на ее вопрос, он тихо сказал:

— Про парк можно вспомнить много интересного, но когда оказываешься тут, главным оказывается причастность. Чувствуешь себя одним с природой, красотой. И мысли дурные уходят. Павловск лечит...

Ника обернулась, Виктор остановился, так они медлили под старой, сросшейся тремя стволами липой и смотрели друг на друга. Молча.

Белка выглянула из-за ствола, спрыгнула вниз на газон, замерла.

— Ой, смотрите, — прошептала Ника

— Не двигайтесь резко, — также шепотом отвечал Виктор, — тихонечко доставайте орехи.

— Да...

А белка и не думала пугаться, напротив, увидев, что Вероника раскрыла сумку, рыжая попрошайка тремя большими скачками выбралась с газона на дорожку и снова замерла в полуметре от Виктора и Ники.

— На ладонь положите, дальше она сама разберется, — подсказал Виктор.

Ника медленно присела, протянула руку с раскрытой ладонью к зверьку.

— Взяла! Ест!

Белка деловито покрутила орешек в передних лапках, немного помусолила его, но потом зажала в зубах и вернулась на газон, под липу, разрыла листья и землю, затолкала туда угощение.

— Запасает, — улыбнулся Виктор и тоже присел.

Белка вернулась и вспрыгнула ему на колено.

— Совсем ручная! Ну иди, иди ко мне. Ой!

Зверек перепрыгнул на плечо к Нике

— Не бойтесь, давайте фотик, я сниму вас с ней, — сказал Виктор.

Фотографии с белкой вышли замечательно. Виктор и Ника рассматривали их, смеялись, а в парке темнело, солнце село, тени растеклись вечерним сумраком и похолодало.

— Далеко в парк не пойдем, поздно уже. Хотел Сильвию вам показать, но в другой раз.

Он опять сказал это, и Ника поверила, что будет этот другой раз. Не может не быть. И так хорошо стало.

— Да, я приеду, может быть весной. И ребята еще игру хотели, но даже без игры, сама.

— Весной тут чудесно. Я буду рад снова встретиться с вами.

К выходу из парка опять шли молча. В машине Виктор спросил:

— Устали?

— Нет, — Ника смотрела на павильон граций, мимо которого они снова проезжали, — это другое, я сохранить хочу в себе.

Виктор кивнул, он хорошо знал это состояние, когда уходишь из парка и уносишь частицу его в себе.

— Вот и ворота царские, — обратно быстро доедем, пробок в это время нет.

В гостях у Тани

Меньше, чем через час он притормозил у дома Тани. На завтра они с Вероникой о встрече не условились, девушка шла на игру.

— Виктор...я... — Ника взяла из его рук сумку, но не выходила из машины, хотела что-то сказать. Он не торопил. — Я благодарна вам! Когда выезжала из дома, мне было даже немножко страшно. Мир так велик, а я ничего не видела, кроме своего поселка, а потом города, где и дома-то не выше пяти этажей. Нет, конечно, еще Иркутск... и мы часто ездим на Байкал, но это ведь другое. А здесь совсем новый мир. И у меня никого не было, о ком бы я могла сказать, что он ждет меня в этом мире. И вдруг вы...я понимаю вы заняты и оставили свои дела ради того, чтобы показать мне город, Павловск, свой мир....

Виктор молчал. Потом взял ее руку в свою, не мимолетным прикосновением, а именно взял и удержал, не больно, но ощутимо сжал пальцы.

— Знаете, что... бывает, люди встречаются, когда необходимы друг другу, именно в тот момент. И я благодарен вам. За то, что Вы сейчас со мной. Я не могу, да и не хочу объяснять подробности, но... сейчас мне очень тяжело было бы одному. Я ведь не живу с семьей. Это не вчера произошло и не подумайте, что я... ищу способа отвлечься...что-то я не то говорю, — усмехнулся он и отпустил ее. — Доброй ночи, Вероника, и удачной игры. Вы уверены, что доберетесь сами? Лучше было бы мне отвезти вас туда.

— Нет, спасибо, я сама... я позвоню вам.

Почему отказалась, Ника и сама не знала. Испугалась и его, и того, что могло произойти между ними. Ведь не просто так он сказал про семью. Он сейчас хотел не только слов, как ни была Вероника неопытна, но она догадывалась, замечала, что Виктор тянется к ней так же, как и она к нему. Ведь их как током ударило там в музее, когда она испугалась сигнализации, и он прижал ее к себе... Так он не женат, или женат, но не живет дома, тогда... страшно, так страшно было думать об этом, но как же хотелось об этом думать. Ее бросило в жар, она почувствовала незнакомое прежде томление в теле, слабость, и что-то мучительное, такое чему она не знала объяснения. Внутри себя. Ей стало трудно дышать, но нельзя было показать этого. Она задержала дыхание пытаясь справиться с собой. Если бы он сейчас еще раз взял за руку! Ника хотела прикосновения к его ладони, но Виктор не пытался ни дотронуться, ни сказать что-то еще.

Ника не могла знать, что он думает, а думал он об ее отказе, о том, что она не нуждается в нем и что, вероятно, не слишком стремится афишировать их отношения перед друзьями. Не хочет показывать его. Это можно понять. У нее своя жизнь... Что же она медлит, почему не прощается?

— Я пойду, Виктор Владимирович

Опять по отчеству назвала. Все равно хорошо!

— Я провожу до подъезда, темно там под аркой.

Свободный от прогулок день Виктор планировал провести в офисе. Утешить Штерна, просмотреть отчеты, заняться первоочередными делами. Но стоило войти в кабинет, как привычная офисная обстановка начала угнетать. Она не соответствовала тому, что происходило с Вяземским.

Виктор скучал по Веронике. Противореча самому себе, хотел быть в отдалении, чтобы хорошенько подумать о происходящем, но и рядом.

Невозможно было не заметить, что творится с Никой. Она не сопротивлялась стремительному сближению — это смущало Виктора, радовало, побуждало быть во сто крат бережней, налагало ответственность.

Нике простительно — молода, неопытна, чистая девочка, облеченная в невинность, как невеста в свадебную фату. Тронуть страшно. Ничего не понимает, а он-то знает все... И обидеть ее — грех, ни за что не посмел бы. Но даже мимолетное прикосновение к руке Вероники волновало до жара. Усилием воли подавлял Виктор желание прикоснуться и только смотрел. Она встречала его взгляд сначала удивленно, потом смущаясь, а вчера, когда прощались — отчаянно. Ждала поцелуя. Знал он это все! И не позволял себе.

Хорошо, что сегодня не встречается с ней, можно с силами собраться.

Как же все это вышло так сразу и безвозвратно, но поверить ли себе? Он и с Ритой думал что... Рита, Рита! Все что ли теперь мерять отношением с ней? Виктор стукнул кулаком по столу, кипа бумаг подскочила и рассыпалась листами смет. Какая теперь работа?

Он встал, закурил, подошел к окну, напротив Думской башни жил утренней жизнью Гостинный двор. По галерее Перинной линии прохаживались люди, угол Невского уже стоял в пробке. Обычная жизнь, ничего не произошло еще... И слишком мало времени с тех пор, как они расстались с Ритой, чтобы... Черт! А со стороны посмотреть, так выходит он старый козел, ну или не старый, Виктор усмехнулся, потеревил усы, а может сбрить? Выходит одну бросил, другую закадрил. Конечно нет, не так все, но со стороны именно так! Знала бы Ника о его последнем разговоре с Ритой... Нет, стоп, так нельзя. Не со стороны надо смотреть, а в суть вопроса. А какая к черту суть? Не лекцию по менеджменту он читает, вот она неистребимая привычка к анализу. А здесь, сейчас не перед студентами, перед самим собой должен он все это разъяснить.

Виктор опустил жалюзи, вернулся за стол, выбил трубку в пепельницу и крутил в руках. Что тут разъяснять. Еще день, два и все закончится, не станет он этой девочке жизнь ломать, как ему Рита сломала. Или он сам? Дверь без стука распахнулась, на пороге Ангелом Возмездия возник Штерн. Вяземский был рад, появление Питера положило конец его бесконечной рефлексии.

— Вик! Даже не предупредил, что заедешь, сказал что не будет тебя до начала следующей недели.

— Не будет.

— А это значит призрак Вяземского.

— Вроде того.

— Хорошо, господин Призрак, давай посмотрим отчет, что-то у меня не сошлось.

— Да когда оно сходилось с первого раза. Давай, сегодня я в полном твоём распоряжении. А еще мне надо насчет рабочих, у тебя контакты остались?

— Чьи?

— Бригады той, что мне конюшню и пристройку за три дня собрали. Дом есть один, аварийный, надо бы в порядок привести на первый случай.

— А на второй? — Штерн сел напротив, сцепил руки в замок, уложил их на столе и воззрился на Вяземского, — Вик, что за дом? Валяй, выкладывай. Исторический что ли?

— Да нет, — рассмеялся Виктор, — не напрягайся, обычный деревянный дом. Я там, некоторым образом живу, а крыша течет, прямо над кроватью.

Питер покругил головой, сделал картинный фейспалм.

— А в мотеле не срослось?

— Нет. — Вяземский снова сложил листы стопкой, убрал трубку в ящик стола и взялся за пепельницу, — пойду вытряхну, а ты давай отчет, поглядим.

— Темнишь ты что-то, — буркнул ему вслед Штерн и начал набирать код сейфа, — дом, рабочие, пропал на неделю, мотель не зашел — металлическая дверца открылась со щелчком, — вот и поглядим...

Вяземский очень редко ходил в гости.

То есть он не мог припомнить, когда это было в последний раз. Наверно еще с Ниной.

Конечно, ему случалось заходить к коллегам, но это были рабочие деловые визиты. Официальные встречи и корпоративные вечера тоже не в счет.

Сегодня ему предстояло другое и, безусловно, более приятное. Он был в доме Татьяны всего несколько минут, но этого хватило, чтобы понять, какой это хороший дом. И там он встретится с Никой.

Они не виделись целый день — вчера Вероника с Таней ездили в Старую Ладугу.

Зато сегодня снова пробудут вместе долго, причем не на прогулке, не в музее, а дома. На вечер Виктор взял билеты на балет. Были сомнения — не лучше ли пойти на драматический спектакль, но так хотелось показать Веронике Мариинский театр и «Лебединое озеро»! По счастливой случайности и старым театральным связям с билетами вышло все как нельзя лучше.

Если бы не театр, Виктору не пришлось бы заходить домой. Но вся его одежда для официальных приемов была там. Наталья Андреевна не поняла бы, если бы Виктор начал перетаскивать свой гардероб в деревянную хибару. Ничего, будет у Андреевны новый дом, а там может и Николай объявится, она столько раз говорила, что сердцем чувствует — жив. Верила, молилась о нем. Хорошая она, глядя на свою квартирную хозяйку Виктор вспоминал о матери, тоже ведь не девочка, восьмой десяток пошел. Когда он позвонил ей второй раз за день, она встревожилась, не привыкла. Даже отругала его, что мешает сериал смотреть, потом пересказала содержание пятнадцати предыдущих серий. Виктор слушал, улыбался и думал — раз ругается, значит, все хорошо.

Он предупредил Наталью Андреевну, что вернется поздно, чтобы не пугалась, если разбудит и пошел домой.

Как ни странно, на этот раз дом не вызвал у Виктора никаких ностальгических переживаний. Вяземский поговорил с Игорем, забрал у него бумажную почту, зашел на конюшню к Джо, но долго там не задержался — времени оставалось не так много, а он хотел спокойно привести себя в порядок.

Конечно, являться к Татьяне на обед в костюме для театра — просто смешно, но и в театр по-домашнему не пойдешь, переодеваться в гостях неприлично — они с Татьяной не настолько близко знакомы. Виктор, по обыкновению, придавал большое значение

условностям. Можно было идти в театр в чем угодно, но он оставался консерватором.

Вяземский открыл гардеробную, выбор одежды его не слишком сильно беспокоил. Он не стремился произвести какое-то особое впечатление на Веронику, хотел только выглядеть в соответствии с обстоятельствами и еще, чтобы одежда не тянула за собой никаких воспоминаний о недавнем прошлом.

Последнее оказалось легко исполнимо — в театр он с Ритой не ходил, а потому один из его новых костюмов так и висел невостребованный.

Он был официально черным, вернее не совсем черным — из тускло блестящей шелковистой материи в тонкую темно-серую полосу на черном фоне. Это не соответствовало строгому деловому этикету, но чисто черное, кроме смокинга, Виктор не носил, оно напоминало ему о бюро ритуальных услуг. Кроме того он любил рисунок в полосу. Так... с этим просто, белая рубашка с золотыми запонками, строгий галстук тоже в полосу, но серебристо-серую на темно-сером фоне — вроде все.

Виктор положил вещи на диван и принялся раздеваться. Он собирался принять душ и сбрить усы. Или нет? Или да? Да... Двадцать лет берег и лелеял их, всех приучил к этому облику и вдруг... Желание перемен? Да просто хочется и все тут. Может он позволить себе чего-то захотеть и сделать это?

Стоя под струями теплой воды Виктор чувствовал, как ожидание встречи наполняет его волнением. Еще один день с Никой. Мысленно он называл ее так еще с прогулки по Летнему Саду, но вслух ни разу. Оставлял отстраненное «Вероника».

За то время, что они не виделись, он все отчетливее чувствовал, как сильно привязался к ней и скучает. По ее глазам, улыбке, голосу, смеху, по очаровательной простоте, затаенной нежности и волнению, с которыми она говорила с ним.

Виктор хотел позвонить накануне вечером, но не стал, они с Никой договорились обо всем заранее и предлога звонить не нашлось.

Со дня ее приезда они были и были вместе. Виктор старался не думать, что в понедельник утром, то есть завтра, должен будет проводить Нику на вокзал. Значит это их последний день.

Он нервничал из-за театра. Может, не стоило?

До этого Вероника понимала его с полуслова. Но театр? Примет ли она это, как приняла Павловск? Виктору хотелось верить, но это было бы слишком хорошо, лучше не надеяться, чтобы потом не разочароваться. Он выключил воду, накинул махровый халат, вытер голову и взялся за пену для бритья. Вот Штерн удивится, Вяземский придирчиво посмотрел на себя в зеркало. Да, будет определенно лучше. Он в два счета расправился с усами. А вдруг... запоздалое сомнение все же пришло — вдруг Нике не понравится? Вот же, нашел о чем думать, да она и не заметит. Или заметит? Что он нервничает так по-глупому, встретятся через час — все станет ясно. Пора уже одеваться и ехать. Он вернулся в кабинет. Еще раз критически взглянул на приготовленную одежду. Все-таки являться в деловом костюме на обед к Тане — курам на смех. Может не будет такой уж большой бестактностью переодеться у нее? Виктор еще подумал и убрал костюм и рубашку в дорожный кофр, в отделение для обуви сунул ботинки. Другое дело! Вяземский с удовольствием натянул свои любимые повседневные серые брюки, надел вельветовую рубашку асфальтового цвета и сверху пиджак еще светлее брюк. Так-то лучше.

Не разобранный почту он оставил на столе рядом с ноутбуком. Все дела отложил на завтра. Сегодня надо еще успеть купить цветы и торт.

По дороге, в фирменном магазине «Север» на Невском, он купил большой торт со взбитыми сливками и фруктами, в уже на Васильевском — букет. Но не розы, а орхидеи. Мелкие нежно-голубые звездочки цветов густо усыпали длинные стебли, а изогнутые тычинки торчали из каждого цветка белыми усиками.

Виктору очень хотелось подарить что-нибудь Нике, вернее не что-нибудь, а украшение. Да, именно украшение, которое она могла бы надеть сегодня в театр. Но такой подарок выглядел бы неприличным. Они не настолько знакомы. Черт бы побрал эти условности...

Второй раз Вяземский звонился в эту дверь. Он не успел настроиться, Таня открыла сразу же после звонка. По приветствию и взгляду сразу стало ясно — Виктора здесь ждут. От этого он смутился, почувствовал себя неловко с тортом и цветами, покраснел.

— Добрый день, я не слишком рано? — спросил не из приличия, а потому, что действительно приехал на полчаса раньше назначенного времени.

— Нет, нет! В самый раз, — улыбнулась Татьяна. — Пельмени мы уже слепили. Ничего себе тортик, давайте его сюда и проходите, раздевайтесь.

— Спасибо. Это вам, — Виктор отдал Татьяне и букет и присел на корточки, чтобы расшнуровать обувь.

— Там в шкафике тапки есть, и садитесь, неудобно же так разуваться, — сказала Татьяна, указывая глазами на низкий пуфик у вешалки.

Вяземский с сомнением посмотрел на хрупкую на вид мебель и предпочел остаться в прежнем положении.

В это время в прихожую вышла Вероника. Виктор поднял голову и увидел ее. Девушка была в светлых брюках и той самой кофточке с косами, что и в поезде.

Вяземский смотрел на нее снизу вверх, это было непривычно.

— Здравствуйте, — сказал он, неловко потянул шнурок и намертво затянул узел.

Она заметила и, прежде чем он начал стягивать не расшнурованный ботинок, сказала:

— Давайте помогу, — а потом, не дожидаясь его согласия, присела рядом. Ее пальцы быстро справились с узлом. — Ну вот, теперь здравствуйте, — сказала Ника.

Татьяна вышла с кухни удерживая на вытянутых руках высокую вазу с цветами и потому не сразу увидела Виктора и Веронику под вешалкой.

— Ника, смотри какая прелесть! Орхидеи... — Татьяна оторвала взгляд от цветов и только теперь заметила своего гостя и подругу в таком странном положении.

— А...вы что там делаете? — удивилась Таня, — что-то потеряли?

— Нет, у Виктора шнурок затянулся, — сообщила Вероника, как будто это было в порядке вещей — помогать развязывать ботинки гостям.

— Аааа... ладно, если развязали уже, то пошли в комнату. Нет, ты только посмотри какие цветы!

— Да, прелесть, — согласилась Ника. Она поднялась, быстрее Виктора и совсем не была смущена. «Все-таки странная девушка, — подумал Вяземский, — ни на кого не похожа».

В комнате на столе были разложены пленки, фотографии и желтые пакеты фирменного фотоателье.

— Мы ведь в Старой Ладоге вчера были, поиграли там немножко, но в основном осматривали все, — начала рассказывать Татьяна, — вот и фотки отпечатали с утра, так удобно всего за час и уже готово. На шестой линии сразу за метро можно пленки сдавать. И

проявят, и напечатают. Тут у нас и с игры есть. Садитесь смотрите, а я сейчас, там вода уже кипит вовсю, я пельмени брошу и к вам приду. Будем на стол накрывать, мы не успели еще.

— Говорю же, что я виноват, явился раньше времени, — сказал Виктор, — давайте помогу чемнибудь?

— Нет, вам нельзя, вы гость — запротестовала Таня, — ничего вы не виноваты — это мы завозились. В общем, давайте освобождайте стол, карточки на тумбочку кладите или на диван с краю, все равно смотреть будем.

— Да мы их на диван, а это не надо, — Ника начала складывать пленки в пакеты.

— Где скатерть, посуда — ты заешь, — продолжала Татьяна, — доставай.

— Хорошо, не беспокойся сейчас все сделаем.

— Я скучал, — сказал Виктор, когда Таня вышла.

— Я тоже, — опустила глаза Вероника.

— Понравилась Ладога?

— Да очень!

— Расскажите?

— Конечно, только скатерть достану и тарелки.

Расстелив скатерть и разложив столовые приборы, Ника присела на диван рядом с Виктором и перебирая фото, начала рассказывать:

— Ладога... знаете, я ведь даже не думала, что попаду туда в эту поездку, совсем не учла, что Ладога так близко от Питера, поэтому и не планировала посмотреть ее. Это была потрясающая неожиданность!

Виктор смотрел не столько на фото, сколько на руки Вероники. У нее были красивые пальцы, аккуратно обработанные и покрытые жемчужным лаком ногти. Виктор никогда не видел такого необычного маникюра — белая полоска подсвечивала ноготь снизу. От этого пальцы казались еще нежнее. А кисть была изящной, не тонкой но и не широкой. Руки не выглядели слабыми, движения скорее можно было назвать энергичными, но не торопливыми и не грубыми.

— Вот так я увидела крепость в первый раз, — продолжала она и передала Виктору снимок красно-кирпичной стены, за которой виднелся верх крепостного здания. Массивные приземистые очертания, очень напоминавшие романский стиль. Но с чисто русским колоритом окон, арок и маковки. Самый верх здания был в лесах. — Один из моих друзей — Олег, которого Вы видели на Игре, как раз и подал нам с Таней идею съездить туда, — говорила Ника. — Сам он поехать не смог из-за работы, но мы и вдвоем чудесно провели день! Вот тут мы с Таней.

— Жаль, что я не видал самой игры, — но, я помню того эльфа, который пел «Зеленые рукава», приятный голос. А вот это хороший снимок, много солнца. К стыду своему должен признаться, что не был в Старой Ладоге.

— Обязательно посмотрите! Я наверно говорила Вам, что трепетно отношусь к древней истории Руси, к славянам и скандинавам. А Ладога — самое важное место, которое может показать связь этих народов.

— Нет подробно еще не говорили, — улыбнулся Виктор, — но я надеюсь, что расскажете мне об этой связи.

— Это настоящий восторг... Староладожская крепость — удивительное место! Когдаходишь за ее стены и смотришь на Волхов, кажется, что сейчас вдали из тумана покажется парус ладьи... И ветер! Сильный, треплет волосы, рукава... И доносит пение... — Ника

смущенно улыбнулась в ответ и вопросительно взглянула на Виктора. — Я странно говорю? Я просто часто мыслю образами, а учитывая, что я заядлый игрок! — Она засмеялась, потом продолжила, — там чудесный воздух. Правда, мне кажется, что он наполнен запахом теплых камней, из которых сложены крепостные стены. Вчера было солнечно и тепло... но когда мы вошли в Воротную башню, вот она тут видите какой вход, там, внутри стен было прохладно, а потом опять солнце. И все камни, камни, трудно пробираться между ними, а как приятно пахнет известью. Невольно думаешь о тех, кто строил все это, ведь давно! А кажется что эти люди где то еще рядом, что они остались там.

— Совсем не странно, это особый дар — мыслить образами, — сказал Виктор, — даже если бы не было фото, я бы все именно так и представил с ваших слов.

— А церковь Святого Георгия, которая на территории Крепости. Чудо! Там восхитительные фрески!

— Да, действительно, сколько света, светлый камень, я очень люблю такой. Чем-то она мне напоминает Покрова на Нерли, те же очертания и белизна стен, и купол, и вот эти обводы. — Виктор взял следующую фотографию, на ней Вероника стояла у зубцов стены, высоко, за ней открывался ландшафт. Ветер взметнул волосы девушки, и Ника отводила их с лица и смеялась. — А вот на этой вы и ветер, как хорошо получилось, — Вяземский хотел попросить фотографию, но не стал. Постеснялся, да и примета плохая — к разлуке.

— А вот еще стены Крепости, — продолжала Ника, — ниши, подземные ходы. Хочется прикоснуться к ним, почувствовать, задавать вопросы, вбирать в память. Таня с трудом увела меня оттуда, — теперь Ника улыбалась Виктору. Она подумала о том, что поездка была бы просто волшебной, если бы вместе с ним. Тогда не понадобились бы и слова, в которых, как ей казалось, она слишком слаба, чтобы передать чувства. Вот он может! Совсем уж безумным, мимолетным желанием Ники было спеть ему там, на берегу. Но она не призналась, сказала только, — Мне бы хотелось побывать там с вами, — и, не дождавшись ответа, продолжила, — а потом мы проехали до Олегова кургана... Не достоверно, но есть предположение, что курган именно его. Знаете, он один из моих любимых князей! И то, что он может покоиться там... — Нике показалось, что Виктор видит ее лишь восторженным ребенком и, не договорив про впечатления от кургана князя, она сменила тему, пытаясь объяснить свои эмоции, — в Сибири невозможно прикоснуться к истории Древней Руси, Европы. Наверное, поэтому люди увлеченные воспринимают возможность увидеть места, подобные Ладоге, как подарок Судьбы. Пожалуй, я отношусь к ним.

Ника замолчала. Она рассказывала и вполонину не так хорошо, как это делал Виктор, но ей показалось, что он понял. Очень хотелось верить в это...

Виктор понял гораздо лучше, чем она могла представить. Он и сам не раз пытался проникнуть за завесу времени. Правда интересом его были не славяне, а европейцы, но суть от этого не менялась. Вот так же прикасался он в Нормандии к стенам замка Шато Гайяр, и точно так же пытался через них ощутить прошлое.

— Мне бы тоже хотелось побывать там с вами, — сказал Виктор, возвращаясь к тому, что она попыталась скорее миновать в разговоре, — может быть в следующий раз.

— Если он будет, — вздохнула Вероника. — Когда мы уходили из церкви, то мой восторг от увиденного смешивался с печалью, что это не повторится. Мне кажется, я никогда больше не смогу приехать сюда.

— Почему?

— Не знаю, просто так кажется и все. Некоторые мысли трудно объяснить.

— Да, вы правы, — сказал Виктор глядя на ее губы. По ним сразу можно было определить, что Вероника расстроена. — И все-таки я думаю, нет, уверен, вы вернетесь сюда.

Он хотел взять ее за руку, но тут из кухни вернулась Таня. Окинула хозяйским взглядом стол.

— Ну как вы тут? Уже все приготовили! Ну и у меня все почти готово. Будем обедать?

— Да, Танечка, давай я помогу принести все, — Ника встала и отдала оставшиеся в руках фото Виктору, — мне бы так хотелось, — сказала она ему, завершая их разговор.

После обеда Виктора потянуло курить. Татьяна сразу поняла это и сказала:

— Можно курить на кухне, у меня тут часто ребята дымят, я привыкла.

— Спасибо, как вы догадались? Неужели так заметно.

— Есть немного, курильщики себя выдают. Никуля, ты с нами пойдешь или как?

— Пойду, что же делать?

На кухне Виктор встал у окна и открыл форточку пошире, потом набил трубку. Ника смотрела, как он это делает. Потом рассмеялась.

— Что? — Виктор перехватил ее взгляд. — Что-то не так?

— Нет все так, я вот подумала что раньше читала про пиратов, и там они все курят трубки, а как их набивают никогда не видала и даже представить себе не могла. Все мои знакомые курят сигареты.

— Даже и сравнить нельзя! Если бы вы попробовали то...

— Нет уж, даже и не предлагайте.

Виктор тоже засмеялся.

— Представить вас на капитанском мостике с трубкой в зубах довольно трудно.

— А без трубки? — Ника уперла кулачок в бедро и сдвинула брови.

Виктор зажег спичку, закурил, выдохнул дым повыше, чтобы тот вышел в форточку, и еще раз окинул девушку оценивающим взглядом.

— Без трубки пожалуй... но обязательно в пиратском костюме.

Теперь смеялась уже и Татьяна.

— Костюмчик мы обеспечим, — она сложила посуду в раковину, но мыть не стала. — Займусь этим когда вас провожу. Чай будем пить?

— Некогда, — посмотрел на часы Виктор, — время как быстро прошло, уже начало седьмого. А пельмени были отменные, я таких никогда не пробовал.

— Вы, Виктор, в гости к Никуле проситесь, там вас еще и омулем накормят и всякими вкусными вещами.

— Как-нибудь попрошусь, — сказал Вяземский. — А ...пепельница есть у вас?

— Да, конечно, или вот сюда выбивайте, — она подала Виктору глиняную миску.

— Нам пора, ехать тут всего минут десять-пятнадцать до Театральной площади, но как бы на мосту не застрять.

— Конечно, собирайтесь! А вечером мне все про театр расскажете, — отвечала Татьяна. — Вы обязательно заходите еще, после спектакля, торт вместе будем есть.

— Спасибо, зайду.

— Да, теперь-то я знаю, что такое настоящая пробка, — сказала Вероника. — Я тогда пойду переоденусь.

Виктор совсем забыл, что и он собирался сделать это. Теперь надо было спросить разрешения у хозяйки.

— Татьяна, я ведь тоже взял с собой костюм для вечера. Он у меня в машине...

— Конечно идите за ним, — кивнула Таня, — а мы начнем делать из Золушки Принцессу. Гостинная в вашем распоряжении Виктор — мы с Никулей в спальне будем колдовать.

— Хорошо, спасибо.

— А дверь входную не прикрывайте.

— Я быстро. Вниз и обратно — машина у меня близко стоит за аркой.

Виктор вернулся с кофром, Вероники и Татьяны уже не было в комнате.

Он успел переодеться и еще раз пересмотреть фотографии, когда дверь в спальню открылась, и Ника вышла.

Она была в коротком облегающем фигуру черном платье с длинными рукавами и глубоким вырезом, черных туфлях-лодочках на среднем каблуке и с маленькой театральной бисерной сумочкой в руках. Волосы распущены по плечам, а надо лбом заплетены наподобие диадемы. В ушах длинные золотые сережки, а на правом запястье браслет — тонкая витая цепочка с маленькой подвеской. Больше никаких украшений. Но ее прекрасные волосы, оттененные черным бархатом платья, сияли мягким блеском тициановского золота.

Виктор только молча смотрел, но по его взгляду Ника поняла — восхищен. Чуть заметно улыбнулась без смущения, как будто это платье, которое она надевала всего один единственный раз на торжественное вручение золотых медалей по окончании школы, сделало ее смелее. Она еще сомневалась, стоит ли брать такой наряд с собой и вот, сейчас стояла перед Виктором и понимала, что именно в этом платье должен был он ее увидеть.

— Как это вы угадали, не сговариваясь, — сказала Татьяна, выходя вслед за Вероникой, — хоть в кино вас снимай.

— Поедем? — спросил Виктор, — а то уже времени много.

— Да, конечно, — ответила Ника, продолжая смотреть на него, — а вам гораздо лучше без усов, мне нравится!

— Значит зря сомневался, — признался Виктор, чувствуя, что краснеет и первый опустил глаза.

Театр

В театр они успели к самому началу спектакля. Виктору удалось найти место для парковки так, чтобы не переходить площадь. Он знал, что со стороны балетной пристройки можно скорее припарковаться чем с Лермонтовского проспекта, где около двенадцатого подъезда театра и директорского входа всегда больше машин.

— Все потом, — на ходу говорил Виктор, увлекая Нику навверх по лестнице к гардеробу бельэтажа. Она только молча улыбалась и смотрела по сторонам.

Само здание театра, просторный холл с билетными кассами, мраморная лестница, белая лепнина, золото — все это поражало и восхищало. Ника так ждала вечера! Как на иголках была все время с той минуты, как Виктор сказал про балет, а теперь поверить не могла. Да и все эти дни в Петербурге... Разве знала она, что едет, не к друзьям, не на игру, а на встречу с мужчиной, который изменит ее жизнь? Незнакомое, горячее чувство обрушилось на Веронику внезапно, сметая все доводы разума. Восторг смешивался со страхом, но сомнений не было — это любовь. Яркая, нежданная, с первого взгляда. Про такую в книгах пишут. А вот чего хочет от их отношений Виктор Ника не знала. Взрослый, уверенный в себе, успешный. Зачем она ему? Дружить? Общаться? Но он мог бы найти себе... Взрослый, успешный — и снова мысли по кругу. Вероника отбросила их. Не сейчас!

Целый вечер они будут вместе, близко...

Виктор, наверно, не догадывается, ведь она не подает вида. Он не знает и не узнает, но все равно, как хорошо быть с ним. Слышать его голос.

Голос Виктора волновал ее и по телефону, и сейчас.

— Скорее, Вероника, скорее, опоздаем...

Виктор тянул ее за собой, а Нике хотелось остановиться, посмотреть макет зала, парадную лестницу.

— Да...да... я уже, — говорила она и покорялась тому, что он раздевает ее, как маленькую девочку. Не успела она и глазом моргнуть, как была уже без куртки. Виктор отдал Нике билеты и сумочку, отошел к вешалкам.

Вероника все-таки хотела посмотреть лестницу и, не теряя Виктора из вида, вышла из арки бельэтажа на широкий пролет между первым и вторым этажом. Каменный пол был выложен плиткой — небольшими светло серыми и черными квадратами. Прямо — новый марш лестницы с ковром, направо — дверь в огромное фойе. Там деревянный лакированный пол блестел, как зеркало, а по краю на небольшом расстоянии от стен, была положена красная ковровая дорожка. Стояли застекленные стенды с фотографиями, театральными костюмами — какая то экспозиция, а конце фойе — большой концертный рояль.

Люстры и позолота на потолке и стенах, богатый барочный декор слепили глаза и подавляли. Вероника не сразу заметила около двери в фойе большое зеркало. Вернее, заметила себя в нем и сначала не узнала. Кто эта девушка? Не прежняя Ника. Вот, она стоит

перед невидимой чертой и боится сделать последний шаг. Или первый?

Пожилая женщина в синем костюме вышла из фойе, потянулась за билетами.

— Какие у вас места, девушка?

— Не знаю, — ответила Ника.

Она и правда не знала, и вдруг почувствовала себя потерявшейся среди зеркал и позолоты в огромном театре, испугалась еще больше.

Но Виктор уже был здесь. Она увидела его рядом с собой, в том же зеркале, и улыбнулась.

— Куда же вы исчезли, Вероника? Здравствуйте Мария Ивановна, сто лет не виделись, — поздоровался Виктор с женщиной-билетером.

— Витя! — обрадовалась та. — Да, теперь редко ходишь, а бывало с галерки не слезал. Как мама?

— Все хорошо, спасибо.

— А это кто же, Наташа твоя так выросла?

Виктор не знал как Вероника отреагирует, но она не обратила внимания, а если и обратила, то не подала вида.

— Нет, — ответил он, но Веронику никак не представил, — третий звонок уже был?

— Не было еще, что-то задерживаются с началом. Сегодня Лопаткина по замене танцует, может поэтому.

— Ульяна танцует? Вот повезло нам, она лучшая Одетта, — обрадовался Виктор. — А мы к вам в ложу.

Виктор взял у Ники билеты и показал их Марии Ивановне.

— Вижу, вижу...ну идите, садитесь, дорогу ты знаешь, а программку я потом занесу, кончились.

— Спасибо. Идемте, Вероника, — обратился Виктор к отражению Ники, — нам туда, — он указал глазами на дверь в фойе.

— А я думала...что там, где вход в зал.

— Здесь тоже есть.

По правой стороне фойе они дошли до середины, Ника заметила двухстворчатую дверь, украшенную таким же богатым узором.

— Туда, — Вяземский взял Веронику за руку и провел внутрь небольшого проходного помещения, похожего на будуар: две занавеси закрывали выход из него. Виктор пропустил Нику вперед. — А теперь закройте глаза на минутку и идите, куда я буду показывать.

Она послушалась и почувствовала на плечах его руки, он мягко подталкивал ее вперед. Это было похоже на сюрприз в день рождения. Она понимала, что увидит, нечто чудесное, как и все что до этого Виктор показывал ей. Но даже не представляла себе настолько!

— Можете открыть глаза, — тихо сказал он ей на ухо, но все еще удерживая за плечи.

Ника медлила, продлевая состояние неизвестности и ожидания, она не видела, но уже слышала театр. Нестройный гул, в который были вплетены звуки и инструментов, обрывки мелодий, это неповторимое звучание оркестра перед началом спектакля.

Вероника глубоко вдохнула и открыла глаза. Она стояла в центре мира. Прямо перед ней переливался золотом и серебром огромный занавес. Внизу жил партер, заполненный публикой, словно обнимая зал, один над другим тянулись к сцене ярусы. Средний справа и слева заканчивался у сцены красивой ложей с бархатным ламбрекеном и шторами, украшенными золотой бахромой и кистями, арка ложи с лепным фигурным навершием в

виде створки золотой раковины покоилась на двух колоннах.

Каждая ложа ярусов и бельэтажа была отделена от другой светильником в виде подсвечника с хрустальными подвесками. Ярусы поднимались все выше и взгляд по ним скользил к потолку, где в центре живописного плафона сияла огромная хрустальная люстра. Вокруг нее, взявшись за руки в хороводе танцевали нимфы и амурсы. Их легкие одежды парили в прозрачном воздухе, потолок уходил наверх бесконечным пространством летнего неба.

Занавес был обрамлен чудесным архитектурным порталом, его поддерживали две кариатиды. Головки ангелов, завитки и листья — все тот же помпезный стиль барокко, но здесь, в театре именно он казался самым естественным. Ведь этот мир не мог быть обыкновенным. Ника стояла затаив дыхание.

Вдруг что-то произошло — сначала среди разных голосов оркестра зазвучал один, он тянул звук настойчиво и протяжно, и вот все инструменты, каждый на свой лад стали повторять его. Постепенно голоса оркестра пришли к единому и зрительный зал, все люди, которые были в театре, так же подчинились этому звуку. Он отделил все, что было за стенами театра, за хрусталем, бархатом и позолотой зала, как будто замкнул входы и выходы и сделал всех своими добровольными пленниками.

Быстро прошел через оркестр и поднялся к пульту дирижер.

— Садитесь, — шепотом сказал Виктор, — сейчас снимут свет.

Он усадил Нику в первом ряду императорской ложи и занял свое место.

Свет погас медленно, золото лож потускнело и лишь слегка поблескивало, зато нереальной красотой засиял занавес — с подборами и кистями, шитый золотом и серебром голубой подол бального платья императрицы Марии Федоровны.

И без того огромный зал расширился до бесконечности, но как будто только Ника и Виктор остались в нем. Томная и печальная полилась знакомая и оттого еще более трогательная мелодия. Сначала столь любимый Чайковским английский рожок, потом фагот, потом скрипки, как будто несмелый вопрос прозвучал — есть ли место надежде... а ответа так и не последовало.

Но это очарование длилось лишь до открытия занавеса — полумрак ожидания сменил яркий свет ramпы, и зрителей захватило великолепное действие на фоне живописных декораций.

Сцена представляла собой уголок парка, на заднике виден был замок на холме, кулисы превращены в деревья. Среди этого романтического пейзажа и разворачивались события.

— Я не успела прочесть программку, — шепнула Ника

Виктор наклонился к ее уху и так же шепотом начал рассказывать.

— Праздник по поводу совершеннолетия принца Зигфрида, сейчас он и сам появится. А пока придворных развлекает шут. Первое действие традиционный показ танцев кордебалета. Преобладает вальс, как вы слышите.

— Красиво! И костюмы!

— Да, это очень хорошая постановка, а вот и Зигфрид, сейчас выйдет королева-мать, немного пантомимы или, как это еще называют, драматического балета, они будут общаться жестами. Причем это джентльменский набор, как в языке немых, я вам потом покажу, очень забавно. Вот, сейчас принц говорит: «Матушка, как вы сегодня хорошо выглядите», а она ему: «я тебе приготовила подарок» ну и дальше... все очень понятно.

Виктор говорил, почти касаясь губами ее уха, он ощущал тепло юного тела и легкий

запах ромашки, который исходил от распущенных волос Ники. Он прикрыл глаза, но продолжал:

— Королева приказывает принести подарок для сына. Арбалет. Теперь самое время ему отправиться на охоту, что он и сделает после нескольких танцев.

Сейчас классическое трио, потом вальс. Но это все еще не настоящее чудо, только помпезное вступление — дань моде и традиции того времени, когда создавался балет Чайковского и Петипа. Настоящий белый балет начнется во второй картине, после перемены декорации. Та мелодия в начале — вот это действительно чудо. Нигде больше нет такого, как в Лебедином озере. Как будто два разных мира, да по легенде так и есть. Яркий и праздничный придворный бал и в первом действии и тем более в третьем похож на другие балеты. Но танцы лебедей, то что происходит в сказке как бы «вложенной» в другую сказку. И словами это не описать.

Виктор подавил вздох и отодвинулся от Ники. Желание коснуться губами ее щеки было слишком опасным.

Он оказался прав, яркость и блеск первого действия поразили Веронику, но не слишком тронули. И она вспоминала о той мелодии, что прозвучала в самом начале — вот чего Ника ждала и хотела услышать снова.

В антракте они с Виктором осталась в ложе. Отрешенный взгляд Вероники рассеянно скользил по залу. По ярусам, голубому бархату лож и партера, плафону на потолке.

— Может быть, хотите погулять, посмотреть фойе? — осторожно, чтобы не сбить ее настроения спросил Виктор.

— Нет, сейчас не хочется. Давайте посидим тут, посмотрим еще зал.

Он только кивнул и отодвинулся, облокотившись на спинку стула.

Вяземский тоже смотрел на зал. И удивлялся, как мог жить без этого? Ведь каких-нибудь двадцать лет назад театр составлял смысл его существования. А что теперь? Все тот же ли он, все так же открыто ему волшебство, которое совершается на сцене? И снова подумалось — без Ники побоялся бы проверять, она словно за руку его держит и связывает с утерянным миром юности. Кто же она ему? Кем станет? Чего он хочет от их близости? Духовного... телесного...

— Расскажите мне про Одетту. Не так как в программке, а как вы умеете, — попросила Ника, и это напомнило Виктору о том, как дети просят рассказать сказку.

— Это старинная немецкая легенда, сентиментальная и печальная как большинство немецких легенд, — начал он, оглядывая пустой партер и ярусы, и параллельно думая о своем.

Виктор совсем иначе воспринимал этот зал. Как будто другая картина накладывалась сейчас на эту. В детстве он часто видел партер во время репетиций. Без полного вечернего освещения, а только дежурный свет у режиссерского пульта в двенадцатом ряду. Нарядная публика не заполняла зал, небольшими группами сидели в нем не занятые на сцене актеры, иногда хор, если репетировали оперу. Артисты кордебалета всегда оставались за сценой — в зрительном зале вечно гуляли сквозняки, а балетные боялись их. На генеральных репетициях кое-кто был в театральных костюмах, другие в цивильном платье, оркестр не смотрелся торжественно, а совсем буднично, и дирижер стоял за пультом не во фраке, а в простом костюме, а то и в одной рубашке и вязанном жилете, вытирал лоб платком, сердился, останавливал действие, делал замечания. Виктору нравился полумрак и таинственность зала. Можно было пройти между рядами в самый конец. Там стулья оставались покрыты одним

огромным светло-серым полотняным чехлом. На время репетиций его отворачивали, но большая часть рядов скрывалась под ним. Чем-то это напоминало парусник...

А потолок в темноте казался выше, гораздо выше. Зал раздвигался. Черные кулисы и портал вырастали, становились заметными без декораций. Портал... в другой мир. Но на репетиции через оркестровую яму из зрительного зала на сцену перекидывали железный мост и по нему можно было сразу пройти внутрь театра, туда, где никогда не бывает публика. В особый мир кулис, в его обыденность и повседневность. Именно он, этот мир, а в нем люди, чьим трудом за многие часы, дни, месяцы упорной работы создается чудо, которое живет на сцене иногда не более минуты, растил и воспитывал душу Виктора, открывал ей тайны, делился всем из чего состоял. Театр — это одна большая семья. И пусть Виктор бывал обделен вниманием матери, зато его нянчили и любили другие женщины. Брала на руки и ласкали, одевали, кормили, лечили царапины и синяки, проверяли школьные тетради, вязали ему свитера, завязывали шнурки, застегивали пуговицы. Когда Виктор подрос, к воспитанию подключились и мужчины. Вероятно, он много раньше узнал то, что следует знать мальчику о взрослой жизни. Вернее, отделенный от сверстников постоянными многочасовыми занятиями музыкой, он только и знал, что рояль, да эту взрослую жизнь театра. Со всеми его дразгами, интригами, сплетнями и борьбой за выживание. Но также знал и любил нарисованный и каждый вечер пробуждающийся мир фантазии. Мир, в котором картонные лебеди становились живыми птицами, блики света — озером, а елочные лампочки на заднике — звездами в ночном небе. И знакомые ему люди превращались в добрых и злых волшебников, королей, королев, принцев, принцесс, героев легенд. Чудо совершалось, длилось, заканчивалось, когда опускался занавес и гасла рампа, но оставалось у Виктора, жило в нем.

Прошло много лет с тех пор, как он перестал слышать этот мир. Многие короли и королевы сказочного государства ушли на пенсию, а может быть и совсем ушли, их пьедесталы заняли другие. Они не помнили, не знали Виктора. Но театр знал его. И сейчас встретил так, будто не было этих лет разлуки, и прежний восторженный мальчик смотрел с высоты царской ложи сквозь портал в другое измерение...

— Говорят, что когда Петр Ильич Чайковский писал музыку второго акта, то в водах Невы привиделась ему Одетта. Так и родилось это чудо, — рассказывал Вяземский. — Чайковским написано множество музыки, как композитор он, безусловно, узнаваем, и все же Лебединое, особенно сцены у озера, не сравнить ни с чем. Ни с другими его балетами, ни с операми, ни с симфониями, ни с чем! По простоте и близости музыки к человеческой сущности, по совершенству соединения театрального представления и движения души, передаваемого музыкой и жестом, Лебединое Озеро стоит много выше. Это, конечно, мое личное восприятие. К тому же, сколько бы я не говорил, слова мои ничто в сравнении с тем, что ощущаешь, когда становишься частью этого. Не просто смотришь, но сопереживаешь и живешь. Это настоящее. От него даже становится больно вот здесь, — Виктор коснулся груди. Ника медленно наклонила голову в знак того, что поняла и взглядом просила продолжать. И он продолжал, глядя ей в глаза, выражая совсем другое, сокровенное, не то, что значили слова. Надеялся, что сердце ее услышит и поймет.

— Спящая красавица, например, уже совсем другая сказка и другая музыка. Там преддверие чуда, долгий сон принцессы Авроры, ожидание любви, загадка, раскрытие сердца для неизведанного, а в Лебедином озере больше печали. Я бы даже сказал безысходности, безответного чувства. Одетта... она, ведь знает, что Зигфрид не сдержит

слово, что его любовь приведет их обоих к гибели и все же верит ему. Бездна надежды веры — вот, что такое эта мелодия. Когда знаешь, что ничего не будет, а надеешься...

— А если будет? — одними губами спросила Ника.

Горячий взгляд Виктора завораживал ее, и, стыдно было признаться, не только сердце, но и тело отвечало ему трепетной истомой. Ни один из сверстников, или мужчин, которых она знала, не вызывал в ней подобных чувств.

— Чайковский не дал никакой надежды, разве, что на чудо. Но в театре все чудеса, как у Гудвина в истории про Волшебника изумрудного города.

Нику отпустило, она засмеялась.

— Моя любимая сказка! Боже, я так мечтала о дороге из желтого кирпича, чтобы пойти по ней к чудесам... Гудвин Великий и Ужасный! Шелковое сердце Дровосека, напиток доблести для Льва, а мозги Страшилы... я забыла, из чего они были?

— Кажется из отрубей и иголок, для остроты мысли. Бедный Страшила.

— А вы не правы, Виктор! Страшила и так был умным, Дровосек милосердным, а Лев храбрым, только они не верили себе. Гудвин дал им веру и это настоящее, и картонные лебеди тоже могут, и нарисованные деревья, я поняла... это от меня зависит. А музыка, откуда вы знаете, что думал Чайковский? Может у Одетты была своя надежда...

— Может быть. Вы удивительная, Вероника, благодаря вам и я кое-что понял.

— Что?

— Расскажу как-нибудь, я должен еще подумать над этим. А сейчас все-таки надо немного и о сюжете. В финале картины, вы увидите, Одетта скажет Зигфриду: «не клянись, просто пообещай вернуться». В более привычном для нас варианте балета все заканчивается хорошо, говорят, Иосиф Виссарионович Сталин так решил, любил хорошие финалы в спектаклях, но в ранних версиях постановки по замыслу Чайковского главные герои погибали в борьбе со злым волшебником Ротбартом. Все и началось с того, что Ротбарт заколдовал принцессу Одетту и ее подруг, он превратил их в птиц. Весь день до захода солнца девушки остаются лебедями и лишь с наступлением ночи ненадолго принимают свой прежний человеческий облик. Единственное утешение для бедных пленниц — танцы на берегу озера. Лишь только взойдет луна, они начинают водить хоровод. Совсем, как наши славянские русалки. Только верная любовь может снять заклятие и вернуть Одетте свободу.

Пролет птиц на озеро видит Принц в разгар веселого праздника в саду замка. Зигфрид следует велению сердца и устремляется вслед за стаей. На этом, как вы помните и закончилась предыдущая картина. А теперь мы перенесемся на берег волшебного озера. Сюда прилетают Одетта и ее подруги. Но и здесь властвует Ротбарт. Он сопровождает их в облике Филина. Если Принц выстрелит в Одетту — это будет завершением плана Ротбарта, принцесса навсегда останется в его власти. Но нет! Зигфрид избирает добычу, прицеливается и... в изумлении опускает арбалет — вместо птицы навстречу ему выходит прекрасная девушка в белом платье и уборе из лебединых перьев. Она напугана и, словно крыльями, закрывается от принца нежными руками, принц отводит ее руки, глаза Зигфрида и Одетты встречаются и вот, то самое адажио, где скрипка и виолончель поют нам о преображении. Любовь дает Одетте силу противостоять злу. Здесь снова появится и Ротбарт, но пока Принц не нарушит клятву, данную Одетте, злые чары волшебника не могут помешать, они разбиваются о невидимую преграду. Однако, близко восход и Одетта с подругами должна возвращаться в заколдованный замок своего мучителя. Зигфрид прощается с возлюбленной, обещает ей верность. Это все.

— А потом? — Ника не хотела, чтобы он замолчал!

— Потом занавес закрывается и снова антракт. Невозможно до конца объяснить феномен музыкального театра с его переменами действия, невероятным переходом из одного мира в другой. Я очень хорошо понимаю вас, то что вы говорили о Ладого, старой крепости и славянских ладьях. И там есть свой портал.

— Да!

— Именно поэтому, я если и слушаю дома любимые записи музыки, то стараюсь найти те, что со спектакля, а не вычищенные, лишённые звуков сцены. Разве можно представить себе балет, без легкого прикосновения пуантов к сцене, этот звук соединится с музыкой, он неотделим от нее. Он дает мне возможность увидеть движение балерины, даже если я не в театре. Например вот адажио Одетты и Зигфрида из второго акта. Стоит закрыть глаза и представить сцену с задником, неподвижные композиции линий кордебалета. Балет Петипа всегда геометричен, а геометрия прекрасна, без нее не существует гармонии. В совершенном, идеально ограниченном пространстве, рождается танец. Каждое движение, взгляд, поворот — слово, не сказанное, но пропетое телом, непрерывное, как будто оно возносится к Богу! И многократно отточенные в балетном классе у палки аттитюды и пор де бра становятся живой поэмой. Не представляю балет без дуновения тюля и шороха пачек при движении линий кордебалета.

Виктор замолчал, задумался. Сейчас он был не с ней...

Ника смотрела не пряча взгляд, не смущаясь, пыталась запомнить его лицо. В глазах Виктора она видела гораздо больше, чем он рассказал ей, и хотела оставить это себе. Сохранить. Она не могла знать о чем он думал, что вспоминал, могла только быть рядом. Случай свел их. Этот вечер для двоих казался Веронике невероятным, но театр позволил всему совершиться. То, о чем говорил Виктор, происходило не только на сцене. Надо было лишь поверить.

И снова погас свет, поднялся занавес и реальный мир исчез.

Эта история, которую сейчас рассказывала им музыка — мечта Одетты довериться Зигфриду, ее настороженность, нежность, пробуждающаяся любовь, надежда — все это было в адажио, об этом говорил только что Виктор, об этом же пела скрипка, ее голос повторяли движения балерины. Теперь Ника понимала каждый взгляд и жест и все величие перевоплощения.

Чувство радости, легкости наполнило ее, возросло в сердце. К глазам подступили слезы. Не отрывая глаз от сцены, Ника слегка откинулась назад, прислонилась к спинке стула, она чувствовала близость Виктора за спиной, но этого было мало. Он подумал, что она что-то хочет спросить и наклонился к ней ближе, тогда Вероника положила руку на рукав Виктора, ощутила под пальцами прохладную шелковистость ткани и это воспоминание так же забрала себе. Она бы хотела коснуться его руки, но не посмела..

Виктору тоже хотелось накрыть ее руку своей, но и он не посмел, только посмотрел на Нику, она не обернулась к нему, но Виктор заметил, что щека ее была мокрой.

Вероника плакала от полноты чувств, печали, просветления, боли в сердце, о которой говорил Вяземский. А еще от любви к мужчине. Перед ней продолжал раскрываться удивительный мир, почему же она не знала его раньше?

Виктор вложил в руку девушки платок, Ника промокнула глаза.

Вяземский счастливо улыбнулся и стал смотреть на сцену, он давно потерял надежду, забыл о существовании этого мира, а сейчас так легко входил в него вместе с Никой. Ее

слезы словно омыли душу и все, что Виктор сохранял глубоко внутри себя ожило, освободилось. Здесь, в стенах театра, он смог поверить в чудо.

* * *

Во втором антракте Виктор все-таки уговорил Веронику пойти посмотреть театр.

Сначала они прогуливались по синей дорожке по тому самому фойе с зеркальными дверями, куда выходила и дверь императорской ложи.

— Большое Белое фойе — место для прогулок великосветской публики. Обычно здесь выставляют фото со спектаклей, премьер. Иногда тут проходят концерты, но это скорее внутренние мероприятия и публика собирается своя — театральная. Тогда тут стулья ставят, а еще вон оттуда можно слушать, — и Виктор показал наверх, Ника посмотрела и заметила небольшие арки почти под потолком. — Это первый ярус, оттуда сверху можно видеть фойе. Мы потом поднимемся на ярус и посмотрим зал сверху.

— И здесь какой чудесный плафон, — Вероника разглядывала потолок, — и лепнина, и опять наш антаблемент, — засмеялась она.

Первое потрясение от увиденного прошло и теперь в ней была такая легкость. Хотелось пробежать раскинув руки по этому светлому просторному залу. Или танцевать с Виктором. Она все время чувствовала на себе его взгляд, но теперь не смущалась. Горячая волна захлестывала, поднималась к сердцу. И голова кружилась от счастья.

— Конечно, и здесь антаблемент, — кивнул Вяземский, — куда же без него.

Веронике стало еще забавнее, что он так серьезен. Они прошли уже два круга, Виктор говорил про театр, Ника потеряла мысль, слышала только голос и чувствовала руку — ее ладонь лежала на его рукаве, и девушка опять ощутила под пальцами знакомый уже шелк костюма.

Она редко ходила с мужчинами под руку, как Виктор ее не водил никто. Он касался ее все чаще. Нике казалось, что это его желание, а не случайность. От каждого самого легкого прикосновения у нее слабели колени и билось сердце. Но она изо всех сил пыталась не показать этого и держаться спокойно.

— Теперь идемте посмотрим и лестницу, она действительно очень красива. Вообще Мариинский театр — синий с золотом, он совсем другой чем Большой в Москве. В свое время этот театр строили, как первый театр Империи, хотя в самом начале он был просто каруселью.

— Что?

— Да, обыкновенной каруселью, и площадь называлась Карусельная, тут стоял балаган, ведь этот район был окраиной Петербурга.

— Трудно поверить.

— Тем не менее — это так.

Они сошли с дорожки и оказались снова на том же марше лестницы, где Ника потерялась. Она улыбнулась этой мысли, невозможно потеряться от Виктора. Он рядом, близко...

— Идем наверх, посмотрим зал, а потом, если хотите буфет, — предложил он.

— Нет, спасибо, только не буфет.

— А мороженое?

— У нас дома торт...

Ника посмотрела на него, и Виктор понял молчаливый вопрос, она хотела знать уйдет ли он сразу после того, как проведит ее домой, или останется на чай. Это было написано на взволнованном лице девушки. Виктор не ответил, он и сам не знал! Повел ее вверх по лестнице.

С высоты первого яруса зал смотрелся еще торжественней. Сейчас, когда публика разошлась, то и партер смотрелся не пестрой клумбой вечерних туалетов, а бархатно-синим. Синее с золотом и золотисто-коричневые деревянные спинки стульев, синие дорожки и хрусталь люстр и занавес...

— Как же это... — начала Вероника и не смогла найти слов.

— Да... я часто смотрел на зал отсюда, — сказал Виктор

Нике так хотелось узнать подробнее, что связывает его с театром, но прозвенел первый звонок.

— Пойдем в ложу? — спросил Вяземский.

— Да, там так хорошо, и я хочу дальше узнать про Одетту, — Вероника взглянула на программу, которую так и не открыла, потом на Виктора, — вы все равно расскажете лучше, чем тут написано.

— Ну, если вы так считаете...

Они спустились по другой лестнице и снова оказались в Белом фойе.

Публика все так же гуляла по кругу. Виктор провел Веронику в общем потоке до ложи.

Они вернулись на свои места, Ника еще раз посмотрела вниз, в партер и смущенно произнесла:

— Кажется и нас разглядывают.

— Кто?

— А вот там в бинокль, и еще вон там...

— Не обращайтесь внимания, мы ведь сидим в императорской ложе, может они рассматривают не нас, а занавески. Хотя... мне кажется, что вас.

— Меня?

— Конечно, вы же роханская принцесса.

— Княжна!

— Тем более... вам очень идет это платье, — сказал Виктор и отвел глаза. Он боялся, что взгляд выдаст его.

В этот вечер Виктор перестал сопротивляться тому, что стремительно росло и оживало в нем. Завтра Ника уедет домой, встретятся ли они еще? Вряд ли. Это ни к чему, в первую очередь ей. Пока не привыкла, не поняла до конца, что из всего этого может получиться...

Но сегодня он позволит себе чуть больше того, что допустимо.

Виктор касался ее рук и плеч, смотрел на ее шею, губы и щеки. Он почти дотронулся губами до ее волос когда склонялся к уху Вероники, он водил ее за руку и под руку, и близость между ними становилась все привычнее. Виктор не был невинным юношей, он хотел бы гораздо большего, но также он мог и сдерживать свои порывы усилием воли.

Поэтому все, что он делал не выходило за рамки приличий, галантного, но почтительного ухаживания с легким намеком на флирт.

Только с Никой он не играл, как это часто происходило в подобных ситуациях с другими женщинами. Тогда Вяземский руководствовался расчетом и хорошим знанием женской психологии, сейчас он делал все это потому, что сам хотел и был увлечен девушкой.

Он не мог отказать себе в продолжении вечера с ней и почти решил, что пойдет к Татьяне.

— Ладно, пусть восхищенные зрители разглядывают княжну загадочных роханских земель в бинокли, а я продолжу рассказ про Одетту и Зигфрида. Как только Зигфрид поклялся девушке-птице в вечной верности и любви, за дело принялся Ротбарт. Силой своих чар он придал дочери Одиллии сходство с Одеттой, но она стала не белым лебедем, а черным. Ротбарт с Одиллией появляются среди гостей на большом балу. Королева мать решила устроить смотрины невесты для принца, приглашены прекрасные девушки из разных стран. Потому мы и увидим сейчас несколько характерных танцев. Венгерский, испанский, русский — это все традиции большого балета. Будет и вальс невест. Но принц Зигфрид никого не выбирает, чем очень огорчает мать. А что ему делать? Он не может привести на бал Одетту и не должен рассказывать о ней. Когда появляется Ротбарт с дочерью и принц видит Одиллию — он забывает о клятве. Центральным номером третьего акта будет па-де-де — это большой развернутый танец. В нем есть и адажио и вариации, все как положено в классическом балете. И вот вы заметите притворство Одиллии, на ту же музыку она будет повторять движения Одетты из адажио второго акта. Это окончательно сбивает с толку принца. Он избирает невестой Одиллию и подводит к матери. Ротбарт злобно хохочет — клятва нарушена! Злой волшебник исчезает, а принц устремляется на озеро.

Последняя картина повествует нам о страданиях Одетты и ее борьбе с Ротбартом. Без нее принц не смог бы победить волшебника. Хотя как я говорил, он и не должен побеждать, их с Одеттой ждет прохладный песок на дне озера. Но мы-то увидим хэппи энд — человеческий облик навсегда вернется к девушкам с победой принца над Ротбартом.

— Вы думаете, что надо было сохранить печальный конец?

— Да, я бы сохранил его.

— Почему?

— Это логичнее. И потом я, как сентиментальная домохозяйка, люблю трогательные финалы.

— Ну вот, насмешили!

— Это лучше, чем плакать

— Не всегда. Эта балерина... Ульяна Лопаткина, я забываю, что она человек! Как это можно настолько стать птицей. Руки крылья. Да, я плакала и... не знаю... Сейчас опять заплачу, что это?

— Это театр... хорошие слезы, не от горя.

Виктор взял Нику за руку, в это время начал гаснуть свет.

— Я запомню это, — прошептала Ника. Ее ответное пожатие было робким, доверчивым и нежным.

* * *

Спектакль закончился около одиннадцати вечера и Виктор повез Нику домой. Он ничего не сказал ей о завтрашнем дне. Потом, позже...

После прогулки в Летнем саду Виктор не мог предположить, что будет еще что-то более прекрасное, но на следующий день был Павловск, а сегодня театр. Говорить не хотелось. Слишком много пережил он в этот вечер, и чувства его превосходили слова.

За несколько дней Ника стала ему ближе всех. Ни с кем рядом не ощущал он такого

душевного покоя. Можно было молчать и быть уверенным, что она не нарушит хрупкого идеального мира, который возникал, когда они оказывались вместе.

Это была не влюбленность, Виктор не мог сказать, что он влюбился в Веронику с первого взгляда, напротив, это происходило с ним очень постепенно. Сначала она понравилась ему, потом ее голос в темноте, золото осени в ее волосах, возвращение в Павловск. Он приближался к ней, и только сегодня Виктору стало ясно, что он не представляет себе, как останется без нее. Это была Любовь.

Вяземский остановил машину в том же месте, что и всегда. Вероника отчего-то заторопилась выйти, как будто хотела убежать от Виктора, она сама открыла дверцу джипа, не дожидаясь пока это сделает Вяземский.

— Так вы поедете? — спросила она, стоя около машины.

Это было похоже на предложение поскорее распрощаться. Ника противоречила сама себе. Она испугалась, хотела чтобы Виктор сам решил, за них обоих.

— Мне кажется, что для вечернего чая слишком поздно, может, я лучше поеду. Правда, Вероника, вы наверно устали? Я завтра утром позвоню, отвезу на вокзал, во сколько скажете.

— Нет! Совсем не поздно, — она отчаянно цеплялась за последние минуты встречи. — Это я думала, что вы устали и не захотите сидеть сейчас с нами, потому и спросила. Я часто придумываю лишнее. Идемте, пожалуйста, ведь Таня ждет, приготовилась.

— Но начало первого уже, Вероника, если я сейчас зайду, то потом мне придется ждать, пока сведут мосты. А это совсем уж неудобно. Тучков закрыт до двух, а Биржевой до пяти утра.

— Вот и хорошо, замечательно! До пяти мы все-все про театр ей расскажем.

— Вы меня способны в чем угодно убедить, — вздохнул Виктор.

На самом деле он не хотел уезжать, но...

— Тогда идемте скорее, а то я замерзла.

Татьяна в самом ждала их, чайный стол был накрыт в гостинной.

— Танечка, — с порога воскликнула Ника, — ты представить не можешь какое чудо Лебединое озеро...

— Да я уж по тебе вижу, что чудо, ты светишься вся. Виктор, раздевайтесь, как хорошо, что вы зашли.

— Вероника меня не отпустила, сказала, что вы будете ждать.

— И правильно сказала! Давайте мойте руки и за стол, мне хочется все подробно услышать. И чаю тоже, я сколько часов на торт люблюсь.

И вечер, переходящий в ночь, потянулся неспешно.

Дымился чай в тонких фарфоровых чашках. Кроме торта на столе красовались еще и конфеты, и варенье, но вся компания едва притрагивалась к угощению. Главным была беседа. Ника торопилась обо всем рассказать Тане, Вяземский слушал, изредка вставлял какое-нибудь слово, краткое замечание.

— Нет, я все равно так не смогу, как Виктор, — сказала Ника и откинулась на мягкую спинку дивана. Они сидели рядом с Вяземским, а Таня напротив. — И что слова, когда там все в музыке и в обстановке! Театр... Таня, это и есть настоящее чудо. Со всем, что там... Виктор, — она посмотрела на него, — расскажите о театре. Вы же иначе знаете его.

— Да, иначе. — И Виктор, неожиданно для самого себя, начал говорить. Открыто, без опасения, что его осудят или не поймут. — Теперь я редко бываю в театре, иногда потому, что времени нет, но больше потому, что я как будто виноват перед ним.

— Виноваты? — удивилась Ника.

— Да... человек театра не может отдалиться от театра потому, что это своего рода болезнь, не смог отойти и я. Жизнь артистов — клановая общность, в ней все замкнуто. Особенно если театр большой, то он самодостаточен. Он как бы отделяет человека от внешнего мира, заключает его в свой, подобный кокону, или скорее хрустальному шару, из него видишь другой мир через прозрачные стенки, но совсем не хочешь туда. Потому что он скучный по сравнению с тем в котором находишься ты. Все общение сосредотачивается внутри. Дружба, ненависть, любовь — все внутри. Есть сцена, ее видят зрители и есть мир актеров — это «закулисы». Там я вырос, там прошли мои детство и юность. Когда не был у бабушки — я болтался в театре. Это и был мой дом в Питере. Мариинский театр. Для кого-то это партер и ложи, лазурный занавес, огромная хрустальная люстра, блестящее паркетным полом фойе, беломраморные лестницы, лепнина и позолота. Рафинированная публика в вечерних нарядах. А для меня — это закулисы и гримерки, мишурный блеск костюмов разных эпох и народов, плотно пригнанные доски сцены, пыль бутафорского цеха, где можно отыскать все что угодно от Эскалибура до волшебной лампы Аладдина. Слоны, лошади и лебеди на колесиках, морские зыби из парусины, леса из раскрашенных сетей с аппликацией, ночное небо из новогодних гирлянд, раскаты грома, создаваемые помрежем за сценой с помощью ржавого железного листа... Для меня театр — это изнанка. Театральный буфет прокуренный и душный, где в антракте собираются усталые короли и герцоги, где легкокрылые сильфиды едят вполне земные бифштексы с кетчупом и кутаются в растянутые шерстяные свитера, потому что по бесконечным театральным коридорам вечно гуляют сквозняки. Для меня театр — это балетные классы, где «...и-раз-два-три... плие... аттитюд... еще плие... руки в третью позицию, ноги в первую...» и бесконечная классика у палки, квадраты аккомпанемента на расстроенном рояле. И концертмейстер клюет носом на своих шестнадцати тактах вальса...

Репетиции, ночные монтажки света, и снова репетиции, репетиции, репетиции... костюмерные цеха с длинными рядами вешалок. А на них! Каких только костюмов нет! Вся история человечества, разные эпохи, страны, народы представлены тут. Подводный и подземный миры, необыкновенные фантазии и реальные одежды различных сословий. Принцы и нищие, святые и распутницы, юность и старость — все это тут. И все это называется одним словом, пришедшим к нам из глубокой древности. Театр.

Вот так я жил и рос и так составлял себе представление о Мире.

Я видел актеров вблизи, перед самым выходом на сцену — обычные люди. Но! Открывается занавес, и совершается чудо. Самое великое из всех чудес каким я был свидетелем — Лоэнгрин Рихарда Вагнера. Это он перевернул мою жизнь.

Даже и дату моего появления на свет определил театр. Мама пела спектакль, споткнулась, упала на сцене, в ту пору она была в положении, вот я и родился в марте, под знаком рыб, а не в июне вместе с другими львами.

Виктор остановился. Он понял что слишком долго говорит один и это не вежливо. И вообще, такие откровения не подходят для подобного случая.

Он посмотрел не на Нику, а на Татьяну. Та встретила его взгляд, и Виктор прочел в карих глазах женщины одобрение, участие и еще что-то, чему он не мог подобрать слова.

— Я пойду, чашки помою, — сказала Таня и поднялась со своего места за столом. Она давно уже поняла, что сейчас ее присутствие здесь лишнее, что этот вечер и ночь особенные для Вероники и Виктора, и что сейчас между ними совершается такое, чему не должно быть

свидетелей, пусть даже самых доброжелательных.

— Давай я помогу, — встrepенулась Ника. До этого она сидела неподвижно и как замороженная слушала Виктора, не хотела, чтобы он прерывал рассказ, но когда Вяземский замолчал, а Татьяна решила оставить их наедине, Ника испугалась.

— Нет уж, сиди, в таком платье, только чашки и мыть, — пресекла Татьяна попытку Вероники сбежать на кухню.

А Ника даже и не подумала, что сидит за чайным столом все в том же вечернем платье. Несколько часов назад она была рядом в Виктором совсем в другом мире и не могла вот так сразу перейти в привычный реальный, с обстановкой городской квартиры, чайными приборами и обоями в цветочек. Сколько бы сейчас Виктор не рассказывал об обыденности того, из чего рождаются чудеса, все равно не могла она до конца поверить. Нет, не все так просто, он не договаривает, не может открыть ей всего. А сможет ли? И когда? Она так хочет этого! Больше всего на свете хочет узнать и понять...

Таня собрала чашки, тарелки и вышла из комнаты.

Виктор задумался, он сидел спокойно положив руки на колени, не испытывая никакой неловкости ни от своего пребывания в чужом доме в столь позднее время, ни от вечернего костюма, совершенно не подходящего к обстановке.

Сейчас он был откровенен с этой девочкой. Вернее с самим собой. И что бы она ни спросила — он ответил. Возможно, это театр вернул ему способность к откровенности и открытию себя, или пришло время и спектакль лишь ускорил то, что непременно бы совершилось. Ведь в жизни каждого человека наступает время, когда приходится посмотреть в себя.

— Ваша мама пела в театре? — спросила Ника. Не только потому, что стремилась поддержать разговор в той же теме, она надеялась, что не ошибается и вопросом своим не нарушит того, что было сейчас в нем.

День за днем они встречались и каждый раз он уходил за ту черту, куда ей пути не было. Замолкал, прислушивался к самому себе и уходил. И вот сегодня мир его приоткрылся. Сначала из немногих реплик в театре, теперь из короткого рассказа за столом она начала узнавать Виктора.

— Да, она пела, тридцать лет. В ее трудовой книжке всего одна запись «государственный академический театр оперы и балета имени Кирова. Солистка оперы». Когда она в первый раз вышла на сцену Мариинки ей было двадцать пять, когда вышла в последний — пятьдесят пять.

— А потом?

— Знаете, есть хороший американский фильм «Леди Гамильтон». Там про адмирала Нельсона и женщину, которую он любил, но жениться на ней не мог. Когда Нельсон погиб, через много лет Эмма Гамильтон сказала о времени своего одиночества: «Не было потом».

— Я не смотрела.

— Если попадется обязательно посмотрите, там играет Вивьен Ли, старый добрый голливудский фильм. Я его очень люблю.

— Обязательно посмотрю, — Вероника сидела на диване и внимательно разглядывала свои пальцы. Она чувствовала на себе взгляд Виктора, но отчего-то не могла поднять глаза. Все тот же необъяснимый страх мешал ей. Чего она боялась? Этого Ника не знала.

На кухне Таня звякала чашками, потом вода перестала биться о раковину, скрипнул стул. Значит все дела по дому Татьяна закончила и, по своему обыкновению, села почитать.

Нике вдруг нестерпимо яркое показалось свет люстры, хоть в ней было всего три плафона, да и лампы не такие мощные. Но сейчас лучше бы горел небольшой настенный светильник, а еще лучше — свечи на столе...

— Можно я погашу верхний свет? — спросил Виктор, как будто читая ее мысли.

— Да, я тоже хотела бы, глаза устали, — кивнула она.

Вероника повернулась к стене и протянула руку к витому шнуру бра, а Виктор встал и оглядывал стену в поисках выключателя.

— Он там, у двери, за ковром, — подсказала Ника и снова приняла ту же несколько напряженную позу.

Когда комната погрузилась в полумрак стало полегче.

Виктор не вернулся на диван, он сел напротив на место Тани. Теперь Ника могла хорошо рассмотреть его лицо, а он видел ее не так ясно против света. Волосы девушки немного растрепались, выбились из прически и золотым ореолом светились вокруг головы и на плечах.

— Расскажите мне о себе, — попросил Виктор, — хоть немного. Что вы помните о своем детстве?

— Помню реку, наш дом и лес. Мы жили в селе, вернее поселке городского типа. Дом у нас был на две семьи, одноэтажный деревянный, но очень уютный. И места в нем было много, даже если и гости наезжали. Вся половина, которая наша, выходила окнами в сад и огород, там столько всего росло. Я была маленькая, а кусты крыжовника большие и колючие. Я их боялась, — Ника улыбнулась воспоминаниям, скинула тапки, подняла ноги на диван, поджала их под себя, села свободнее, немного боком к Виктору, оперлась локтем на пухлую спинку и положила голову на руку, продолжала задумчиво. — Папа уезжал часто, а вот мама все время была со мной. Помню, как она пела мне колыбельные, читала вслух, гуляла. Мы ходили на реку и собирали цветы. В лес за ягодами ходили, потом пекли пироги. Пельмени тоже лепили, как сегодня с Танюшей. Потом мне надо было идти в школу, четыре класса я отучилась в поселковой школе, дальше папа решил, что надо в Иркутск. Но там получить жилье не вышло, так мы и оказались в Ангарске. Школу я закончила там, а в Иркутск уже в институт приехала поступать. Поступила. Первый курс на дневном отучилась, а теперь вот на заочный перевелась.

— Почему?

— Папа переживает, что я живу в другом городе одна. Он вообще у меня... строгий.

— Папа ваш по профессии кто?

— Он врач, хирург, кардиолог.

— Да, серьезная профессия, ничего не скажешь.

— А вы?

— Что я?

— Вы все время так и живете в Петербурге с детства?

— Нет, не все, иногда и в Москве жил. Но учился тут. А потом по-разному выходило. И теперь не все время здесь живу, в последний год в Германии работал.

— А что вы там делали? — спросила Ника, а потом пожалела, что задала такой вопрос. Наверно бестактный, потому что Виктор смутился.

А Вяземский подумал, что, если бы он рассказал ей, такой домашней и неискушенной во взрослой жизни, про фрау Шон и про ее девочек, про Naitingeil? Да и вообще про свою

жизнь. Что бы могло сейчас произойти? Нет, в этом он никак не мог допустить откровенности. И промолчал, не стал отвечать. Вместо этого сказал.

— У вас был хорошее детство. А мне вот нечего особенно вспоминать. Разве что бабушку? У нее-то я и жил в Москве. Там было хорошо, но там не было моего настоящего дома, лето я проводил в гостях, в Москве, а потом надо было возвращаться сюда, в Питер.

— Здесь было плохо? — спросила Ника.

На этот вопрос Вяземский мог ответить.

— Нет, не плохо. Мне вообще никогда не было плохо. Я любил свою семью, отца и мать. Но... Почему-то из первых воспоминаний чаще всего я вспоминаю Альму. Это собака.

С ней легче было ждать. Пока она не появилась у нас в доме, я боялся одиночества, темноты. Мама и папа уходили на работу оба, они были вечно заняты, и если меня не брали с собой в театр, я оставался. А не брали меня часто, ведь спектакли оканчивались поздно, и мама потом не могла добудиться меня по утрам, а я ходил в детский сад, который всем сердцем ненавидел. Но еще больше ненавидел я вечера. Они наступали, а я все ждал и ждал... и мне было не очень весело одному.

А когда появилась Альма уже не один был, она в кровать ко мне забиралась, живая, теплая, лизунья такая! Я любил ее. Прожила Альма тринадцать лет и издохла дома, не дал усыплять, хоть и болела. Теперь понимаю, не правильно поступил, заставил мучиться. Люди эгоистичны, лишь бы себе боль не причинить. Я закопал ее на пустыре за прачечной, там рос дуб. Это я после прогулки в парке таскал в кармане желудь и он пророс, потом я посадил его. Дубы так медленно растут, через десять лет дерево было еще тонким. Под ним и похоронил Альму. Теперь нет ни прачечной ни дуба, а над могилой моей собаки возвышается многоэтажный дом. Он виден из окон той комнаты, где я провел детство и юность.

Отец умер когда мне было одиннадцать... я не успел повзрослеть, чтобы стать настоящим сыном. Помню его любовь ко мне...

Мама тоже любит меня, но по-своему. Мое рождение сломало ей карьеру. А я не стал великим пианистом, как она мечтала.

Еще я помню... Когда мы жили на даче, я уходил в лес. Мне нравилось слушать, как шумят деревья. Я любил берег Финского залива и плеск волн. Любил гальку и ракушки на берегу. Часами бродил и рассматривал песок под ногами в надежде найти янтарь. Но на нашем берегу нет янтаря — он в Прибалтике, на Рижском Взморье.

Я лазал на корявые деревья, которые росли на берегу, и смотрел на закат. С тех пор я люблю закат больше, чем восход.

А восход я встречал в лесу, то есть я его не видел, но ощущал. Птицы просыпались, небо становилось из серого ярким и прозрачным. Это было, когда я до света уходил в глушь за ягодами. Никогда не боялся ни леса, ни моря. Я любил бродяжничать.

На велосипеде, совсем маленьким, уезжал в такую даль, что родители ужаснулись бы, если бы узнали. Там, в этой дали, были поля. Речка с разваленным мостом, под ним перекат. Вода бежит по камням, чистая, прозрачная. Бывало зайдешь в воду и долго стоишь, так что ноги застынут и уже не чувствуешь ничего, даже прикосновения быстрых струй. Помню знойные полдни, васильки в поле и еще колокольчики и ромашки. Именно с той поры я так люблю ромашки. И синее небо. Я тоже что-то искал в нем. Еще я вспоминаю осень. Тихую и печальную. Безмолвный лес и изредка крики перелетных птиц в небе. Так что выходит главное воспоминание моего детства — это все-таки одиночество. А, еще была музыка. Не

всегда меня заставляли играть — я и сам тянулся к инструменту. Музыка наполняла мое одиночество звуками, и тогда мой мир не казался пустым. Он был прекрасен, печален и полон света.

Потом музыка стала образом Рыцаря Лебедя. Он, как и я, был одинок. Я думал о нем. Представлял себе его, такого земного. Может быть, это смешно, но я представлял его именно в таком, похожем на театральный, костюме, в серебряных доспехах и шлеме с крыльями лебедя, тоже серебряными. Я любил его и наверно с той поры как он пришел в мое сердце, я уже не был один. Но это все было потом. Не в детстве. Маленьким мальчиком я еще не знал его. Хотел ли я повзрослеть? Не знаю. Кажется не очень.

— А Лоэнгрин, он тоже был один? — спросила Ника.

— Да, только раз ему выпало счастье обрести семью, любовь, но женщина, которая поклялась не нарушать запрета и не спрашивать о том, как зовут ее рыцаря, не смогла сдержать слово, сохранить доверие. Она и спросила. Рыцарь Лебедя назвал имя, после этого он должен был оставить ее.

— Нельзя было простить?

— Не знаю... я тоже много думал об этом. Вероятно нельзя. Тот, кто сомневается в любви — теряет ее.

Они сидели молча и смотрели друг на друга. Глаза в глаза. Вероника перестала бояться. Страх ее прошел, вместо него появилась горячая нежность. Ника представила себе тонкий молодой дуб на пустыре у серой кирпичной стены прачечной, а под дубом — мальчишку с заплаканным лицом и упрямо сжатыми губами.

— Я сдала билеты на поезд, — сказала Вероника.

— Что? — Виктор не смог, да и не хотел скрыть свою радость. Она... не уедет. Он почему-то настолько был уверен в том, что Ника останется надолго, что пропустил мимо ушей вторую половину фразы, — так что пробуду в Петербурге еще до среды, — добавила девушка.

— До среды? — Виктор пытался связать это с возвратом билетов и решением Вероники жить в Питере.

— Да, я вернусь домой на самолете. Вылет в среду вечером, а через пять часов уже буду в Иркутске.

— Да... через пять часов... большой перелет. И когда вы поменяли билеты?

— После Старой Ладogi. Мы как раз в центре с Таней были. Там на Невском и авиакассy.

— А я и не знал, думал завтра вас провожать. Что же не сказали раньше?

— Я... боялась... думала вы рассердитесь. И так столько времени со мной.

— Рассержусь? Нет... конечно нет. Я очень рад. Мы можем тогда еще куда-нибудь сходить. В Эрмитаж. — Он говорил только затем, чтобы не молчать и не показать ей, как сильно расстроен.

— Да, в Эрмитаж я бы хотела...

Ника чувствовала перемену в тоне Виктора, но не могла догадаться о причине.

Он взглянул на часы.

— Больше трех. Тучков мост давно открыли. А вам с Таней спать пора. Так что поеду я...

Виктор поднялся, аккуратно придвинул стул к столу. Ника заторопилась встать, чтобы проводить его, но никак не могла нашарить под столом тапок.

Вяземский уже вышел в коридор, туда же из кухни прошла Таня, теперь Веронике было не проститься с ним так, как она хотела бы.

Виктор быстро оделся. Вежливый обмен любезностями, обещание позвонить и дверь за ним закрылась.

Опять ушел...

Что же она сказала или сделала не так?

На кухне все было перемыто и убрано, ничего на долю Ники не осталось, Таня закончила вытирать стол.

— Ну что, Никуся? Хороший день?

— Да...

— А почему так грустно?

— Нет, устала просто, пойду платье сниму, потом в душ и спать. Вещи можно не собирать на завтра.

— Ты так говоришь, как будто не рада, что осталась... Подожди, сядь, я сказать хочу.

Ника присела за стол, подперла щеку рукой.

— Правда устала, так вроде не заметно и пешком не ходила, все на машине, а в театре сидели, но столько впечатлений!

— И не только от спектакля, — Татьяна села напротив — я ни о чем не спрашиваю, захочешь — сама расскажешь. Только ты будь осторожнее, как в омут не бросайся.

— Ты о чем?

— О Викторе. Взрослый он.

— Да, взрослый... Пойду я Танечка, — Ника даже с самой близкой подругой не хотела говорить о нем. Странное чувство, что обсуждать Виктора за глаза оскорбительно, остановило ее. А еще страх. Ника боялась ошибиться, сказать об их отношениях, о своих чувствах не правильно. Но самое главное, она стремилась сохранить все только для себя, чтобы никто не касался.

Вот уйдет в комнату, ляжет в постель и поминутно переберет в памяти вечер с ним, его слова, взгляды, прикосновения. Взрослый, да! И какой замечательный, красивый, умный. Чудесный рассказчик... Все не то. Она не могла подобрать слов. Все вспоминала, вспоминала его, с тем и уснула, а разбудил ее звонок Виктора.

— Вероника, доброе утро, вернее день, не разбудил?

— Нет, нет... я уже, — Ника терла заспанные глаза. За окном белый день, а кажется, что шесть утра. — Я давно встала.

— Не правда, — рассмеялся Виктор, — по голосу слышу. Ну... часа полтора еще можете поспать, а потом, если хотите, поедem посмотрим еще один парк, погода сегодня подходящая. А Эрмитаж оставим на завтра.

— Хорошо, как вы скажете, — Ника радовалась, что от вчерашнего недовольства и следа не осталось. Может, ей вообще показалось? Просто поздно было, вот он и ушел. Не ночевать же ему у Тани.

— Тогда я перезвоню за полчаса до того, как подъеду. Приятных снов...

— Спасибо, — Ника рассмеялась, перевернулась на живот и обняла подушку.

Замок в облаках

— Точно хотите посмотреть не Эрмитаж, а еще один парк?

Виктор заранее знал, что она согласится и спрашивал, чтобы услышать в трубке радостное «да».

Он так же знал, что это их последняя прогулка, но задвигал невеселую мысль в самый дальний угол сознания. Ника уедет завтра, но сегодняшней день и вечер проведет с ним вместе.

Он долго думал куда бы отвезти ее. Казалось бы лучше театра ничего уже нельзя представить себе. Решение пришло внезапно, Виктор вспомнил один из первых разговоров о городе, о Финском заливе. Она уже видела берег на Васильевском острове, но было еще одно место у Залива, которое Вяземский знал и любил. Он хотел чтобы Вероника тоже узнала.

Они встретились, как обычно, у дома Татьяны. Виктор остановился на углу, позвонил, вышел из машины. Ника сбежала по лестнице, это он понял по слегка сбитому дыханию. Вероника протянула ему руки и он взял их в свои. Хотел бы целовать, но и без того прикосновение было откровенно нежным.

— Добрый день, — сказал он

Ника только улыбалась и глазами здоровалась с ним. Искала в его взгляде ответ, находила, смущалась...

Она села в машину и даже не спросила куда они поедут, а Виктор не сказал, привычно положил ее сумку на заднее сиденье, ощутил взгляд Ники, когда поворачивал ключ зажигания и брался за руль, беспричинно улыбнулся состоянию покоя и предугадывания того, что произойдет в следующую минуту. Не потому, что Вероника была настолько проста, что он мог ее просчитать, вовсе нет, но он точно знал когда и как она посмотрит на него. Откуда и почему пришло это знание Виктор особенно и не разбирался. Ему было хорошо, просто хорошо.

Они поехали через Петроградскую, но застряли в пробке перед Каменноостровским мостом.

— Вечно тут затор, — начал ворчать Вяземский

— А мне нравятся питерские пробки, — торжественно шутливо объявила Вероника.

— Это чем же?

— Во первых интересно смотреть, как вы пытаетесь из них выбраться.

— Да...очень интересно, — сосредоточенно повторил Вяземский вырвав чтобы вписаться в соседний ряд, — может быть здесь быстрее продвинемся.

— Да не продвинемся, — засмеялась Ника, — вот это и забавно, что водитель стремится выгадать несколько метров, а на самом деле все ряды двигаются одинаково медленно.

— Так ведь нетерпение мучает!

— Вот именно! Это и забавно...

— Очень. Хорошо, что мы с вами свободны во времени, а вот представьте если опаздываешь на деловую встречу, то каждый метр кажется на вес золота, ищешь лазейки.

— Это я уже поняла, только вы Виктор, скорее не лазейки ищите, а идете на таран...

— Что верно, то верно, — засмеялся он и заглушил двигатель, — все, встали, можно начинать отчаиваться.

— Зачем отчаиваться. Так мне нравится смотреть на город из окна автомобиля. С одной стороны как будто сам по себе, а с другой среди всех. Конечно, я понимаю, что управлять машиной и быть пассажиром не одно и то же. Вести в пробке тяжело.

— Да не так уж тяжело, если бы все правила выполняли. Но ведь проскочить пытаются, тут кто понастойчивее, тот и впереди. Как и в жизни. А про то, что смотреть на мир из окна авто приятно, тут я с вами совершенно согласен, и про состояние обособленности. Стыдно признаться — я не очень-то люблю толпу, людей...

— Я тоже, но только не в этом городе. Здесь и люди особенные, наверно. Как подумаю, что завтра возвращаться в тихое место, где ни толпы, ни пробок на дорогах...

— А вы не думайте. Кто знает, как жизнь сложится. С вашим знанием языка и в Питере бы дело нашлось. Вы учитесь, а там сами решите где жить.

— Об этом я не думала, — призналась Ника. — До поездки в Петербург не думала, — уточнила она. «До встречи с вами» — сказала про себя, но Виктор догадался.

— Ну вот, знали бы ваши родители об этих новых крамольных мыслях, крепко бы на Петербург рассердились.

— Да разве можно на него сердиться! Вы посмотрите только, обычные дома здесь выглядят...ну не знаю... как стихи!

— Стихи? Разве можно видеть стихи?

— Можно. Особенно на Невском, или где-нибудь на набережной, где фасады плотно стоят один к другому, они единое целое, но все же разные, как строфы.

— Чудесная метафора... так... кажется дальше едем...вы тепло одеты? — Бросил он на нее быстрый взгляд и опять сосредоточился на дороге.

— Тепло. После прогулки в Павловске я поняла, что в Петербурге с собой надо брать одежду на два сезона, текущий и последующий.

— Это правильно, у нас тут и предзимье бывает, и предвесенье. А предлето — нет. С середины мая иногда жара, зато в июне холодно и дождь. Север. Хорошо, что теплее оделись, мы хорошо за город двинемся, километров на пятьдесят.

— На Залив?

— Как вы догадались?

— Я не догадалась, я хочу туда, потому и спросила. Хочу попрощаться с ним, — прибавила Ника погрузнев.

— Ну...не надо...еще сто раз приедете сюда.

— Вы так думаете?

— Уверен.

— Вам я верю Виктор, если вы говорите, значит так и будет.

Эти ее слова совсем не удивили его. Он ждал их. Надо бы сказать ей. Но не в машине же. Может быть на берегу? Сказать, что если хочет, если верит ему, то ехать никуда не надо...

— Да на Залив, но еще и в парк. Когда-то это место процветало, теперь пришло в

упадок. Мне трудно объяснить почему я хочу показать вам его. Мы могли бы поехать в Гатчину посмотреть еще одну императорскую резиденцию или сходить в Русский Музей, а там куда мы направляемся, собственно ничего и нет особенного, кроме берега.

— Это место чем-то примечательно для вас?

— Не так, как Павловск. Но...наверно тоже — да.

— Тогда я хочу посмотреть.

— Вот и посмотрим. Заодно заедем, я лекарство завезу своей квартирной хозяйке.

— Так вы там живете!

— Да, последнее время, — уклонился от прямого ответа Виктор. Он знал, что Ника расспрашивать не станет, уже привык к этому ее чудесному качеству — ждать, пока человек сам не расскажет.

Как только Виктор миновал пост ГАИ на Приморском шоссе и выехал на свободную трассу, он сейчас же прибавил скорость. До съезда к домику Натальи Андреевны долетели минут за сорок и это еще длинной дорогой, Вяземский поехал по берегу, по нижнему шоссе. Финский залив то исчезал за полосой прибрежного леса, то вдруг являлся в просветах широкой водной гладью. Небольшое волнение делало его нетерпеливо радостным. Ветер был переменный, он не нагонял волны, а беспорядочно возмущал воду, солнце подсвечивало гребни бликами и глаза слепила золотая рябь.

— Вот и приехали, пойдете посмотрим берег, здесь он не тронутый цивилизацией — заказник, или заповедник, года три уже. Все кафе снесли, чайкам побираться негде стало.

Вяземский не знал привязан ли Кусач и оставил Нику за калиткой, сам вошел во двор. Пес загремел цепью, радостно залаял.

— Ну тише ты, тише...свои, — урезонивал Виктор, — сейчас уйду уже.

— Кто там? — послышалось из сарая и Наталья Андреевна с вилами в руках показалась в покосившемся дверном проеме.

— Это я...мы... гостью к нам привез, познакомьтесь, Наталья Андреевна — это Вероника.

— Что же ты не предупредил? — Старуха отвечала ворчливо, но быстрые глаза посмеивались.

— Да мы ненадолго, по дороге. Я лекарство вам привез.

— Ишь какой! «Ненадолго». А пообедать? Ты его не слушай даже, девочка, в дом иди, я вас покормлю. У меня суп картофельный, котлетки, соленья-варенья домашние, а то сейчас по кафе потащит, деньги тратить на колятину всякую. Я уж знаю... Идите, идите, нечего у хлева стоять.

Виктор развел руками безнадежно, Ника засмеялась. Из сарая послышалось мычание.

— Ой, корова! — воскликнула Ника, — а можно посмотреть?

— Отчего нельзя, смотри, если не забоишься, она не злая, не забодает.

Через минуту Вероника уже гладила теплый бок, теребила челку и что-то шептала на ухо меланхоличной Пеструхе.

— А с виду городская, — умилилась Наталья Андреевна, — где ж ты ее нашел?

— Из Москвы вместе ехали, познакомились, Ника города не знает, вот и...

— Молодец, что привез. И за лекарство спасибо.

Пеструха явно не привыкла к таким нежностям.

— Хорошая, красавица, угостить-то нечем, — приговаривала Ника, — у нас тоже корова

была, когда в селе жили, — оглянулась она на Вяземского, — Меланьей звали, как в Ангарск переехали — продали. Я так плакала по ней!

— Ну, пошли уже в дом, хватит с ней миловаться, разбалуеться, вон она уже и уши развесила, — прервала пейзажную идиллию Наталья Андреевна.

Проездом конечно не получилось, был и домашний обед, и самовар на шишках, и разговоры. Наталья Андреевна, указывая на фото, собранные в большой раме на стене, рассказывала.

— А это муж мой, Захар Семенович, царство ему небесное, уже восемь лет, как нет его, а это Николаша, сынок мой. Вот с невесткой, да развелись уже. А тут с ребятами из роты, на сверхсрочку остался, так и служит. В Абхазии сейчас... давно не писал.

Ника заметила, как Виктор нахмурился и показал ей глазами — тему не развивать.

— А это дом наш, как построили только, еще хлева не было. Хороший дом! Тогда вокруг дворцов этих с трехметровыми заборами не понатыкали еще на берегу. Теперь-то и к морю не выйти.

— Кстати, о море, — вспомнил Виктор, — мы же так у вас весь день просидим, а хотели парк посмотреть, побережье. Сейчас, я почту проверю только и поедем, ладно? — спросил он у Ники и прошел в свою комнату. Дверь приоткрытой осталась, Вероника невольно заглянула, увидела кровать и стол, на столе знакомый ноутбук.

— Пока Николаши нет, пустила его... — Только и сказала Наталья Андреевна, то ли с осуждением, то ли с сочувствием. — Ну, езжайте с Богом.

* * *

Виктор доехал до Зеленогорского парка, вышли они с Никой на круглой площади около памятника Ленину. За вождем мирового пролетариата на холме стояло внушительное здание с колоннами, к нему вела широкая лестница, наверху она переходила в длинную балюстраду.

— И как вы думаете, что это? — кивнул на здание Виктор.

— Может Исполком? — предположила Вероника

— Все так думают. Нет, это просто школа, обычная общеобразовательная школа. А нам туда, через дорогу и в парк. — Виктор показал направление. За те дни, что они были вместе, Ника уже привыкла к этому его характерному широкому и энергичному жесту. — Когда-то он не уступал ЦПКиО, — сказал Виктор и взял ее под локоть. Она и к этому привыкла, что он переводит ее через улицу, как маленькую и не возмущалась, напротив, ей нравилось.

— А здесь похолоднее, чем в городе, чувствуется осень. — Вяземский пропустил Веронику вперед, они прошли в ворота.

Сразу за оградой в начале центральной аллеи стояла железная арка, на ней был растянута транспарант «Добро пожаловать», полоса ткани трепетала на ветру и буквы шевелились. Справа Ника заметила детскую площадку, но ни одного ребенка не было ни на горках, ни на лесенках. Так же пустынно оказалось и перед деревянной концертной эстрадой, построенной за детским городком в конце небольшой площади. За эстрадой начинался лес, сквозь деревья виднелся залив.

Слева от центральной аллеи тянулось длинное деревянное здание зеленого цвета, похожее на барак без окон.

— Это летний кинотеатр, — проследив за ее взглядом пояснил Виктор, — раньше тут

кино крутили, уже несколько лет, как закрыто.

За кинотеатром были разбросаны по парку аттракционы. Центральная аллея уходила вниз к заливу, цветники бордюром обрамляли ее. Все это было похоже на такую растянутую лестницу с широкими террасами, Виктор с Вероникой стояли на самой верхней ступени и потому видели весь парк как на ладони.

— Похоже на сонное царство, — улыбнулась Ника, — а там что за домики?

— Там база отдыха, пункт проката и танцевальный павильон. В праздники тут оживленнее, зимой, например, бывают масленичные гулянья, ну и в Новый Год, конечно, а летом только День города Зеленогорска. Еще первого сентября, когда погода хорошая, гуляют с детьми, а так все больше именно сонное царство. Даже и по воскресеньям не очень много народа, хотя аттракционы работают.

— А они и сегодня работают, смотрите, вон там что-то крутится.

— Да, действительно. Хотите покататься?

— Я?

— А что? Вы не любите американские горки?

— Не знаю... я не пробовала...

— Тем более надо попробовать, здесь небольшие и скорость детская, так что идемте.

Они пошли все вниз и вниз, а потом свернули на боковую аллею к домику-кассе. Пока дошли все желающие уже покатались и женщина в белой вязанной шапочке и зеленой куртке, которая обслуживала аттракцион, собралась уходить.

— А нас не прокатите? — спросил Виктор.

— Да касса уже закрыта, мы сегодня до обеда только.

— А мы так, без кассы, прямо вам заплатим, — сказал Вяземский.

— Ну, можно, — согласилась женщина. — Идите, садитесь, я сейчас подойду.

Виктор и Ника поднялись по деревянной лестнице на платформу к американской горке. Сооружение выглядело не очень надежно. Краска с машинок слезла, поручни проржавели.

— Не Рио, — покачал головой Виктор, — ну выбирайте любую. В начале или в середине?

— Лучше в середине.

— Вот сюда?

— Давайте.

Они уселись, женщина в белой шапочке принесла ремни. Машинки были на двоих и сидеть в них надо было не друг за другом, а рядом.

— Я буду вас держать, чтобы не потерялись, — сказал Виктор и крепко обнял Веронику одной рукой. В этом прикосновении не было ничего, кроме заботы о ее безопасности, и потому девушка прижалась к нему. Если совсем честно, то она немного побаивалась неизвестного.

Вагонетки покатались сначала медленно, с лязгом и грохотом, тряско подпрыгивая на стыках рельс, потом скорость резко увеличилась. Стремительно завертелся по бокам мир, сместилось от движения вверх-вниз по изгибам горки пространство.

— Не бойтесь, я держу, — перекрикивая грохот засмеялся Виктор, потому что Вероника интуитивно вцепилась в него, — ногами в пол упритесь...

Два круга было трудно адаптироваться, земля летела то навстречу, то удалялась, центробежная сила старалась вытащить их из вагонеток. Но постепенно страх перешел в

восторг от скорости и ощущения опасности.

— Нравится? — наклонился к уху Ники Виктор.

— Да! Здорово!

Волосы Вероники разметались и накрыли его лицо, теперь он видел летящий мир через золотую сеть, так было до очередного поворота. Потом ветер перекинул волосы девушки на другую сторону, но Виктор все еще ощущал их мягкость на щеках. Движение вагонеток замедлилось, они еле-еле доползли до помоста.

Виктор сам отстегнул ремни, отдал женщине в шапочке.

— Спасибо, славно прокатали нас, с ветерком.

— Еще приходите, — отвечала она.

— Ну...как? — повернулся он к Веронике.

— Не могу описать...так быстро, сначала страшно немного, а потом весело и легко, а теперь опять хочется вверх-вниз и кажется, что земля так притягивает, а хочется лететь.

Глаза девушки восторженно блестели, щеки покраснелись.

— Да... лететь, — согласился Виктор. — Вот уже и закат, солнце садится, поздноато мы добрались. Пойдем, посмотрим берег?

— Да!

Они спустились с помоста и медленно пошли парком. Обоим хотелось взяться за руки, но это была слишком интимная близость, а они только в своих мыслях уже сблизились настолько, в реальности же оставались случайными знакомыми.

Деревья в парке стояли почти голые, ветер с залива срывал последние листья. И, действительно, казалось холоднее чем в городе. Цветники порыжели, трава пожухла. Неестественно зеленой выглядела от этого искусственная на площадке для гольфа.

На танцевальном павильоне висел полинявший от дождей рекламный щит.

«Вечера отдыха для тех кому за...»

Танцы. Викторины. Играет инструментальный ансамбль.

— Вот, это похоже для меня, — пошутил Виктор.

— Да ну, перестаньте вы! — возмутилась Ника, — мне бы с вами очень понравилось танцевать.

— Мне бы тоже, но заявление ваше рискованное, а вдруг я не умею?

— Не может быть такого, — убежденно ответила она.

Совсем близко от залива воздушной конструкцией из стальных труб и разноцветных кабин возвышалось колесо обозрения.

— Похоже на Эйфелеву башню, — сказала Вероника, рассматривая что-то наверху колеса.

— Хотите посмотреть на побережье с высоты полета чаек? — спросил Виктор втайне надеясь, что она откажется.

— Да, очень. Ведь можно?

— Конечно можно, если работает. Пошли...

На его невезение колесо обозрения работало. Пришлось Вяземскому, преодолевая свою нелюбовь к высоте, забираться в открытую кабину. А там внутри еще и штурвал, чтобы поворачиваться вокруг своей оси для лучшего обозрения.

Колесо пошло вверх. Как и на американских горках Виктор с Вероникой были единственными посетителями этого аттракциона.

Земля все удалялась и удалялась, расширялся обзор. Сначала они видели все внизу, как

из окон многоэтажного дома, но потом, когда кабина оказалась над деревьями ландшафт изменился, кроны сосен пушистыми зелеными облаками или волнами стали фоном для немногих строений: здания санаториев на берегу, Зеленогорской церкви со стройной башней колокольни. Деревянные домики в парке потерялись среди деревьев, изогнула спину американская горка, рядом с ней, позабытой в песочнице детской игрушкой, выглядели карусели. Все было маленьким. Желтела полоса песчаного берега, а за ней открывался зеленовато-стальной простор Финского залива. Воды было гораздо больше, чем казалось, если стоять на берегу. Горизонт отодвинулся, а солнце стояло так низко, что было впечатление, что они парят высоко в небе над солнечным диском.

Но Виктору было не до красот, голова у него закружилась, захотелось крепко зажмуриться. Он держался за поручни и невольно так крепко сжал их, что побелели суставы.

— Виктор? — Ника положила свою руку на его кулак.

— Что очень заметно? — Попробовал улыбнуться он.

— Заметно, сейчас мы уже вниз поедем.

— Потом еще круг...

— Хотите сойдем?

— Нет, не надо. Я в состоянии с этим справиться.

Колесо ушло вниз, деревья опять стали выше людей и у Виктора появилась возможность перевести дух.

— Вот потому я никогда и не летаю...

— А во сне?

— Даже во сне, — покачал головой он, — но вам нравится смотреть на море с высоты птичьего полета?

— Да! Теперь я знаю каким видят его чайки!

Ника так и не убрала руку до тех пор, пока все не закончилось. Еще один круг.

— Спасибо, — сказал Виктор, когда они вылезали из вагонетки. Он вышел первым, а Веронику поднял за талию и перенес на землю. — Вот так-то лучше. Нет у нас крыльев, даже во сне, а наяву тем более. Идем теперь на берег, как раз успеем посмотреть — солнце сядет в воду, а потом будет красивое небо, сегодня есть облака, значит закат получится с картиной.

— С чем? — Не поняла Ника.

— Нет, словами я не могу разъяснить, вы сами увидите и поймете.

На побережье шла стройка. Чтобы добраться до пляжа и полосы прибоя, им пришлось пересечь строительную площадку. Арматура, сваи — все это казалось лишним.

— Вот и я такой же Залив видела, стиснутый городом, — сказала девушка, — он как будто не свободен.

— Он свободен, человеку только кажется, что он покорило море. Залив несколько раз сносил дамбу, защитные сооружения. С большим трудом ее все-таки выстроили. Теперь у нас есть дорога на Кронштадт прямо над водой.

— Невероятно.

— Да, когда ветер и волны — это впечатляет.

Они вышли, наконец, на берег. Солнце низко висело над горизонтом. Оно было ярко оранжевым, казалось неестественно большим, слепило глаза.

— Как только коснется воды — быстро сядет, — сказал Виктор.

Волнение усилилось, гребни волн поднимались сантиметров на сорок и с грохотом

обрушивались на песок, пенные языки далеко проползали вперед по полосе прибоя. Песок блестел, но когда волна отступала, вбирал в себя влагу, становился влажно-матовым и все повторялось. Это мерное движение и шум прибоя завораживали.

— Как бы я хотела жить на берегу, — сказала Вероника.

Виктор промолчал. Он смотрел на солнце, оно уже коснулось воды и не резало глаза так сильно, все небо на западе было чистым, лазорево голубым, облака подтянулись к горизонту, они как будто хотели уйти в море вслед за солнцем, влеклись по небу длинными полосами.

Вот уже половина оранжевого диска оказалось в воде, три четверти, вот виден самый край, узенькая полосочка расплавленного золота. Вот горизонт стал ровной четкой полосой между небом и морем...

И вдруг! Небо превратилось в картину с глубокой пространственной перспективой. Как будто другой мир открылся. Он весь был из золота, но не застывший — живой, полный воздуха, огня.

Отчетливо обозначилась излуцина широкой реки. Вода чуть-чуть колыхалась, будто дышала. По берегам курчавились кроны деревьев, среди излучины был остров, а на нем поднимались к золотому небу с сизыми облаками стены замка. Кольцо могучих стен с донжоном посредине. К замку вела дорога. Река омывала этот небольшой остров и текла вдаль, на берегу у самой воды и выше на холмах среди деревьев разбросаны домики.

У картины был свой горизонт, она уходила вглубь неба. Несколько минут это чудо оставалось открытым за реальным горизонтом, потом очертания берегов потеряли четкость, эффект живой воды исчез, и над морем теперь висели лишь золотистые облака, попеременно с темными, сизо-голубыми. На восточной части неба незаметные прежде тонкие как вуаль белесые полосы стали нежно-розовыми, потянулись гигантскими шарфами...

И пришло ощущение, что закат обнимает всю землю. Это было похоже на поцелуй Вселенной.

Вероника и Виктор оказались словно внутри этого чуда. Они молчали, ощущая себя ничтожно малым и по сравнению с величию Земли и Неба, и вместе с тем частью мира, двумя песчинками, без которых мир этот будет не полон.

Так они стояли у кромки воды и смотрели на закат. Виктору хотелось обнять и поцеловать Нику, тогда бы и слова были не нужны. Но он ничего этого не сделал. И не обнял, и не поцеловал, и не произнес тех важных слов. А без них близость оставалась всего лишь эфемерным внутренним ощущением и связь их в будущем просматривалась в тумане зыбкой неопределенности. Захочет ли Вероника писать ему? И через сколько месяцев, недель, а то и дней ее увлеченность пройдет?

Он знал, что оказал сильное влияние на девушку. Настолько сильное, что сейчас она на все пошла бы, ни в чем не отказала...

У Виктора в кармане лежали ключи от его дома на берегу, от блестящего особняка, в котором он мог бы сделать Нику своей. У них могла быть еще одна ночь и много других. Нет... Перед чистым светом заката он мог заглянуть в себя. Разум его не доверял чувству, которое рождалось в сердце. Виктор хотел покоя и ничего больше. Он боялся дать себе волю, а потому не мог отбросить доводы разума и позволил им возобладать.

Закат быстро угасал, а вместе с ним надежда на будущее. Несколько дней проведенных с Никой останутся нежным воспоминанием, Виктор знал, что никогда не забудет ее, но не мог поверить, что судьба их станет общей.

— Шато Гайяр... задумчиво произнес он, — удивительно, но я узнал это место.

— Что?

— Я видел в небе замок, который когда-то существовал... замок Короля.

Она не стала спрашивать, надеялась, что когда-нибудь Виктор расскажет все об этом замке и о короле.

К тому времени, как Вяземский с Вероникой вышли из парка, сумерки окутали землю, замигали желтыми глазами городские фонари. Наступил вечер и пора было возвращаться в город.

Они долго ехали молча, только на Васильевском Ника повернулась к Вяземскому и сказала:

— Вы правы, все это надо было увидеть. Спасибо Виктор...

— Это видят не все, даже если смотрят очень внимательно.

— Я не только про закат, а вообще про город, без вас я не смогла бы так узнать его.

— Я тоже не только про закат. И благодарить вас я должен гораздо больше, чем вы меня.

— За что? — Она ждала. Но Виктор промолчал, только улыбнулся беззащитно.

Расстались они несколько отчуждено. И Виктор и Ника понимали, что совершают ошибку, но не знали, как это преодолеть.

Оба провели бессонную ночь.

Прощание

В день отъезда к Татьяне пришли все ребята-толкинисты, которые были на игре. Собралась большая шумная компания, и Ника была рада им, встретиться с Виктором наедине или, что еще хуже, в ожидании провести время до отлета одной ей было бы невыносимо. А в компании друзей все казалось хорошо. Никто и не заметил, что Вероника грустит, только Таня. Но подруга ничего не сказала, не стала, расспрашивать, да и что Ника могла бы объяснить?

Она запуталась в своих чувствах. Неуверенность Виктора, его молчание задела ее. Ника возвращалась домой такой же свободной, как уехала отсюда. Ничего не произошло, Виктор показывал ей город, и только. Так она думала в первый день, следовало также думать и потом! Не строить воздушных замков, не мечтать, не влюбляться...

У него своя жизнь, а у нее своя. Тогда зачем все это было? Зачем? Прогулки по городу, Летний Сад, Павловск, Нева, Мариинский театр, их разговоры и главное — вчерашний день. Закат...

Как он мог молчать?!

Ника сердилась на Виктора и хмурилась посреди разговора с друзьями. Когда ее стали спрашивать, что не так — она сослалась на головную боль и заботы, на то, что не все вещи собраны. Это было не так, Ника собралась еще ночью, все равно не могла уснуть. На день отлета остались незначительные мелочи, главное было завершено. Вероника возвращалась домой.

Ребята ушли часа в четыре, а в шесть приехал Виктор. Он выглядел усталым и озабоченным, но не отказался выпить чаю с девушками.

Потом они еще немного посидели, посмотрели фотографии с игры. Около семи Вяземский отнес вещи Ники в машину, когда забирал ковровую сумку сказал:

— Ну, прощайтесь, я не буду мешать, подожду внизу. Покурю.

И вот, они снова поехали через весь город. По Петроградской стороне, через Троицкий мост, по Фонтанке, потом по Московскому проспекту.

День был пасмурный, накрапывал дождь. Ника смотрела на город через заплаканные стекла джипа. Ей и самой хотелось плакать.

Накануне она долго думала чтобы подарить Виктору на память, но так ничего и не нашла подходящего. Теперь сожалела об этом, ей бы хотелось оставить ему какую-то вещь, что была бы с ним и напоминала о ней.

Виктор молчал и хмурился, дистанция между ними все увеличивалась. В аэропорт они приехали совсем чужими.

Виктор и Вероника стояли перед самым турникетом, мимо проходили пассажиры, а Ника все медлила. Они давно сдали багаж. Посадку объявили минут десять назад, и времени на прощанье не осталось. А до этого они все молчали и не знали, что сказать друг другу.

Расставаться было страшно и больно. Виктор знал, что если он сейчас не скажет Нике тех важных слов, того о чем думал накануне, то скорее всего уже никогда не скажет их никому. Но он молчал. Молчал!

— Мне пора, — произнесла Вероника едва слышно.

— Киньте смс когда долетите, — попросил Виктор.

Голос его не дрогнул, не выдал волнения. А ведь Вяземский боялся за нее гораздо больше, чем если бы летел сам. Его страх перед далеким перелетом Ники превратился в панический. Пусть они никогда не увидятся больше, только бы она долетела благополучно. «Только бы долетела,» — твердил он про себя. При этом внешне оставался спокоен.

Не мог он показать Нике всего, что сейчас творилось в его мыслях! А показал бы, так один был тогда путь — никуда не отпускать ее. Рассказать о страхе, боли, отчаянии, о том, что испытывает он абсурдное, недопустимое желание, чтобы она осталась! Хотя бы на день... нет! Навсегда. В ногах бы валялся, просил, но ведь это невозможно.

А что он станет делать без нее? Что?

Одиночество со всей мрачной, неумолимой тишиной вставало перед ним. Ника прогоняла этого зверя пока была рядом. С того дня в Летнем саду Виктор начисто забыл обо всем, о своих проблемах, разочарованиях, он жил от одной встречи с Вероникой до другой, и так всю неделю. А теперь она уезжает. Зачем? Ведь им хорошо вместе. Но не может он сказать ей: «останься». Это просто смешно, кто он такой, чтобы просить об этом? У Ники родители, учеба и... самое главное ее возраст — вся жизнь впереди, и Виктору нет места рядом. О чем он вообще думает... Надо вежливо попрощаться и уйти. Только узнать потом, что она долетела. И все. Больше не вспоминать о ней. Да разве он сможет не вспоминать о ней? Если каждый день, каждую их прогулку сохранил, как самое дорогое. Что же, выходит он любит ее? Да. ДА! Любит. А сказать ей про это нельзя. Ни в коем случае нельзя сказать...

— Я позвоню лучше, а то СМС может потеряться и вы станете волноваться за меня.

— Стану...

«Уважаемые пассажиры...» — зазвучало в микрофон, потом это же на английском «Dear passengers...»

— Мне пора, — повторила Ника и вдруг заплакала.

Она смотрела на Виктора, слезы сбегали по щекам девушки, губы дрожали.

— Ну что вы, Ника, — он шагнул к ней и обнял.

Плевать, что она подумает, не может он ее вот так равнодушно отпустить, чтобы она поверила, что ему все равно. Не все равно, он что угодно отдал бы сейчас, чтобы она осталась! Хоть на несколько дней. И тогда... может быть... он как-то смог бы сказать ей...

Она прижалась к нему и заплакала еще сильнее, как маленькая девочка. Виктор не знал, чем ее утешить.

Он осторожно коснулся ее волос, отстранил Нику, убрал пряди с ее мокрых щек, достал носовой платок, вытер девушке слезы.

— Не надо плакать, ну с чего вы? Не навек расстаемся я напишу...

— Правда?

— Честное роханское.

Она улыбнулась, сама еще раз вытерла щеки ладонями.

— Извините... сама не знаю, что это я... буду по городу очень скучать... — губы ее опять дрогнули, и такое было растерянное и незащитное выражение лица, как будто она потерялась. — Я не хочу домой...

Последние пассажиры уже заметно торопясь прошли турникеты на взлетную полосу.

«Ну почему же он не сказал... а теперь уже поздно...» Мысли Виктора заметались...

— Ника... я...

«Нет! Ничего не успеть уже... но что же сделать, чтобы она поняла?»

Он смотрел на нее, а Ника ждала... Ждала от него помощи.

Неужели он так и будет беречь и лелеять свой покой, одиночество?

Виктор вздохнул, взял Веронику за плечи и поцеловал в дрожащие губы.

Глаза ее сначала удивленно распахнулись, потом затуманились, губы неумело ответили ему, раскрылись.

«Скажи сейчас... скажи ей «останься» скажи... скажи... скажи...» — взывал и умолял голос его сердца, — «ты не сможешь без нее, ты ведь боишься остаться один».

Страх одиночества не оправдание для того, чтобы сломать ей жизнь!

Виктор отпустил Нику, но она сама обняла его и прижалась к груди Вяземского, он гладил ее по волосам, вбирая пальцами ощущение мягкости густых прядей.

— Все будет хорошо, все будет хорошо, — повторял он, — я напишу...

Только когда самолет взлетел, Виктор со всей отчетливостью понял, что ради них обоих он должен был просить Нику остаться. И она сейчас стояла бы рядом с ним, и они вернулись бы к Заливу, в дом на берегу...

Но самолет удалялся, набирал высоту, превращался в несколько светящихся точек в темном небе, вой двигателей стал едва различимым среди других звуков, теперь его мог бы заглушить негромкий человеческий голос.

Голос... ее голос... Виктор знал, что она сейчас плачет! Надо сказать... Нике плохо, надо сказать ей сейчас, чтобы она знала. Что... что... что он любит ее...

Виктор заторопился расстегнул замок-кнопку на футляре и... его мобильный телефон выскользнул из руки прямо в большую лужу, которая разлилась у края отгороженного для провожающих участка.

— Ах ты черт! — Вяземский наклонился, нашарил телефон в луже, сразу же открыл, вынул батарею — но это было мертвому припарки. Конечно, и сама схема, и сим карта сдохли. И что теперь... ладно, сейчас он купит другой аппарат, не проблема. И сразу позвонит. Виктор напряг память и вдруг понял, что не знает телефона Ники, тот был в памяти мобильного, да и звонили они друг другу не часто. Виктор дозванивался автонабором через записную книгу, а теперь книга эта вся испорчена. Что же делать? Как сообщить ей? И как она сможет ему позвонить? Надо восстанавливать номер.

* * *

Салон «Связной» на Московском проспекте еще работал. Покупка и подключение были делом пятнадцати минут, а вот восстановление номера оказалось долгой процедурой.

Виктор не захотел ждать в салоне, среди продавцов и охранника, а пошел посидеть в машине. Джип он припарковал у подземного перехода, напротив Макдоналдса.

Виктор сидел в машине и курил одну сигарету за другой, трубку в этот день он забыл

дома. Вернулось чувство пустоты, которое овладело им после ухода Риты. Но только на этот раз оно было еще хуже, мрачнее. Потому что ничего не удалось сказать Нике, или потому, что он не был готов сказать? Или он уже никому не решится сказать ничего подобного? Страх одиночества, новой потери не позволит. Скорее всего так.

И все один к одному: испорчен мобильный, и связь их прервалась. А за этим вопросы. Надолго? Навсегда? Он даже фамилии ее не знает, ни адреса — ничего. Кроме того, что Вероника живет в Ангарске. Допустим город не большой и можно разыскать ее там...отца зовут Сергей, живут они вместе, значит, круг поиска сужается, но все равно.

Да что он, Таня все знает и фамилию, и адрес, и мейл...

Но мобильная связь, Сеть — это лишь иллюзия. Разве письмо может заменить разговор с живым человеком? Разве можно услышать голос, почувствовать прикосновение руки, глядя на слова «я люблю тебя», «я беру тебя за руку». Нет конечно, все равно это будут только буквы на светящемся экране монитора.

Он слышал о виртуальных знакомствах, даже романах, трагедиях, встречах и расставаниях. Ни во что это Виктор не верил.

Для него существовал только реальный мир. А связь — деловое письмо, звонок, чтобы договориться о встрече — ускоритель, необходимый в бизнесе. Но область чувств? Вряд ли она может ограничиться словом...

Дурацкие мысли! Виктор смял пустую пачку из-под «Camel»

Ники нет! Они уже далеко друг от друга. И все, что не было сказано теперь, потеряет всякий смысл через несколько дней или месяцев... Даже часов

Может быть, это и к лучшему? Как обычно разум Виктора сейчас же выставил подходящую успокоительную альтернативу. Да, все к лучшему, он не успел вмешаться в жизнь этой девочки и что-то испортить. Пусть даже Ника увлеклась им, но ведь забудет. Раньше или позже он станет для нее воспоминанием не болезненным, а приятным. Семь дней — это все, что у них было. И пусть так останется. Петербургские каникулы.

Виктор посмотрел на часы на панели управления. Уже почти час прошел, должно быть с восстановлением номера закончили. Ребята в «Связном» пошли ему навстречу, остались после закрытия павильона. Наверно вид у него был восторженный — пожалели...

Пожалуй, стоит носить наручные часы, мобильный не так надежен, как кажется, и потом наручные респектабельней, Наташка всегда это говорила...Она не звонила ему дней пять, а он даже и не побеспокоился, как у нее дела. Может, заболела.

Он обо всем забыл, очарованный странным миром, сложившимся из нескольких миров — из собственного прошлого и юношеских воспоминаний, из далекого прошлого Петербурга, красоты, унесенной временем, отраженной в камне, и миром девушки, о которой он знал только, что ее зовут Вероника, что она любит читать Толкина, что живет далеко-далеко за много сотен километров на другом конце материка Евразия. И еще, что она не хочет возвращаться домой.

Она так мало рассказала ему о себе. Большею частью говорил он — Ника молчала. Она слушала, смотрела, улыбалась. Ее улыбка...

Так. Достаточно. Он же не двадцатилетний юнец и в состоянии справиться с этим. А если ему нужна женщина, то найти ее не составит труда. Была же Катя. Будет и еще одна, или не одна, какая разница?

Виктор загасил очередную сигарету в пепельнице. Раньше он не курил в машине. Теперь весь салон табаком провоняет...

Номер ему восстановили без проблем, а вот с сим картой не вышло.

— Если хотите, оставьте ее, — предложил молодой человек, вероятно, старший менеджер в салоне, он сам занимался проблемой Виктора, — у нас есть тут умелец, но сегодня не его смена.

— Нет, спасибо, раз номер остался прежним, то кому надо сами позвонят, — отказался от услуги Виктор.

Он не мог оставлять свои номера в чужих руках, потому что в памяти телефона была и закрытая информация. Все это он восстановит сам. Все, кроме телефона Ники, он забыл его напрочь. Зрительно помнил только первые две цифры. Но если она позвонит сама... А вдруг звонила уже? Нет, с борта вряд ли.

— А «Мегафон» может держать соединение, если звонить будут с воздуха, из самолета? — спросил Виктор продавца.

— Нельзя сказать точно, широта охвата у них позволяет, а вот как помехи скажутся и потом скорость перемещения высокая, сегодня, при такой погоде — вряд ли.

Конец